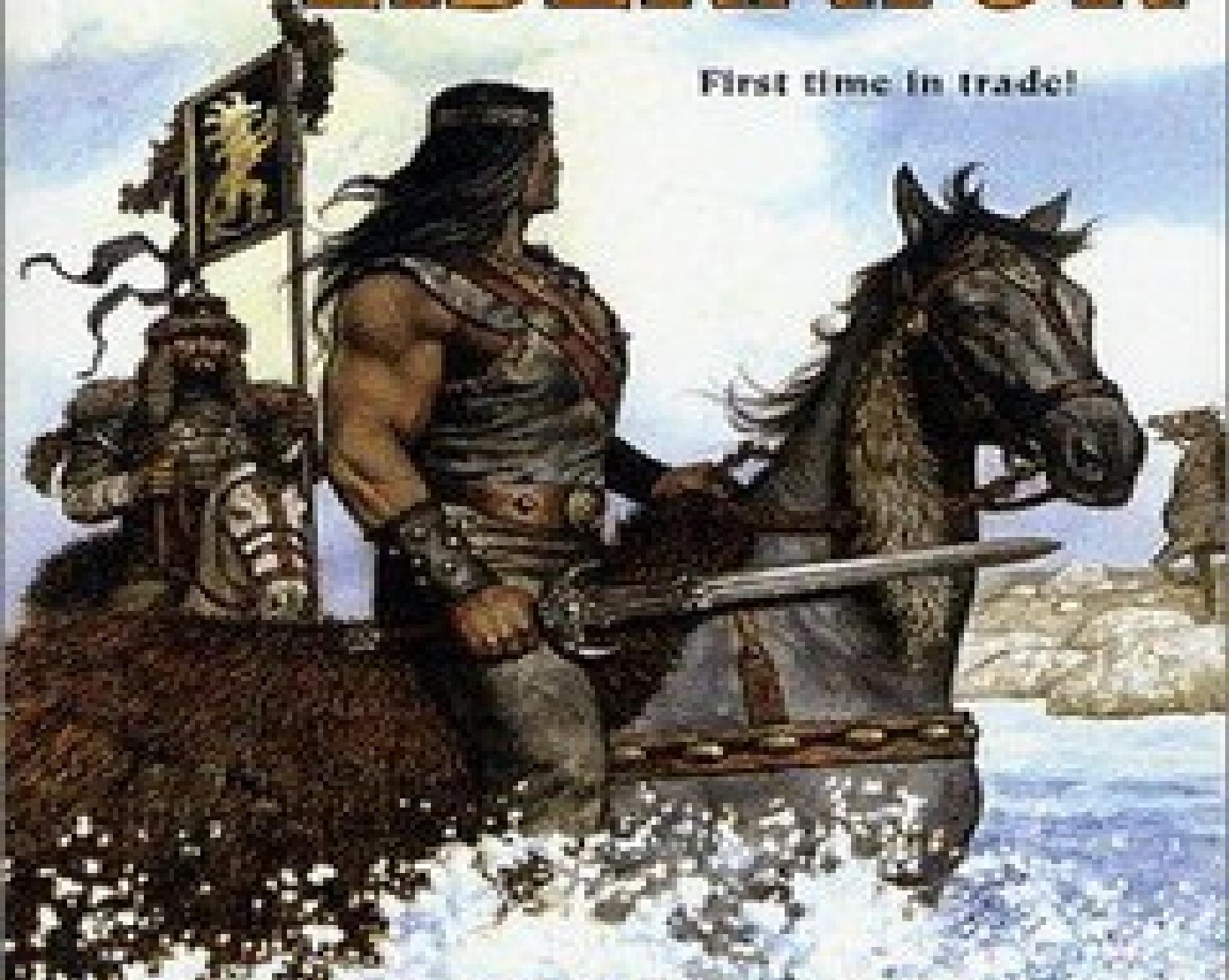


CONAN THE LIBERATOR

First time in trade!



L. SPRAGUE DE CAMP
& LIN CARTER

Annotation

Аквилония находится во власти безумного короля Нумедидеса, все мятежи давно подавлены, люди потеряли надежду. Киммерийский воин Конан, раздобыв сокровища Траникоса, собирает огромную армию и пытается свергнуть тирана с престола.

- [Лайон Спрэг де Камп, Лин Картер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
-

Лайон Спрэг де Камп, Лин Картер
**«Под знаменем Льва» (=«Конан-
Освободитель»)**

Глава 1

КОГДА ПРАВИТ БЕЗУМИЕ

Над шпилями царственной Тарантии ночь раскинула свои черные нетопырьиные крылья. На безмолвных улицах, подобно зрачкам диких зверей, горели факелы. Густая тьма благоухала всеми ароматами начинавшейся весны, но мало кто в городе отваживался выйти из дома в такой час. Редкие прохожие, которых суровая нужда все же выгнала за порог, крались, словно воры, шарахаясь от каждой тени.

В акрополе, вокруг которого расположился Старый Город, вздымал свои башни к бледным звездам древний дворец. Крепостная громада горбилась над холмом, будто фантастическое чудовище, тупо взиравшее на городские стены, не в силах вырваться из плена.

Тишина легла на мраморный зал и сверкающие покои мрачного дворца, словно пыль на могильные плиты забытых стигийских гробниц. Пажи и слуги прятались за крепкими засовами, и никто не осмеливался бродить по витым лестницам и длинным коридорам, кроме королевских гвардейцев. Но даже они, покрытые шрамами ветераны бесчисленных битв, старались не вглядываться в темноту и нервно вздрагивали от каждого неожиданного звука.

Возле парадной двери, скрытой богатой парчовой драпировкой, неподвижно замерли два гвардейца. Оба воина смертельно побледнели, когда из покоев донесся жуткий сдавленный крик. Жалобная песнь предсмертной муки, словно ледяная игла, пронзила закаленные сердца бывалых солдат.

— Митра, помоги нам! — прошептал воин, что стоял справа, едва разлепив бледные от напряжения губы.

Товарищ его ничего не ответил, и только громкое биение сердца вторило страстному шепоту, когда гвардеец добавил:

— Нам и нашей стране...

Ибо в Аквилонии, самом гордом из всех королевств хайборийского мира, помнили поговорку: «И храбрец становится трусом, когда правит безумие». А король Аквилонии явно был безумен.

* * *

Звали его Нумедидес. Он был племянником Вилеруса Третьего, наследником и продолжателем древней династии. Уже шесть лет страна изнемогала под тяжкой дланью правителя. Суеверный, самовлюбленный и жестокий, он в довершение ко многим человеческим порокам обожал запах свежей крови, посвист хлыста и вопли истязаемых. И дабы ничто не мешало ему предаваться извращенным радостям в гареме или в пыточной камере, вначале он даже позволил придворным баронам самостоятельно править страной от его имени.

Но все переменилось с появлением Зуландры Тху. Никто не знал, откуда взялся этот смуглый, худощавый человек, хранивший, по всей видимости, великое множество страшных, кровавых тайн. Никто не знал, зачем и почему явился он в Аквилонию, покинув далекую родину на Востоке.

В городе о нем частенько шептались: одни говорили, будто он чародей из туманной Страны Колдунов, что лежит на самом краю хайборийских пределов, другие утверждали, что это самый настоящий призрак, выбравшийся из развалин древнего стигийского храма. Третья болтали, что, мол, если судить по имени — он чистокровный вендиец. Предположений было великое множество, однако правды не знал никто.

Больше года жил смуглокожий чужеземец во дворце, наслаждаясь с милостивого соизволения короля властью и прочими привилегиями монаршего любимца. При дворе ходили слухи, будто Зуландра — философ-алхимик. Он то ли ищет способ, как превращать железо в золото, то ли готовит рецепт всеисцеляющего снадобья. Кое-кто называл его волшебником, занявшимся Черным Искусством. А некоторые более дальновидные сановники предпочитали считать Зуландру просто возжаждавшим власти ловким шарлатаном.

Но все до единого сходились на том, что чужестранец сумел подчинить себе волю короля. Никто не знал, как — колдовскими ли заклинаниями или же разжигая алчность монарха обещаниями несметных богатств. Зато все понимали, что именно проклятый чужак, а никак не Нумедидес, правит теперь Рубиновым Троном. Малейшая прихоть Зуландры становилась для всех законом. Даже королевский канцлер Вибиус Латро получил приказ подчиняться незваному пришельцу, как самому государю.

А между тем поведение правителя Аквилонии становилось все более странным. Он вдруг повелел достать из сокровищницы побольше золота и отлить свое изображение. Потом украсил статую драгоценностями королевского дома и почти каждый день осыпал золотое изваяние цветами

и цветущими ветками. Горе королевству, когда корона — на голове безумца. Да к тому же спящий владыка стал игрушкой в руках ловкого фаворита, не то и впрямь настоящего колдуна, не то умного проходимца.

* * *

За скрытой багряной парчой дверью, где стояли гвардейцы, находились тайные покои. Стены в них убраны зловещим пурпуром, разукрашены загадочными магическими знаками и символами. Любопытному взору открылось бы поразительное зрелище...

В саркофаге из полупрозрачного алебастра лежал погруженный в глубокий сон Нумедидес собственной персоной. Дородное тело короля было полностью обнажено. Черты лица даже во сне не утратили выражения отвратительного самодовольства. Кожа — прыщавая и угреватая, слюнявые губы отвисли, под глазами набрякли тяжелые мешки. Мерзкое, как у жабы, брюхо вздымалось над стенками алебастрового гроба.

Сверху, над открытым саркофагом, вниз головой висело прихваченное за лодыжки тельце двенадцатилетней девочки. На нежной коже мальчики остались следы пыток. Пыточные инструменты лежали поодаль среди дотлевавших углей, на медной жаровне. Жаровня стояла рядом со странным креслом из черного металла, украшенным загадочными письменами.

Горло ребенка было аккуратно перерезано, яркая кровь струилась по искаженному лицу девочки и светло-пепельным волосам. Саркофаг был наполовину заполнен кровью, и массивное тело короля нежилось в этой жуткой ванне.

Вокруг гроба, освещая кошмарную сцену, стояли двенадцать огромных свечей, высотой со среднего мужчину. Поговаривали, будто сделаны они из останков несчастных жертв колдуна...

На черном железном троне восседал Зуландра Тху — худощавый, средних лет человек с лицом аскета. Волосы его, стянутые ободком красноватого золота, походили на кольца змей, змеиным же холодом веяло от взгляда его темных, полуоткрытых тяжелыми веками глаз. Если бы не этот стеклянный, остановившийся взгляд, выдававший фанатика, можно было бы сказать, что Зуландра и впрямь похож на философа или странствующего мудреца.

Черты его будто вылеплены искусственным ваятелем, кожа темная, словно редкостное восточное дерево. Зуландра сидел в одеянии из темно-красной

парчи — несколько раз обернутая вокруг тела и перекинутая через плечо ткань оставляла открытыми жилистые руки.

Временами он поднимал голову от древнего, украшенного фигурками удивительных зверей тома, что лежал у него на коленях, и задумчиво смотрел на алебастровый саркофаг. Потом, нахмурясь, вновь обращался к книге. Пергаментные страницы гигантского фолианта испещряла неизвестная Западу, тонкая, будто паутина, вязь. Ряд за рядом, страница за страницей вились затейливые строки. Многие буквы выведены чернилами алого, изумрудного или сиреневого цветов, не потерявшими своей яркости с течением многих веков.

На скамеечке, стоявшей неподалеку от трона, зазвонили водяные часы, сделанные из хрусталя и золота. Зуландра в последний раз бросил внимательный взгляд на жирное тело короля в саркофаге. Судя по недовольной гримасе и крепко сжавшимся губам, Зуландру постигла неудача с опытом.

Чародей резко поднялся, отодвинув книгу в сторону нетерпеливым жестом. Фолиант задел пурпурный полог и грохнулся переплетом вверх. Если бы сейчас в комнате находился кто-нибудь, способный прочесть надпись на корешке и разобрать тайный смысл загадочных символов, он увидел бы, что громадный том озаглавлен «Секреты бессмертия. Учение Гушупты из Шамбаллы».

Очнувшись от гипнотического транса король выбрался из саркофага и поспешил плюхнуться в обычную ванну, полную чистой, благоухающей цветами воды. Он вытер лицо сухим полотенцем, а Зуландра принялся омывать губкой спину и плечи владыки. Чародей никому не позволял входить в тайные покои во время магических ритуалов, и поэтому ему приходилось собственноручно драить королевские телеса.

Нумедидес пристально посмотрел в темные глаза чародея.

— Ну? — резко и требовательно проговорил король. — Что у нас получилось? Перешла ко мне жизненная сила этой маленькой паршивки?

— Отчасти, — ответил колдун бесцветным голосом. — Отчасти, но... недостаточно.

Нумедидес хрюкнул и поскреб кривым желтым ногтем волосатое брюхо. Рыжеватые волосы его уже начинали седеть.

— Что ж, тогда продолжим! В Аквилонии много девчонок, которых никто не станет искать открыто, а слуги у меня верные...

— Позволь сначала поразмышлять, о повелитель. Мне придется перечесть свиток Амендараха, дабы убедиться, что причина неудачи кроется в какой-то моей оплошности, а не в противодействии высших сил.

Я охотно составил бы еще один гороскоп. В прошлый раз звезды сулили нам неприятности...

Облачившись в пурпурный халат, монарх поднял кубок терпкого, золотистого вина, где плавали багряные бутончики мака, и осушил сосуд до дна.

— Знаю, знаю, — проворчал Нумедидес. — Неурядицы на границе, половина придворных — заговорщики... Не трусь, мой пугливый чародей! Наш королевский род уходит корнями в глубокое прошлое, он переживет еще и твой прах.

Взгляд короля остановился, он умолк, а когда вновь заговорил, легкая улыбка играла у него на губах.

— Прах... Все прах, кроме верховной власти! — Тут он, похоже, опомнился и раздраженно бросил: — Так ответишь ты мне или нет? Нужна тебе еще одна девчонка?

— О да, повелитель, — после минутного размышления отозвался Зуландра. — Смею полагать, я в состоянии отыскать ошибку. И тогда мы добьемся цели.

Король плотоядно ухмыльнулся и хлопнул своей волосатой лапой по узенькой спине чародея. От неожиданности колдун вздрогнул. На мгновение смуглое лицо исказилось от гнева, но тотчас злобную гримасу словно стерла невидимая рука.

— Прекрасно, господин чернокнижник! — рыкнул Нумедидес. — Сделай меня бессмертным, чтобы я правил этой страной вечно. Получишь золота сколько душе угодно. Знаешь ли, я уже начал чувствовать в себе нечто этакое... божественное. Но пока еще не сообщил своим верным подданным.

— О, повелитель, — чародей с трудом держал себя в руках, — сейчас не время объявлять о подобных вещах. Народ волнуется. На юге и на побережье вот-вот вспыхнут мятежи. Нам надо быть...

Король отвернулся.

— Мне уже доводилось усмирять всяких мерзавцев. Поэтому и теперь сумею накинуть на них узду.

Но волнения, которые монарх, отмахнувшись, досадливо назвал «неурядицы на границе», заслуживали большего внимания. На западных рубежах Аквилонии, где страну испокон веков раздирали усобные войны и баронские распри, мятеж был не в диковинку. Издавна народ там стонал от жестокости правителей, моля о смягчении податей и налогов. Но короля мало беспокоили горести черни.

Правда, Нумедидес не настолько увлекся своими забавами, чтобы

забыть о донесениях шпионов, которые представлял королю самый умный из всех сановников Вибиус Латро. Канцлер старался не упустить ни одного отчета о предводителях черни или о передвижениях богатого и могущественного графа Троцеро Пуантенского. От такого врага, как Троцеро, король отмахнуться уже не мог. У пуантенца имелась могучая кавалерия и отряды опытных воинов. К тому же подданные обожали графа и готовы были повиноваться каждому его слову.

— Троцеро, — задумчиво проговорил Нумедидес, — придется, конечно, уничтожить. Но для открытого боя он чересчур силен. Тут нужен хороший знаток ядов... Вот-вот. А мой честный, мой непоколебимый Амалиус Прокас торчит сейчас на южной границе. Ему уже не раз случалось громить наглецов, осмелившихся восстать против меня.

Холодные темные глаза Зуландры остались непроницаемы.

— Беда уже простерла черную длань над твоим военачальником. Я читаю это по лицу небес. Нам надо быть осторожнее...

Монарх не соизволил выслушать чародея. Крепкий сон и бокал макового настоя пробудили плотские страсти. В гареме у короля только что появилась новая восхитительная наложница. Изощренная фантазия Нумедидеса уже принялась изобретать для женщины невиданное истязание.

— Мне пора! — бросил монарх колдуну. — Не беспокой меня, иначе гнев мой поразит тебя посильней небесной молнии. — Он ткнул в сторону Зуландры оттопыренным пальцем и издал короткий булькающий смешок. Продолжая похвачивать, король раздвинул складки пурпурной драпировки на стене и исчез за отодвинувшейся панелью. Тайный ход вел в ту часть женских покоев, которую во дворце с ненавистью шепотом называли Палатой Боли.

Колдун смотрел королю вслед, и на лице его, освещенном пламенем гигантских свечей, застыла кривая усмешка.

— О повелитель червей! — проговорил он на неизвестном наречии. — Ты во всем прав. Только перепутал роли. Во прах обратится Нумедидес, а Зуландра Тху воссядет на Рубиновый Трон. Отец Сэт и Матерь Кали помогут преданному своему сыну вырвать из тьмы неизведенного тайну вечной жизни...

Тихий голос шелестел в сгустившемся сумраке, подобно змее, ползущей по костям мертвецов.

Глава 2

ЛЬВЫ СОБИРАЮТСЯ

Далеко на юге от Аквилонии по бурным водам Западного Океана неслась небольшая галера. Корабль — по стилю аргосийский — держал курс к берегу. Там, сквозь опускающуюся тьму, пробивались огни Мессантии. Светлое на западе, зеленоватое небо знаменовало конец еще одного дня, а над головой, предвещая восход луны, уже зажигались первые звезды.

Возле борта, на полубаке, прикрываясь плащами от брызг, что поднимал, разрезая волны, бронзовый носовой таран, примостились семеро человек. Один из них — немолодой уже, с твердым лицом и спокойным взглядом — был облачен в просторные одеяния жреца Митры. Звали мужчину Декситус.

Другой — высокий, широкоплечий, с волосами, чуть тронутыми сединой, — был в посеребренных латах, украшенных на груди тремя золотыми леопардами. Это граф Троцеро Пуантенский. Именно его флаг с пурпурными леопардами развевался на фок-мачте судна.

Подле графа теребил бородку весьма изысканный господин в бархатной, затканной серебром курточке. Движения его были легки, с лица не сходила беспечная улыбка. Но за ней таилась суровая непреклонность опытного воина. Звали улыбчивого щеголя Просперо. Еще недавно он числился одним из лучших полководцев аквилонской армии. Почти касаясь Просперо локтем, не обращая внимания на гаснущий свет, у борта пристроился царапающий что-то на восковой табличке лысоватый, плотный мужичок совершенно невоенного вида. Его звали Публий. До недавнего времени он служил казначеем при дворе Нумедидеса, испросив отставку после очередного увеличения налогов.

Рядом, вцепившись в шаткие поручни, стояли две девушки. Та, что постарше, — легкая, хрупкая, — зингарская дворянка Велесса из Корцетты. Ее длинные черные волосы трепетали на морском ветру подобно знамени. Обхватив девушку за талию, к ней прижалась другая, совсем еще ребенок, и смотрела широко раскрытыми глазами на приближавшуюся полоску береговых огней. Это Тина. Некогда она была рабыней в Офире, служанкой у одного негодяя, но Велессе — племяннице графа Валенсо — удалось вырвать девочку из рабства. После чего обеим — и госпоже, и фаворитке — пришлось разделить с графом его

добровольную ссылку и отправиться в страну пиктов.

Над всей группой собравшихся на полубаке людей возвышалась могучая фигура. Человек этот, особенно в темноте, запросто мог сойти за горного великанна. Пристальным взглядом пронзительных голубых глаз и косматой гривой нечесаных волос, падавших на широченные плечи, он напоминал льва. Это был Конан из Киммерии.

Великолепную фигуру киммерийца подчеркивали драная шелковая рубаха, кожаные штаны и высокие морские башмаки. Наряд этот был с плеча предводителя пиратов Траникоса Кровавого, нашедшего смерть в пиктских горах, где он пировал в пещере со своими ближайшими соратниками. Умер знаменитый пират прямо за столом, заваленным сокровищами стигийских царей. Рубаха и штаны оказались маловаты для Конана. Теперь они уже успели изрядно истрепаться, их щедро заляпала кровь и грязь. Но, глядя на великана-киммерийца, никому бы и в голову не пришло назвать его нищим.

* * *

— Если мы открыто станем продавать сокровища Траникоса, — говорил граф Троцеро, — это может сильно не понравиться королю Милону. До сих пор он обходился с нами по совести, но, прослышиав о нашей добыче — о золоте, рубинах и изумрудах, — он может объявить все это собственностью аргосийской короны.

Просперо согласно кивнул:

— Вот именно. Милон Аргосийский любит, чтобы сокровищница была полна доверху. Любит не меньше, чем любой другой самодержец. Стоит нам обратиться в Мессантии к какому-нибудь ювелиру или ростовщику, через час об этом узнает весь город.

— Что же тогда делать? — спросил Троцеро.

— Надо посоветоваться с нашим главнокомандующим, — лукаво улыбнулся Просперо. — Простите, если я ошибаюсь, но не приходилось ли вам, господин Конан, когда-либо встречаться...

Киммериец пожал плечами:

— Хочешь узнать, не пиратствовал ли я в здешних краях? Доводилось... Может, и еще придется. Разве что вам удастся наставить меня на путь истинный. — По-аквилонски Конан говорил свободно, но с жестким варварским акцентом. После короткого молчания он продолжил:

— Есть у меня одна задумка! В порту Публий отправится к казначею

заплатить за галеру, с вычетом фрахта, конечно. А я тем временем отнесу барахлишко одному парню... Мы с ним не раз уже крутили дела. Старина Барро всегда давал честную цену.

— Но ведь уже говорили, — возразил Просперо, — драгоценные геммы Траникоса стоят дороже всех бриллиантов мира. Человек же вроде твоего приятеля не даст и десятой доли цены.

— Придется тебя разочаровать, — вмешался Публий. — Цена таких побрякушек на словах всегда выше, чем на деле.

Конан оскалился по-волчьи:

— Не тряситесь! Возьму сколько смогу. Мне подобные навороты не впервые. Сказать прямо, тут и сотой доли хватит, чтобы купить все мечи Аквилонии. — Киммериец оглянулся назад, где на юте стояли капитан и рулевой. — Эй, капитан Зенон! — рявкнул он по-аргосийски. — Передай своим гребцам: если они доставят нас к берегу раньше, чем закроются кабаки, каждый получит серебряную монету сверх обещанного! — С этими словами Конан опять повернулся к своим спутникам и, понизив голос, добавил: — А теперь лучше помалкивайте о сокровищах! Каждое неосторожное слово может стоить нам армии.

К галере подошла мессантайская лодка с шестью крепкими гребцами. Сидевший на корме, завернувшись в плащ с головы до пят человек помахал фонарем. Капитан галеры ответил на сигнал. Конан направился было в каюту за сокровищами, но тут Велесса положила свою узкую ладонь на здоровенную лапу киммерийца. Девушка кротко посмотрела Конану в лицо. В голосе ее звучало едва ли не отчаяние, когда она спросила:

— Ты все же решил отослать нас в Зингару?

— Так будет лучше. Войны и мятежи не для благородных дам. Камушки, что вы возьмете с собой, хватит на приличное приданое. Если хотите, я могу сам перевести их в звонкую монету. А сейчас мне пора топать.

Не говоря больше ни слова, Велесса протянула киммерийцу небольшой мешочек из мягкой кожи, добытый Конаном в пещере Траникоса. Девушка проследила взглядом, как могучий варвар соскользнул вниз по трапу. Она всем своим существом ощущала мужественность, которая исходила от киммерийца подобно жару бушующей топки. В глубине души Велесса мечтала о том, чтобы навсегда забыть о любом приданом. Однако Конан с того самого дня, когда спас и ее, и Тину из рук пиратов, относился к обеим девушкам лишь как друг и защитник.

Киммериец прекрасно понимал, что эта утонченная благородная

дамочка, взращенная на зингарских понятиях о женской скромности и чистоте, никогда не привыкнет к опасной и грубой жизни искателя приключений. Ведь случись что с Конаном, девчонка осталась бы на свете совсем одна. Ибо никто из членов королевской семьи никогда бы не позволил бывшей подружке простого наемника осквернить своим присутствием мраморные залы дворцов Зингары...

С легким вздохом Велесса тронула за плечо примостившуюся рядом подругу:

— Пора и нам собирать вещи.

* * *

Галера вошла в шумную, оживленную бухту. Публий уплатил портовый налог. После чего бывший казначай вручил плату капитану Зенону, напомнив еще раз о том, чтобы матросы помалкивали о путешествии.

Капитан отдал команду, матросы опустили парус и убрали под мостики. Гребцы с бранью и грохотом уложили под скамьи весла. И весь экипаж — боцманы, гребцы и матросы — весело устремился на берег, туда, где в темноте ярко светились огни кабаков и постоянных дворов.

Моряков на набережной толкалось преизрядно! Одни шли куда-то по своим делам, ступая не совсем твердо по выщербленной мостовой; другие пьяно хрюкали, развалившись там, где их оборол хмель; третьи шныряли в поисках дармовой выпивки или дешевой потаскухи.

Один из таких гуляк был вовсе не так пьян, как могло показаться на первый взгляд. Это был зингарец с худощавым лицом, с четко очерченными скулами и носом. Звали его Квесадо. У него были мягкие иссиня-черные кудри, а глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, придавали лицу обманчивое выражение сонного равнодушия. Квесадо торчал в дверях портового кабака уже давно, прислонившись спиной к косяку с таким видом, будто время остановилось, а если вдруг с ним пытался поболтать кто-нибудь из подвыпивших матросов, ленивым жестом он отправлял их своей дорогой.

Квесадо внимательно наблюдал за вошедшей в гавань небольшой галерой. Он отметил, что вслед за командой на берег сошли несколько вооруженных людей и две женщины. Они постояли на причале, пока кто-то из моряков, заинтересовавшись, не предоставил им свои услуги. После того как добровольные носильщики разобрали корзины и дорожные сумки, необычная процессия растворилась в толпе.

Когда спина последнего чужестранца исчезла из виду, Квесадо отправился в винную лавку, где уже собирались несколько матросов с вновь прибывшего корабля. Зингарец устроился в уютном уголке возле камина, заказал вина и принялся наблюдать за моряками. Наконец он остановил выбор на мускулистом, загорелом аргосийском гребце, который был уже изрядно навеселе, и подсел завязать беседу. Квесадо приказал принести парню кружку горького эля и начал с того, что рассказал довольно соленый анекдот.

Гребец разразился хохотом, а когда успокоился, зингарец равнодушно спросил:

— Не с той ли ты галеры, что пришла сегодня вечером?

Аргосиец, допивая эль, молча кивнул.

— Торговая?

Гребец вскинул лохматую голову и с презрением уставился на собеседника.

— Вот ведь тупорылые чужеземцы! Спутать настоящий корабль с торговой калошой! — фыркнул он. — Это военное судно, дубина! Гордость короля Милона — «Арианус».

Квесадо хлопнул себя ладонью по лбу:

— О боги! Вот дурак-то! Он так давно вышел из порта, что я и забыл, как он выглядит. Но ведь этого флага с леопардами раньше не было. Откуда он взялся?

— Это пурпурные леопарды Пуантена, приятель, — важно проговорил моряк. — Галеру нанял ни больше ни меньше сам граф Пуантенский и сам ходил с нами в этот поход.

— Да быть не может! — воскликнул Квесадо, изображая крайнее изумление. — Наверняка это было просто какое-то дипломатическое поручение...

Пьяный гребец, подогреваемый вниманием собеседника, рявкнул:

— Это был самый жуткий поход! За тысячу лиг, а может, и дальше... Просто чудо, что пикты не перерезали нам глотки... — На этих словах он осекся, потому что один из боцманов «Ариануса» с каменным лицом положил ему на плечо тяжелую ладонь.

— Придержи язык, болван! — прорычал он, с подозрением глядя на зингарца. — Капитан ведь предупреждал, чтоб не трепались, особенно с чужеземцами! А ну заткни пасть!

— Будет исполнено, — пробормотал гребец. И, стараясь не встречаться больше глазами с Квесадо, уткнулся в свою кружку.

— Мне-то что, — зевнул Квесадо, равнодушно пожав плечами. —

Здесь в Мессантии такая скука... Вот мне и захотелось почесать языком.

Он лениво поднялся, заплатил за выпивку и направился к выходу. Но за дверью выражение сонного безразличия тотчас исчезло с его лица. Квесадо быстро прошел вдоль причалов до убогого постоянного двора. Там зингарец немедленно потребовал ключ. Крадучись, будто вор, он поднялся на второй этаж.

Заперев на засов дверь, Квесадо задернул драные шторы, от тлевших на крохотной жаровенке углей зажег свечу. После чего, согнувшись над колченогим столом, написал гусиным пером на кусочке папируса короткое письмо.

Закончив, Квесадо скатал папирус и ловко запихнул его в медную трубку длиной не больше мизинца. Потом встал из-за стола, открыл стоявшую у стены клетку и достал сонного голубя. Трубку он привязал к лапе птицы, отодвинул штору, поднял раму и подбросил голубя. Крылатый вестник, сделав круг, исчез в темноте над бухтой, а Квесадо наконец позволил себе улыбнуться.

Девять дней спустя в далекой Тарантии канцлер Вибиус Латро получил от королевского голубятника медную трубочку. Осторожно достал он папирус, развернул и, подойдя поближе к окну, прочитал:

«В Мессантию с небольшой группой людей прибыл граф Пуантенский. К.».

* * *

Когда рок нависает над королевством, о падении древних династий и могучих тронов предупреждают различные знамения. Не нужно даже обладать знаниями Зуландры Тху, чтобы увидеть: Дом Нумедидеса на краю гибели. И знаки неизбежного крушения видны повсюду.

Вести из Мессантии неслись на север. Их доставляли копейщики, лучники, меченосцы, прежние соратники Конана, люди, сражавшиеся бок о бок с киммерийцем в битве при Велитриуме. Причем кое-кто знал Конана и по более отдаленным временам Большой Битвы, когда свирепому варвару удалось сломать боевые порядки пиктов... Это была старая гвардия, не забывавшая своего командира. Ветеранов поддерживали и воины помоложе, уставшие от службы увенчанного маньяка, пренебрегшего покоем и процветанием государства ради извращенных прихотей и безумной мечты о бессмертии.

За те несколько месяцев, что Конан пробыл в Мессантии, многие из

воинов — кто выйдя в отставку, кто попросту сбежав со службы — направились на юг, в Аргос. Вместе с ними по тайным тропам двигались в ту же сторону оборванцы и бродяги из Пуантена, Боссонии, северного Гандерланда, кордавские бандиты, обедневшие тарантийские рыцари, а также искатели приключений всех мастей.

— А эти откуда взялись? — изумлялся Публий, стоя вместе с киммерийцем возле большого шатра, при виде группы потрепанных всадников, въехавших в лагерь. Лошади под седоками тощие, сбруя драная, доспехи у воинов ржавые. Всадники все сплошь заляпаны грязью. Кое-кто даже ранен.

— Ваш бедолага-король нажил себе немало врагов, — ухмыльнулся Конан. — Мне все время докладывают о прибытии то каких-нибудь рыцарей, которых он лишил земель, то аристократов, над женами или дочерьми которых он надругался, то о торговцах, у которых он отнял товары, то о простых работягах, восставших против спятившего монарха. А эти парни объявлены Нумедидесом вне закона за подстрекательство.

— Тиран сам обрек себя на гибель, — проговорил Публий. — Сколько же у нас теперь людей?

— Вчера перевалило за десять тысяч.

Публий присвистнул:

— Ну и ну! Надо прекратить набор, пока еще есть деньги. Сколько бы ты ни добыл сокровищ, все растает, как весенний снег, если мы найдем солдат больше, чем позволят карман.

Киммериец потрепал собеседника по плечу:

— Придется тебе, казначей, постараться, чтоб никто из ястребов не остался голодным. А я сегодня пытался выпросить у короля Милона разрешение расширить лагерь. Но он только пыхтел от злости! И людей наших, дескать, в Мессантии слишком много, и в городе из-за них все кувырком, и цены поднялись, и мордобития стали чаще. Поэтому, говорит, придется нам перебираться куда-нибудь либо выметаться вон из Аргоса.

Публий нахмурился:

— Пока идут учения, необходимо держаться поближе и к морю, и к городу. Ты ведь гоняешь парней до седьмого пота. А накормить десять тысяч глоток — нешуточное дело.

Конан пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Завтра мы с Троцеро отправимся подыскивать новое место для лагеря. Зато следующее полнолуние встретим уже по дороге в Аквилонию.

— Это еще кто такой! — неожиданно воскликнул Публий, указывая на

солдата, который отдыхал после утренних учений и подошел слишком близко к шатру командующего. Парень этот, видно, перебрал пива: колени у него подгибались, и он, споткнувшись о случайный камень, едва не свалился. Заметив недалеко от себя Публия и Конана, солдат сдернул с головы мятую шапочку, поклонился — да так низко, что чуть не опрокинулся, — выпрямился и поклонился обратно.

Киммериец сказал:

— Это зингарец. Пришел несколько дней назад. Настоящего бойца из него не выйдет — чересчур уж тихоня. Хотя фехтует неплохо, прекрасный наездник, а ножом владеет, как мало кто. Так что Просперо велел ему оставаться. Зовут его... кажется, Квесадо.

— Ты у нас просто как магнит — тянешь к себе всех головорезов, — хмыкнул Публий.

— Я хочу выиграть войну, — ответствовал на это киммериец. — Раньше, угодив в какую-нибудь передрягу, я мог свалить куда подальше, где обо мне и слыхом не слыхивали. Теперь такой фокус не пройдет. Слишком многие знают меня...

— Что ж, нам только лучше, — улыбнулся Публий, — если у нас вожаки до того знамениты, что сбежать у них нет никакой возможности.

Киммериец промолчал. В памяти вереницей пронеслись образы прошедших лет, когда он голодным оборванцем впервые покинул суровый Север. Солдат и бродяга, он исходил вдоль и поперек хайборийские земли. Кем он только не был — вором, пиратом, степным разбойником, наемником. Потом стал армейским капитаном и вновь все потерял по прихоти фортуны. И везде, где он прошел — от диких Дебрей Пиктов до жарких степей Гиркании, от снежных сугробов Ванахейма до влажных джунглей Куша, — имя могучего киммерийца стало легендой. Поэтому теперь воины далеких стран, услыхав о том, что Конан собирает войско, устремились под его знамена.

Знамя Конана развевалось на центральном шесте шатра. Киммериец сам придумал себе герб — золотой, поднявшийся на задние лапы лев на черном поле. Еще в битве при Велитриуме, возглавляя отряд Львов, Конан снискал настоящую славу. Именно тогда он и придумал свой стяг, чтобы воинов вдохновляли не только обещанные деньги, — если смерть витает над самой головой, про золото забываешь, а вот о любимом знамени помнишь... После блестательной победы под Велитриумом король Нумедидес решил, что командир-варвар слишком уж популярен среди простых голодранцев, потому и приказал найти удобный момент и отправить могучего киммерийца на тот свет. Тупоголовый монарх

позавидовал славе отважного воителя-северянина и побоялся той власти, что так неожиданно оказалась у Конана.

Свирепый варвар с трудом вырвался из западни. Пришлось ему в награду за верную службу бежать из королевства. Конан потом частенько вспоминал своих Львов... И вот теперь гордое знамя вновь реет над войском как символ славных побед.

Киммериец знал, что в скромом времени воинов ждут суровые испытания. В глубине души Конан оставался суеверным варваром. Он, как всякий горец-северянин, свято верил во всевозможные магические амулеты и обереги, а посему золотой лев был священным талисманом отважного киммерийца. За свою недолгую жизнь Конан успел обойти половину хайборийских земель, повстречаться с самыми разными людьми — жрецами и королями, колдунами и бандитами, богатеями и оборванцами, — которые делились с добродушным, жадным до всего нового варваром своим богатым опытом, но в сердце он все равно хранил древние традиции родной Киммерии...

Квесадо тем временем, отойдя подальше от шатра полководца, вдруг загадочным образом прозрел. Ни разу больше не споткнувшись, он быстро двинулся по разбитой телегами дороге в сторону Северных ворот Мессантии.

Получив место в солдатском шатре, Квесадо не стал отказываться от комнатенки с видом на гавань. И сейчас здесь, под дверью из грубо оструганных досок, его ждало письмо. Послание было без подписи, но Квесадо и так знал, что оно от Вибиуса Латро.

Зингарец покормил голубей и, используя незамысловатый ключ, принялся за расшифровку письма. На первый взгляд, это был обычный рассказ о домашних делах, но Квесадо отметил в послании каждое четвертое слово и прочел, что к нему направлен помощник. Вернее, помощница — женщина необыкновенной красоты.

Шпион криво улыбнулся. Потом сел за очередной отчет, который сразу отправил с крылатым курьером на север, в далекую Тарантию.

* * *

Занимаясь делами быстро растущего воинства, Конан распрощался с Велессой и ее юной спутницей. Киммериец долго смотрел им вслед, когда экипаж загрохотал по прибрежной дороге в сопровождения крепких гвардейцев. В спрятанном среди прочего скарба сундучке лежало золото.

Обеим девушкам богатства должно было хватить на многие годы безбедной жизни. Конан от всей души надеялся, что больше никогда не увидит ни красавицу зингарку, ни ее миловидную фаворитку.

Чары Велессы не обошли стороной могучего киммерийца, но он твердо решил, что женщинам — тем более изнеженным дворяночкам — нет места на дорогах войны. Позднее, если мятеж закончится благополучно, брак с особой царственного происхождения мог бы оказаться даже полезен. Ибо сколько бы ни проливали кровь простые солдаты, по-настоящему магическим образом защищает трон лишь кровь самих королей.

И все же киммериец, как всякий нормальный мужик, маялся от одиночества. Чем дольше он оставался один, тем чаще впадал либо в ярость, либо в угрюмую меланхолию. В конце концов, Просперо, угадавший причину подобных настроений, предложил Конану прогуляться в город.

— Немного ума, немного везения — и найдешь подружку по вкусу, — сказал Просперо.

Ему и в голову не могло прийти, что слова эти долетят до слуха ловкого зингарца, который в это время отдыхал, уткнувшись носом в колени и спиной привалившись к стойке шатра.

Конан, отнюдь не помышлявший о том, что кто-то может подслушивать разговор, ответил резким отказом. Но день шел за днем, и воля киммерийца все больше поддавалась яростным желаниям плоти. Особенно, конечно, по ночам...

* * *

Воинство мятежников продолжало расти. Приходили лучники с Боссонских Пределов, копейщики из Гандерланда, прибывали легковооруженные всадники из Пуантена, суровые аквилонские рыцари, а также простые разбойники и небольшие отряды отчаянных головорезов. Над учебным полем, не смолкая, то звучали гневные возгласы командиров, то слышалась тяжелая поступь марширующей пехоты, то звонкий щелчок кавалерии, то посист пущенных стрел. Конан, Троцеро и Просперо не ведали отдыха, пытаясь превратить новобранцев в настоящих бойцов. И все же оставалось только гадать, устоит ли эта разношерстная толпа против закаленной в боях и походах, хорошо обученной армии Амалиуса Прокаса.

Тем временем Публий наладил связь со шпионами мятежников. Люди

его теперь пробирались далеко в глубь Аквилонии. Одни просто занимались сбором сведений. Другие распространяли рассказы о бесчинствах полоумного монарха — благо, для этого им не надо было ничего придумывать. Третья пытались раздобыть денег, обращаясь за поддержкой к тем, кто не решался в открытую примкнуть к повстанцам.

Каждый день, когда солнце поднималось в зенит, Конан устраивал общий смотр всему воинству. После чего отправлялся перекусить в солдатский шатер, обходя по очереди скромные жилища воинов. Настоящий полководец обязан знать всех своих людей в лицо. Конан же помнил даже имена многих бойцов.

Спустя несколько дней после разговора с Просперо о прогулке в город киммериец обедал в компании кавалеристов. Конан запросто разделил с воинами скучную трапезу — хлеб, горький эль — и соленые солдатские шутки.

Вдруг, уловив неподалеку чей-то странный свистящий голос, киммериец прислушался. В стороне от кавалеристов расположился уже знакомый Конану узколицый зингарец. Он весело болтал с каким-то солдатом, сопровождая речь красноречивыми жестами. Конан моментально забыл про только что отпущенную ядреную шутку, поскольку зингарец явно рассказывал о женщине. У варвара в жилах тотчас закипела кровь.

— Какая там есть танцовщица! — разглагольствовал зингарец. — Волосы черные, как вороново крыло, глаза зеленые, как изумруды. Губки красные, тело стройное — глаз не отвести! — И он быстрым движением показал, какая у красотки фигура. — Она танцует по вечерам в таверне «Девять мечей» для всякого сброва. Ее зовут Альцина. Она не похожа на простых портовых шлюх. Она дерзкая, своенравная и никому не позволяет даже прикоснуться к себе. Говорит, мол, не родился еще мужчина, который бы заставил разгореться ее страсть. Конечно, — добавил он с завистливым вздохом, — возле нее каждый вечер собирается целая толпа, и кто-нибудь, в конце концов, сумеет обуздать горющую девчонку. Взять хотя бы нашего могучего предводителя... — Произнося последнюю фразу, Квесадо поймал пристальный взгляд киммерийца. Зингарец поперхнулся, опустил голову и промямлил: — Тысяча извинений, господин! У вас слишком хорошее пиво, потому я и разболтался. Прошу вас, не сердитесь за мою нескромность...

— Ладно, забудь, — нахмутившись, Конан отвернулся. Но в тот же вечер он разузнал дорогу к «Девяти мечам».

Когда киммериец, вскочив в седло, направился в сопровождении одного только воина к Северным воротам, Квесадо, притаившийся

неподалеку в тени, самодовольно усмехнулся.

Глава 3

ИЗУМРУДНЫЕ ГЛАЗА

Когда заря, полыхнув алым, развеяла тьму сонного неба, серебряная труба возвестила о прибытии нарочного от короля Милона. Посланец в расшитом плаще поверх доспехов, размахивая свитком с королевской печатью, бодро вступил в лагерь на берегу залива. Он презрительно наморщил нос при виде учебного плаца, где к утреннему смотру готовилась пестрая толпа солдат. Гонец громко потребовал, чтобы кто-нибудь проводил его к предводителю воинства Конану из Киммерии. Один из бойцов повел королевского щеголя к главному шатру.

— По-моему, у нас неприятности, — пробормотал Троцеро, уставясь в спину аргосийского чинуши и обращаясь к Декситусу.

Лысый, худой жрец перебирал четки.

— Пора бы уже привыкнуть к неприятностям, господин мой, — сказал он. — Надеюсь, ты не забыл, сколько нас еще ждет впереди...

— Ты имеешь в виду Нумедидеса? — криво усмехнулся граф. — К этому-то мы готовы. Я говорю о неприятностях из-за Милона. Единственное, что нам от него нужно, — чтобы он нас не трогал, пока войско не готово. А он, похоже, струсил! Конечно, под стенами столицы собралось слишком много отчаянных рубак из дальних краев. Для короля это лишняя головная боль. Так что наверняка Его Величество решил отказаться от гостеприимства.

— Вот-вот, — поддакнул подошедший Публий. — Наверное, в Мессантии все закоулки уже кишат аквилонскими шпионами. Нумедидес непременно попытается надавить на владыку Аргоса и склонить его на свою сторону.

— Когда у стен города толпа головорезов? — хмыкнул Троцеро. — Непростительная была бы ошибка со стороны правителя.

Публий пожал плечами:

— До сих пор король Аргоса был нашим другом. Правда, монархи частенько нарушают обещания — помыслы любого, даже самого благородного властителя всегда крутятся вокруг собственной выгоды. Надо набраться терпения... Хотя, конечно, хотелось бы знать, что за пакость привез гонец в послании!

Обменявшиеся невеселыми мыслями, Публий и Троцеро отправились по своим делам, оставив жреца рассеянно перебирать четки. Декситус,

слушая разговор друзей, молча размышлял о явившемся ему откровении...

Предыдущей ночью жрецу приснился тревожный сон. Декситус прекрасно знал, что Митра нередко посыпает своим верным слугам вещие сны, желая предупредить о грядущих бедствиях. Поэтому на душе у жреца было неспокойно.

Во сне Декситусу привиделся киммериец. Могучий варвар стоял на поле брани и, размахивая мечом, звал солдат в бой. А за спиной у него маячила легкая, едва различимая тень. Декситус и вовсе не заметил бы ее, если б не горевшие из-под капюшона изумрудно-зеленые, как у кошки, глаза.

Поднявшееся солнце успело прогреть свежий весенний воздух, однако жреца била ледяная дрожь. Ему весьма не нравились подобные сновидения. Они лишали спокойствия духа. Правда, ни у кого в лагере повстанцев не наблюдалось ярко-зеленых глаз. Не заметить такие невозможн...

* * *

Едва королевский посланник двинулся по пыльной дороге назад в город, лагерь мятежников забурлил. Меж шатров сновали вестовые, собирая командиров на срочный совет.

Конан как раз надевал доспехи для утренних учений и теперь был вне себя от ярости. Когда Просперо, граф, жрец Митры и лучшие командиры собрались на совет, киммериец заговорил резко и отрывисто:

— Его Величество соизволил передать, что будет нескованно рад, если мы переберемся отсюда на девять лиг севернее Мессантии. Королю, видите ли, не нравится близость большого войска к городу. Правитель тревожится, что наши парни веселятся в столице сверх меры, нарушая покой и беспокоя городскую стражу.

— Этого я и боялся, — вздохнул Декситус. — Наши воины слишком много времени уделяют азартным играм и всяким сомнительным развлечениям. Хотя, конечно, что можно требовать от солдат, тем более от новобранцев? Они ведь не монастырские послушники.

— Вот именно, — сказал Троцеро. — К счастью, мы готовы к походу. Когда выступаем, Конан?

Киммериец с яростью застегнул пряжку на ремне с ножами. Из-под гравиры длинных черных волос, словно лед на горных вершинах, сверкнули пронзительные голубые глаза.

— На сборы король отвел десять дней, — рявкнул Конан. — А по мне — прям хоть сейчас! В столице появилось слишком много посторонних глаз и ушей. А у наших солдат чересчур длинные языки — особенно когда напытятся. Так что надо сваливать не за девять, а за все девяносто лиг от этого шпионского гнезда.

Он помолчал, ожидая возражений, потом добавил:

— Если все согласны, тогда — вперед. Увольнения отменить, выволочь парней из кабаков — если понадобится, то и силой. Вечером я возьму отряд легкой конницы — проверим дорогу и подыщем место для новой стоянки. Троцеро, до моего возвращения будешь командовать ты.

Все участники совета вскинули в салюте правую руку и удалились. Остаток дня прошел в тщательных сборах и подготовке большого обоза. А на следующее утро, едва первые лучи солнца коснулись золоченых шпилей Мессантии, походные шатры были уже сложены, снаряжение увязано в тюки, солдаты построены. В низинах еще не успел растаять предрассветный туман, когда войско тронулось в путь.

Конан с небольшим отрядом двинулся на север еще затмно. Варвар не особо-то верил обещаниям короля Аргоса. Правители всегда принимают в расчет самые различные соображения, и не исключено, что кто-нибудь из шпионов Нумедидеса уже сумел убедить Милона, насколько выгоднее прочный союз с Аквилонией, нежели сговор с шайкой бунтовщиков. В любом случае король аргосийский должен был и сам понимать: случись мятежникам потерпеть поражение, на Мессантию тотчас обрушится возмездие Нумедидеса, страшное и кровавое. Если же Милон поддался уговорам, тогда следует ожидать удара в спину, внезапного нападения на марше...

* * *

Итак, Львы двинулись на север. Отряд за отрядом шли они, поднимая пыль по неровным дорогам Аргоса, переправляясь через быстрые реки, пока не оказались в долине, крытой пологими Диодимейонскими горами. За весь долгий день непрерывного марша никто не напал на войско. Может быть, подозрения, зародившиеся у Конана, были не совсем справедливыми; может, Милон решил выждать и обрушиться на мятежников в более удобный момент. Киммериец ничего не мог сказать наверняка и потому велел принять все меры предосторожности.

Когда войско уже расположилось на ночлег, вернувшись с места

новой стоянки Конан немного успокоился. Теперь они, по крайней мере, стали недосягаемы для наводнивших извилистые улочки Мессантии аквилонских шпионов. Весь день отборная конная стража обезжала окрестности вокруг движавшегося воинства, и если бы вражеский лазутчик вздумал направиться следом за повстанцами, он не остался бы незамеченным. Стражи не встретили никого подозрительного...

Многоопытный варвар доверял в жизни очень немногим людям, да и те заслужили доверие киммерийца не за один день. Долгие годы странствий научили Конана осторожности. Теперь же он ни на мгновение не сомневался в тех, кто шел рядом с ним, ибо победа им была нужна не меньше, чем самому киммерийцу. Суровому северянину и в голову не могло прийти, что шпион проникнет в сердце лагеря, что искать лазутчика надо не на горных склонах и не в густых зарослях, а среди солдатских шатров.

Прошло еще два дня. Войско повстанцев добралось до Гипсонии, переправилось через реку Астар и спустилось в Паллосскую долину. К северу тянулся Рабирийский хребет, крутые кряжи которого напоминали строй сказочных великанов, вышедших проводить дневное светило. Лагерь разбили в том месте, где долину естественным прикрытием на случай внезапного нападения окружали крутые холмы. Здесь, наладив регулярный подвоз провизии из столицы и окрестных деревень, можно спокойно начинать всерьез готовиться к тяжелому походу через Алиману в Пуантен. И дальше — во владения безумного Нумедидеса.

Весь следующий день солдаты, ворча, махали кирками и лопатами, возводя вокруг стоянки защитный вал. Отряд же легких конников вернулся назад охранять отставший в дороге обоз.

Но в ту же ночь во время второй стражи яркая луна высветила легкую фигурку, выскользнувшую из шатра предводителя. Незнакомка была в наглухо застегнутом халате золотистой шерсти, до того длинном, что полы его волочились по земле. Навстречу ей шагнула другая странная фигура, что таилась в тени неподалеку.

Загадочная парочка обменялась несколькими фразами. Потом рука незнакомки в халате ловкими пальцами переложила в крепкую ладонь собеседника маленький клочок пергамента.

— Здесь карта с тропами, по которым войско двинется в Аквилонию, — послышался девичий голосок, похожий на ласковое мурлыканье кошки, — и расположение отрядов.

— Отправлю сегодня же, — отозвался мужчина. — Прокас будет доволен. Вы хорошо справились с работой, госпожа Альцина.

— Это только начало, Квесадо, — ответила девушка. — Сделать надо гораздо больше... Ладно, нас не должны видеть вместе.

Зингарец кивнул и исчез в темноте. Девушка же отбросила капюшон и подняла взор к яркой луне. И хоть красавица пару минут назад выбралась из объятий киммерийца, лицо ее было холодно, словно лед. Бледный овал его больше напоминал маску, вырезанную из слоновой кости искусственным мастером. Во взгляде изумрудно-зеленых глаз таились злоба и презрение.

* * *

Когда войско уже крепко спало непробудным богатырским сном, из лагеря исчез один новобранец. Его отсутствия не заметил никто до утренней поверки, да и тогда Троцero не придал значения такому пустяку. Пропавший — зингарец по имени Квесадо — был ленивым бездельником, и потеря такого сокровища вряд ли кого могла огорчить.

На самом же деле Квесадо был отнюдь не бездельником. Под маской вялого равнодушия таился лучший аквилонский шпион, денно и нощно собирающий сведения для своих кратких, но чрезвычайно ценных донесений. В ту ночь, обманув усталую стражу, зингарец вывел из стойла лошадь, выбрался из лагеря и понесся вперед на север.

* * *

Спустя десять дней, покрытый потом и грязью, едва держась в седле от усталости, Квесадо достиг Больших ворот Тарантии. Увидев на груди у всадника особый значок, стража немедленно пропустила его к самому канцлеру.

Вибиус Латро, нахмурясь, склонился над картой Альцины.

— Почему ты повез ее сам? — холодно спросил канцлер. — Ты что же, не понял, как нужен сейчас в лагере мятежников?

Зингарец дернулся плечом:

— Я не мог отправить карту голубиной почтой. Когда мне пришлось уйти вместе с этой ордой, я оставил птиц в Мессантии на попечение моего помощника, кофита Фадия.

Вибиус поднял на него холодный взгляд:

— Почему же ты не отвез карту Фадию? Пусть бы он отправил птицу... А тебе надо было остаться среди бунтовщиков и следить, куда

ветер дует. Мне позарез нужен человек, который в случае необходимости всадит нож в спину проклятого киммерийца.

Квесадо развел руками:

— Госпожа Альцина смогла изготовить карту, когда войско уже находилось в трех днях пути от Мессантии. Вряд ли бы я выпросил увольнение на целых шесть дней. Тут бы уж точно кто-нибудь заподозрил неладное... А если бы я сбежал без спросу, мной заинтересовались бы аргосийцы. К тому же на голубей надежда невелика — они могут попасть в лапы ястреба или нарваться на стрелу случайного охотника-горца. Я же счел это донесение жизненно важным и решил сам его доставить.

Канцлер, поджав губы, процедил:

— Почему же тогда не прямо Прокасу?

Квесадо уже покрылся испариной. На бледном от усталости челе и небритых щеках блестели капельки пота. Угодить Вибиусу Латро совсем непросто...

— Амалиус Прокас не знает меня. — Голос шпиона натянуто зазвенел. — Значок, который у меня есть, ничего бы не сказал ему. А все донесения, касающиеся полководцев, проходят только через вас.

Канцлер криво усмехнулся.

— Ладно, — проговорил он. — Ты поступил по обстоятельствам. А мне следовало бы только радоваться, что Альцине удалось добыть карту прежде, чем мятежники вошли в Аквилонию.

— По-моему, в ту ночь, когда мне пришлось бежать, они еще не выбрали окончательный маршрут, — сказал Квесадо.

Вибиус Латро отпустил шпиона и вызвал личного слугу. Изучив карту, канцлер продиктовал письмо Амалиусу Прокасу и велел снять с карты копию для короля. Пока слуга перерисовывал план, Вибиус перечел письмо и вызвал пажа.

— Отнесешь в королевскую канцелярию, — сказал канцлер, вручая пергамент, — и попросишь, чтобы Его Величество скрепили это своей печатью. Потом, если все будет в порядке, отправишься прямо в Пуантен к Прокасу. Вот тебе подорожная. Возьми в конюшне самого быстрого скакуна, а свежих будешь менять на каждом постоялом дворе.

* * *

В королевской канцелярии не получили донесения. Хиау, слуга-хитаец, передал пергамент в цепкие руки Зуландры Тху. Чародей прочел

послание при свете сальной свечи, внимательно рассмотрел карту и одобрительно кивнул кхитайцу.

— Получилось так, как вы предсказывали, хозяин, — произнес слуга. — Пажу я сообщил, что Его Величество у вас в покоях, и глупый мальчишка оставил письмо мне.

— Ты все сделал верно, мой добрый Хиау, — отозвался Зуландра. — Принеси воск. Я сам запечатаю свиток. Не стоит отрывать короля от развлечений по таким пустякам.

Он достал из небольшого сундучка печать — точь-в-точь такую же, как и у короля, — сложил вместе оба пергамента и зажег тонкую свечку. Потом нагрел воск, запечатал свиток и передал кхитайцу.

— Верни послание пажу, — велел чародей, — и скажи, что Его Величество пожелал, чтоб свиток был отправлен к Прокасу незамедлительно. А потом принеси мне письмо к графу Аскаланте, он сейчас командует четвертым Тауранским полком. Мне он нужен теперь в столице.

На лице Хиау отразилось сомнение:

— Хозяин...

— Что такое? — Зуландра пристально посмотрел на слугу.

— Недостойному рабу стало известно, что вы не во всем согласны с Амалиусом Прокасом. Позвольте мне спросить: вы действительно хотите, чтобы он одержал победу над киммерийским бродягой?

Чародей криво усмехнулся. Хиау отлично знал, что командующий аквилонской армией был самым серьезным соперником Зуландры в борьбе за влияние над королем. С ловким кхитайцем колдун мог говорить откровенно.

— Всему свое время, Хиау. Пока Прокас в южных провинциях, он не в силах повредить мне. Придется рискнуть и помочь ему добавить к списку славных побед еще одну. Иначе мы будем встречать у ворот Тарантии неукротимого киммерийца.

— Прокас стоит на пути мятежников. Он обязан их остановить. Однако хорошо бы за ним присмотреть... А, хозяин? Пусть он одержит свою героическую победу. А по дороге в столицу с ним произойдет... какой-нибудь несчастный случай.

Хиау согнулся в поклоне и, не говоря больше ни слова, удалился. Зуландра открыл ларец из эбенового дерева и положил туда предназначавшиеся для короля пергаменты.

* * *

Троцеро в недоумении смотрел, как Конан раздраженно, словно тигр в клетке, мерит шагами шатер. Голубые глаза варвара сверкали яростным огнем.

— Что тебя так донимает, Конан? — спросил граф. — Я думал, сходишь с ума без женщин... Но ты подобрал эту танцовщицу, и повода безумствовать вроде бы нет... В чем дело?

Киммериец перестал мотаться взад-вперед и шагнул к раскладному столику. Хмурясь, он плеснул себе вина и осушил чашу одним глотком.

— Я и сам толком не знаю, — проворчал варвар. — Что-то стал пуглив в последнее время... От теней шарахаюсь...

Он умолк, и взгляд его, обращенный в дальний угол шатра, стал тревожным. Конан через силу усмехнулся и плюхнулся в походное кожаное кресло.

— Кром! Я кручусь, как вша на сковородке! — воскликнул он. — У меня и впрямь что-то с мозгами случилось. Временами мне чудится, будто здесь даже тени подслушивают.

— Ты прав. У теней иногда тоже имеются уши, — заметил спокойно Троцеро. — И глаза тоже.

Конан повел могучими плечами:

— Башкой-то я понимаю, что в шатре только я, девчонка-танцовщица да двое гвардейцев у входа. Но все равно мерещатся шпионы...

Троцеро даже не подумал смеяться над киммерийцем. У него вдруг возникло дурное предчувствие. Граф давно привык доверять звериному чутью варвара-северянина, оно никогда еще не подводило Конана. И служило вернее всех витиеватых домыслов.

Сам Троцеро тоже не был лишен чутья. И оно говорило ему, что надо повнимательнее приглядывать за ловкой танцовщицей, даже если Конан сделал ее своей неразлучной подружкой. Ох, не нравилась красотка графу, несмотря на все ее соблазнительные прелести. Уж больно плутовка красива, чтобы вот так запросто танцевать для оборванцев в столичных кабаках. Кроме того, девчонка чересчур скрытна и молчалива. Обычно граф мог легко разговорить любую женщину, но, попытавшись вызвать на откровение Альцину, потерпел полное поражение. Она отвечала вежливо, но до того уклончиво, что в конце беседы Троцеро знал о танцовщице ничуть не больше, чем в начале.

Граф тряхнул головой, налил вина и отоспал дурацкие сомнения в

десять тысяч преисподен Зандру.

— Тебе просто скучно сидеть без дела, Конан, — проговорил он. — Когда мы тронемся в поход и над головой у тебя вновь развернется стяг, ты опять станешь самим собой. И хватит выслеживать бесплотные тени!

— Может, и так, — хмыкнул варвар.

Троцеро попал в точку. Если б Конану угрожали враги из плоти и крови, если б в руке свирепый северянин сжимал свой верный меч, он рубился бы без оглядки, доверяя лишь холодной стали, крепости неутомимых мускулов и выбросив из головы все посторонние мысли. Теперь же бесхитростного киммерийца одолевали обычные глупые страхи простого смертного человека...

Укрывшись за пологом в дальнем углу, Альцина улыбнулась спокойной, довольной улыбкой, ее тонкие пальчики играли висевшим на изящной цепочке странным талисманом. Во всем мире только один человек знал, откуда взялся диковинный амулет.

* * *

Далеко-далеко на севере, за горными кряжами, зелеными долинами, за бурными водами реки Алиманы, на черном железном троне восседал Зуландра Тху. На коленях у чародея лежал полуразвернутый свиток, испещренный астрологическими символами. На скамеечке рядом с троном стояло овальное зеркало из вулканического стекла. На одном конце у зеркала виднелся небольшой скол, словно кто-то аккуратно отломил кусочек обсидиана. Именно этот черный полукруг и висел на груди танцовщицы по имени Альцина.

Читая свиток, колдун время от времени поднимал голову, поглядывая на маленькие водяные часы, стоявшие рядом с зеркалом. Слышался тихий звук падающих капель, до того слабый, что уловить его мог лишь изощренный слух.

Когда серебряный колокольчик внутри часов отбил час, Зуландра отложил свой свиток. Протянул к зеркалу тощую, похожую на птичью лапу руку и пробормотал на неизвестном языке какое-то заклинание. И в ту же секунду он слился воедино мыслями со своей прислужницей Альциной. Ибо стоило небесным светилам принять определенное положение, как магическая сила превратила и колдуна, и танцовщицу в двойников. Все, что видела и слышала красотка, воспринимал и Зуландра.

Воистину чародей не нуждался в донесениях Вибиуса Латро. В

очередной раз чутье не подвело бывалого киммерийца; у теней в его шатре и впрямь имелись глаза и уши.

Глава 4

КРОВАВАЯ СТРЕЛА

День за днем медные боевые трубы вырывали на заре солдат из объятий сна, призывая к ратным трудам на зеленых лугах Паллосской долины. Учения продолжались с рассвета до заката. Армия продолжала расти. Новички приносили из Мессантии новости и городские сплетни. Однажды, когда луна превратилась из серебряной монеты в тусклый стальной серп, вожаки мятежников собирались поужинать в шатре у Конана. Запивая грубую солдатскую пищу легким светлым пивком, они держали совет.

— Похоже, в последнее время аргосиец становится все более несговорчивым, — говорил Троцеро.

Публий кивнул:

— Ему не нравится держать на своих землях такую огромную армию. Теперь он опасается, что мы повернем оружие сначала против него, а потом уже двинемся на Аквилонию.

Жрец Митры улыбнулся:

— Правители все одинаковы. Они всегда подозрительны и дрожат за свою корону.

— Думаете, Милон решится на нас напасть? — недоуменно спросил Конан.

Жрец, одетый на этот раз в черный хитон, воздел к небу узкую ладонь:

— Только Боги знают обо всем наверняка! Даже для меня Милон темен и непонятен, а ведь я умею читать в сердцах людских. Вот мой совет: надо идти к Алиманде, и поскорее.

— Войско может выступить хоть завтра, — произнес Просперо. — Солдат мы уже обучили. Они готовы ринуться в битву. К тому же чем скорее они столкнутся с врагом, тем крепче станет их боевой дух.

Киммериец в ответ хмуро кивнул. Он по опыту знал, насколько быстро в сильной, но бездействующей армии возникают свары, подогреваемые неукротимой жаждой поскорее схватиться с неприятелем на поле брани. Войско может начать гнить подобно перезрелому плоду.

— Согласен с тобой, Просперо, — сказал Конан. — Правда, поспешное наступление тоже таит в себе опасность. Прокасу наверняка успели доставить, что мы стали лагерем на севере Аргоса. Прокас не так уж глуп и всяко сообразит, что мы сначала направимся к Алиманде, в самую

слабую из всех южных провинций. Скорей всего, он уже подсуетился, усилил крепости, расставил дозоры. Его Пограничный легион давно уже настороже.

Троцеро твердой рукой поправил седеющую прядь.

— Нам на помощь поднимется весь Пуантен, — проговорил граф. — Пока мои люди сидят тихо, чтобы раньше времени не вызвать подозрения.

При этих словах собравшиеся переглянулись, во взглядах читались надежда и сомнение одновременно. Повстанцы уже разослали по пуантенским дорогам своих людей под видом бродячих торговцев и мастеровых. У лазутчиков была задача отыскать всех сторонников мятежного графа, подготовить боевые отряды, которые отвлекли бы часть верных короне войск. Было условлено, что после успешной подготовки граф получит сигнал — обагренную кровью пуантенскую стрелу. Повстанцы ждали этого сигнала с напряженным нетерпением...

Заговорил Просперо:

— Сейчас меня беспокоит не столько восстание пуантенцев, сколько участие в наших действиях северных баронов. Если мы не войдем в Каларию до девятого дня весеннего месяца, бароны могут и отказаться, поскольку начнется сев.

Конан кивнул и молча осушил свой кубок. Северные баронства и впрямь обещали поддержку, но, опасаясь возможного поражения, не решались выступить против короля открыто. Если Львы потерпят на Алимане неудачу или же захлебнется восстание в Пуантене, благородные рыцари Севера немедленно отвернутся от мятежников.

Осторожность баронов была более чем понятна, но неопределенность положения все-таки тяготила вожаков повстанцев. Все боялись опоздать в Каларию к назначенному сроку. Конан, несмотря на свой неукротимый нрав, один призывал к терпению. Остальные же колебались и пытались выстроить новый план.

Они спорили до глубокой ночи. Просперо предложил разбить армию на три крыла и одновременно атаковать три крупные аквилонские твердыни: Мевано, Ногару и Танаис.

Конан покачал головой.

— Прокас только этого и ждет, — проговорил киммериец.

— Что же тогда делать? — нахмурился Просперо.

Конан подвинул к себе карту и заскорузлым пальцем ткнул в центральную крепость, Ногару.

— Вот сюда мы нанесем обманный удар. Пойдут два-три небольших отряда. Сделаем вид, будто число атакующих бойцов больше, чем на самом

деле. Это нетрудно — вы лучше меня знаете... Поставить лишние шатры, разжечь побольше костров... Пусть воины пройдутся на виду у неприятеля, развернутся за ближайшим укрытием и пропают снова. На реке надо установить парочку баллист — попугать на переправе гвардейцев! Это заставит Прокаса кинуть к Ногаре главные силы. Ты, Просперо, туда и пойдешь.

Услышав, что основное сражение пройдет без него, Просперо принял было возражать, но Конан и слушать не стал.

— Пойдешь к Ногаре, понял! А мы с Троцеро поведем войско дальше. Одно крыло к Мевано, другое — к Танаис. Возьмем перевалы и, если повезет, зажмем Прокаса в тиски.

— Предположим, все так и случится, — подхватил Троцеро. — Тогда в тылу у Прокаса окажется восставший Пуантен...

— Боги да услышат тебя, — хмурясь, перебил графа Публий. — Иначе мы пропали!

— Что так мрачно? — удивился Троцеро. — Воинское счастье, конечно, изменчиво, но мы все рискуем не меньше тебя. Победим или проиграем, мы должны держаться друг друга.

— Вот-вот, особенно по дороге на виселицу, — проворчал Публий.

А в глубине шатра, скрытая пологом, на ложе, застеленном пушистыми шкурами, лежала красотка Альцина. Ее роскошное тело поблескивало при свете единственной свечи. Дрожащее пламя странно отражалось в изумрудных глазах танцовщицы и в темных глубинах обсидианового талисмана. Альцина улыбалась своей кошачьей улыбкой.

* * *

Солнце еще не поднялось над сонной землей, а графа Троцеро уже бесцеремонно тряслася за плечо крепкая рука часового. Граф зевнул, потянулся, несколько раз бесполково мигнул и раздраженно уставился на солдата.

— Хватит меня трясти! — рявкнул он. — Ты меня уже разбудил, болван! Хотя непохоже, что пора выходить на утреннюю поверку... — Тут граф осекся. Лицо его побледнело. Он наконец разглядел, что охранник протягивает ему какой-то предмет. Это была пуантенская стрела, от оголовка до оперения покрытая коркой засохшей крови.

— Как она попала к тебе? — с трудом прохрипел Троцеро. — Когда?

— Только что доставил вестник с Севера, господин граф, — ответил

солдат.

— Ясно! Позови моих оруженосцев. Трубить тревогу! Стрелу передать Конану! — распорядился Троцеро, вскакивая с лежака.

Солдат отдал салют и исчез. Через несколько минут два заспанных оруженосца подавали граfu доспехи.

— Наконец-то! Благодарение Митре и Светлой Иштар! — радовался Троцеро. — Ты здесь, Мнестер? Созви совет. А ты, парень, ну-ка, проверь, в порядке ли Черная Дама. Скажи, чтоб ее седлали, да поживее. Проверь подпругу. У меня нет ни малейшего желания принимать в Алимане холодные ванны.

Не успело солнце окрасить алым покрытые снегом вершины Рабирийских гор, как шатры были свернуты, повозки готовы. А когда ясный новый день развеял в низинах остатки ночного тумана, войско, выстроившись тремя колоннами, двинулось в направлении Саксульского перевала. Оттуда путь лежал на Аквилонию.

Горы становились все круче, дорога — труднее. По обе ее стороны высились отвесные скалы. Это уже начиналась протянувшаяся к западу Рабирийская гряда.

Час за часом солдаты-пехотинцы, всадники и возчики обоза одолевали тяжкие подъемы и коварные спуски, забираясь все глубже в горы. Солнце нещадно палило спины, когда воины, облепив, как пчелы, тяжелые возы, на руках тащили их по склонам то вниз, то вверх. Пылили они при этом, как черти, оскверняя хрустальный воздух горных вершин.

Стоило сделать очередной подъем, как взору открывалась недостижимая, словно мираж, главная горная цепь. Но когда по восточным склонам пробежали лиловые тени раннего вечера, кручи раздвинулись, будто занавес, и показался Саксульский перевал — узкий проход делил неприступный кряж надвое, точно его рассек топор некоего разгневанного божества.

Пока подтягивались отставшие отряды, Конан с небольшой группой всадников выбрался на открытую долину, проверяя, нет ли засады. Разведчики никого не заметили, и вскоре вся армия скатилась в долину. Топот, лязг оружия, скрип колес эхом отдавались от высоких скал.

С перевала дорога пошла вниз, теряясь в кедрах и соснах, покрывавших северные склоны. Далеко внизу наконец блеснули воды Алиманы, что струилась среди зеленых лугов, подобно серебристой змее, выползшей погреться на закатном солнце.

Солдаты двигались вниз, с трудом удерживая колеса груженых телег. И когда на небе зажглись первые звезды, войско вышло к развилке дорог на

краю большой долины. Здесь армия стала лагерем. Опасаясь ночного нападения, Конан выставил удвоенные посты. Но в эту ночь никто не потревожил сон усталого воинства. Лишь однажды коротко взревел подбравшийся к лагерю леопард. Впрочем, осторожный хищник сразу удрал после резкого окрика часового.

На следующее утро Троццеро отправился по правой дороге к Танаис. А Конан, Просперо и все остальные двинулись по левой. Ближе к полудню они повстречали новую развилку. Здесь войско опять разделилось. Просперо с небольшим отрядом пошел к главной крепости аквилонцев, Ногаре. Киммериец же повел оставшихся всадников и три отряда пехотинцев дальше на запад.

Склон за склоном, уступ за уступом одолевали воины узкую тропу. Когда последний опасный спуск остался за спиной, солдаты вновь увидели Алиманду. Река отделяла Аргос от Пуантена. Эти земли по обе стороны реки, почти до самых южных провинций близ Хорот, издавна принадлежали мессантийской короне. Но при Вилерусе Третьем Аквилония прибрала их к своим рукам, и граница теперь проходила по Алиманде.

Когда отряд киммерийца вышел на равнину, Конан приказал воинам разговаривать только в случае крайней необходимости и шепотом. Оси телег, чтобы не гремели, обмотали тряпками. Наконец отряд подошел к роще могучих вековых деревьев и остановился за ними, как за укрытием. Конан послал вперед разведку, проверить, нет ли кого поблизости. Вернулись солдаты с неприятным известием: в горах начал таять снег, и Алиманде вышла из берегов.

Утром хмурого, серого дня Конан приказал разбудить воинов задолго до рассвета. Солдаты, ворча, проглотили холодный завтрак, и начались сборы. Конан обхаживал лагерь, осыпая бранью и угрозами всякого, кто ронял оружие или же, забывшись, принимался горланить во всю глотку. Киммерийцу казалось, что любое неосторожно сказанное слово могут услышать в стенах крепости — пусть даже за несколько лиг отсюда. В такой близости от неприятеля настоящие бойцы двигались бы беззвучно, как барсы...

Чтобы лишний раз не шуметь, Конан приказал спрятать сигнальные трубы, поэтому все команды передавались по цепочке условными взмахами. Это стало причиной небольшой свалки. Первый отряд, получив приказ двигаться, врезался в соседа, и, прежде чем командинры успели вмешаться, взлетел не один кулак, была разворочена не одна морда.

Густая тьма уже опустилась на дорогу, когда войско вышло на берег

реки. Киммериец, верхом на жеребце, опустив поводья, пытался сквозь сгустившийся мрак разглядеть противоположный берег. Возле копыт скакуна кипели темные воды Алиманы.

Конан жестом подозвал к себе молодого толкового командира по имени Аларик.

— Как думаешь, глубоко здесь? — тихо задал вопрос киммериец.

— Наверняка выше колен, — хмыкнул Аларик. — Может, по грудь. Позволь проверить.

— Только осторожно, — предупредил Конан.

Аларик направил своего гнедого прямо в бурлящий поток. Конь сначала было заупрямился, но потом сдался и послушно шагнул вперед. На середине реки темная вода доставала уже до башмаков всадника. Аларик обернулся и увидел, что киммериец зовет его обратно.

— Придется попробовать, — проворчал себе под нос Конан, когда Аларик вернулся и снова встал рядом. — Передай Дио, чтобы взял отряд легкой конницы и прочесал лес на той стороне. За ним пехота — пусть переправляются гуськом и держатся за ремни. Иначе, с таким-то грузом, какой-нибудь болван непременно утонет.

Едва на темном небе появилась первая светлая полоска, отряд кавалеристов, поднимая фонтаны брызг, с ходу влетел в реку. Переbrавшись на другую сторону, командир отряда Дио обернулся и помахал рукой, давая понять, что поблизости на берегу некого не видно.

Киммериец не сводил с того берега глаз и, заметив знак Дио, тотчас направил жеребца в бурный поток. Отыскав некое подобие брода, Конан подал рукой сигнал, и первый отряд пехотинцев полез в реку. Вскоре уже два отряда копейщиков и отряд лучников брали по грудь в воде. Каждый солдат одной рукой держался за пояс переди идущего, а другой поднимал повыше оружие.

Конан подъехал к Аларику, которого назначил за расторопность и смекалку своим адъютантом.

— Передай, что начинала переправляться тяжелая кавалерия, за ней — обоз. Если телеги застрянут, пусть обозным помогает Серсо. Я встану на середине.

Жеребец киммерийца рванул в воду, глубоко окунувшись в темный поток. Но тотчас дернулся и захрапел, словно чуя неведомую опасность. Конан натянул поводья и направил коня на быструю.

Он внимательно вглядывался в северный берег, вдоль которого буйно рос забрызганный донным илом кустарник. Дорога шла словно вдоль живой стены — мимо одетых ранней листвой вековых дубов, таких

крепких и высоких, будто они несли на себе тяжесть небес. «Место для засады просто отменное», — хмуро подумал Конан. Всадники Дио все ждали чего-то, сгрудившись на небольшом пятаке, где дорога обрывалась в реку. А ведь им следовало прочесать окрестный лес прежде, чем первый пехотинец подойдет к броду. Конан в ярости махнул всадникам рукой.

— Дио! — рявкнул варвар в полный голос. Если здесь где-то рядом и засел вражеский лазутчик, — начав переправу, шептаться уже нет смысла. — Рассыпаться по лесу! Да шевелитесь, разорви Кром ваши толстые задницы!

Мокрые, грязные пехотинцы уже выбирались на берег, когда всадники, разделившись на группы, отправились прочесывать лес по обе стороны дороги. Войско на переправе уязвимей всего — Конан испытал это на собственной шкуре. Звериный нюх варвара чуял повисшую в воздухе опасность.

Киммериец пришпорил коня. Жеребец почти по грудь в воде двинулся к аквилонскому берегу. Тяжелая кавалерия начала уже переправу, следом потянулся обоз. Две телеги увязли, и солдаты кинулись вытаскивать их на руках.

Неожиданно воздух пропорол резкий вскрик. Конан стремительно обернулся и успел заметить в кустах, рядом с пятаком, где только что стояли всадники, молниеносное движение. Злобным ревом предупреждая своих солдат об опасности, Конан сильно натянул поводья. Жеребец взвился на дыбы. И стрела, предназначавшаяся киммерийцу, подобно атаковавшей змее, чиркнула варвара по широкой груди и впилась в горло стоявшему сзади бойцу. Смертельно раненный, воин рухнул в мутный поток. Изрыгая проклятия, Конан пришпорил жеребца.

Верный конь вдруг отпрянул в сторону и зашатался: следующая стрела угодила прямо в грудь скакуна.

С хриплым ржанием конь упал на колени, сбросив при этом седока. Нахлебавшись грязной воды, киммериец вскочил, ругаясь самыми черными словами. Просвистела еще одна стрела, царапнув доспехи.

Тишина спокойного свинцово-серого утра мгновенно разлетелась в клочья. Боевые кличи смешались с проклятиями и воплями умирающих.

Конан протер от речной грязи глаза и увидел, как на берегу появился тройной строй лучников и арбалетчиков в голубой форме Пограничного легиона. Как один, воины выступили из густых зарослей, осыпав градом стрел барахтающихся в грязи мятещиков.

Свист стрел тотчас слился с хищным лязганьем арбалетов. Самострел бьет не так быстро, как лук, зато дальше, тяжелый арбалетный болт

способен пробить самые крепкие доспехи. Солдаты на переправе падали один за другим — кто успев выкрикнуть проклятие, кто — нет. Мутные воды разлившейся Алиманы смыкались над головами убитых.

Пробираясь к берегу, Конан отыскивал взглядом хоть кого-то из трубачей, чтобы построить свое растерявшееся войско в боевой порядок. Одного он приметил. Светловолосый гандер сидел на отмели, тупо уставившись на разыгравшееся побоище. Поднимая столбы брызг, Конан с руганью ринулся к оцепеневшему от страха парню. Но едва тронул его за плечо, как трубач сложился пополам и упал лицом вниз. Из-под ребер у него торчал арбалетный болт. Рука гандера разжалась, труба выскоцила, и ее тотчас понесло течением.

Переводя дыхание, киммериец озирался, будто загнанный в угол лев. Вдруг его внимание привлек нарастающий в лесу гул. Через мгновение из чащи вылетела аквилонская конница: всадники в тяжелых доспехах, меченосцы на крепких низкорослых лошадках. Они смели в реку выбравшихся уже на берег пехотинцев, никто не успел и глазом моргнуть. На северном берегу остался один неприятель. Тогда строй мечников разомкнулся с четкостью часового механизма, пропуская вперед легких всадников, которые ринулись добивать уцелевших мятежников.

— Ко мне! — рычал Конан, размахивая мечом. — Встать каре!

Но солдаты в панике лезли на южный берег, сбивая с ног тех немногих, кто откликнулся на зов предводителя. Следом, вздымая фонтаны брызг, гнались всадники Прокаса. Вторая линия стрелков расступилась, давая место третьей, потом четвертой, потом еще и еще. Стрелки заходили с флангов, выбирая себе новые мишени, а пехота мятежников ничего не могла сделать и гибла под ливнем стрел.

— Командир! — услышал Конан голос Аларика. — Спасайся! Здесь уже ничего не изменить! Попытайся собрать воинов на том берегу! Возьми моего коня!

Конан яростно плонул в сторону приближающихся аквилонцев. Мгновение он колебался, в голове мелькнула мысль — рвануться назад в одиночку, рубя врагов направо и налево. Конан усилием воли подавил неистовый воинский порыв. Когда-нибудь раньше варвар-северянин так бы и поступил, до конца отдавшись кровавой сече. Но сейчас под его началом целое войско, на плечах груз чужих жизней. Опыт научил киммерийца ценить жизнь собратьев по оружию. Увидев, что Аларик собирается спешиться, Конан ухватился за подпругу левой рукой и прорычал:

— Сиди на месте, парень! Правь-ка лучше к нашему берегу, Кром тебя раздери!

Аларик пришпорил коня. Киммериец, держась за подпругу, понесся рядом огромными скачками. Вокруг спешили выбраться из воды перепуганные повстанцы. Сзади наседали аквилонцы, которые немного приотстали на стремнине. Бурные воды Алиманы окрасились кровью. Только сильное течение, остановившее стремительную атаку противника, спасло остатки войска от полного истребления.

Уцелевшие солдаты столкнулись, наконец, с обозом и собственной конницей. Протискиваясь меж лошадьми, они передавали свой страх и животным. Испуганные кони поднимались на дыбы, давя несчастных беглецов, и так рвались назад, что всадникам приходилось поворачивать обратно. Обозники пытались выволочь застрявшие телеги, потом в отчаянии бросали их на произвол судьбы и тоже спешили на берег. Аквилонские воины без пощады рубили оставленных обозных лошадей и не успевших сбежать возничих.

Конан сорвал голос, выкрикивая команды вперемежку с проклятиями и угрозами. Наконец он выбрался на берег в том месте, откуда началась переправа. Киммериец попытался было с ходу выстроить боевые порядки, но войска больше не существовало. Была лишь беспомощная толпа испуганных людей. Бросая оружие, шлемы, щиты, мятежники неслись в поисках спасения куда глаза глядят. От ужаса они забыли о дисциплине, обо всем, чему их учили долгие месяцы.

Только небольшая горстка бойцов встретила врага лицом к лицу и дралась с мрачным весельем обреченных на смерть. Аквилонцы смели отважных воинов.

В сумятице Конан вдруг увидел Публия, кинулся к нему и, пытаясь докричаться, тряс за плечо. Из-за стоявшего вокруг всеобщего рева казначей едва слышал голос киммерийца. Публий беспомощно указал себе под ноги. Возле его ног на земле лежало распростертное тело Аларика, и Публий прикрывал его собой, как щитом, чтобы не затоптали свои же. Конь Аларика где-то пропал.

С яростным криком, щедро раздавая увесистые зуботычины, Конан заставил наседающую толпу отодвинуться. Он взвалил Аларика на плечо и побежал крупной рысью. Следом, отдуваясь, затрусили грузный казначей войска. Аквилонская конница уже дышала беглецам в затылок. Всадники добрались до обозных телег, выстроенных вдоль реки для несостоявшейся переправы.

Кое-кто из возниц, стоявший подальше от воды, сумел развернуть неуклюжую телегу и нахлестывал лошадей что есть мочи, рассчитывая укрыться в горах. Узкая дорога буквально покернела от оравы беглецов.

Сотни мятежников рассыпались по прибрежной долине, устремившись к лесу.

Усталое неопытное войско не сумело отразить внезапной атаки свежих частей закаленной в боях аквилонской армии и было разбито. Но на берегу все же произошла небольшая заминка. Она дала возможность беглецам унести ноги. Окружившие обоз всадники, вместо того чтобы гнать мятежников дальше, принялись потрошить телеги, даже не слушая гневных окриков командиров. Увидев это, Конан на ходу спросил:

— Слушай, Публий, а где казна?

— Я... не знаю... — еле выдохнул казначей. — Лежала в какой-то телеге, из последних... Может, возница удалось скрыться... Я... не могу больше... Беги один.

— Не болтай глупости, — прорычал киммериец. — Мне нужен человек, который умеет хорошо считать. Смотри, а этот мешок с костями приходит в себя.

Конан снял с плеча свою ношу и положил на землю. Аларик открыл глаза. Киммериец осмотрел юношу, но ран не заметил. Аларик смутно припомнил, что его задело тяжелым арбалетным болтом, но не ранило, только пробило шлем и оцарапало голову. Конан поставил парня на ноги.

— Я тебя тащил, приятель, — сказал киммериец, — теперь твоя очередь помочь мне тащить нашего толстячка.

Несколько мгновений спустя троица уже снова неслась вперед к спасительным горам. Публий едва не висел на своих спутниках, ухватившихся руками за их шеи. С неба стало накрапывать, и вскоре припустил настоящий ливень.

* * *

В этот день, окончившийся в пещере на склоне Рабирийских гор, в лицо киммерийца подул холодный ветер неудач. Войско потеряно. Те, кто уцелел, гибли сейчас от стрел и мечей рыскавших по окрестностям легионеров. В несколько часов, казалось, сама мысль о мятеже против Нумедидеса пошла ко дну в бурных водах красной от крови Алиманы.

В пещере, укрытой от постороннего глаза стволами вековых сосен, дожидались наступления темноты Конан, Публий, Аларик и еще около сотни оставшихся в живых солдат. Получилась пестрая компания: бывшие аквилонские рыцари, беглые каторжники, старые бандиты, неунывающие ветераны-наемники. Много было раненых, некоторые умирали прямо на

руках товарищей. Воины были мрачны и подавлены столь неожиданным разгромом.

По окрестным лесам носились отряды тяжелой кавалерии. Победоносная аквилонская армия явно намеревалась довершить победу, уничтожив всех до последнего. В душе Конан мрачно одобрил действия старого вояки Прокаса. Повернись все по-другому, наверняка киммериец поступил бы так же.

В угрюмом молчании Конан размышлял о судьбе Просперо и графа. Просперо должен был отвлечь внимание Прокаса на себя. Но аквилонец не поддался на уловку. Конан просто надивиться не мог, как же Прокас разгадал их затею.

Промокшие, измотанные беглецы сгрудились вокруг вожака. Разжечь костер не рискнули, опасаясь будильных аквилонских всадников. К ночи многие воины принялись кашлять и сморкаться — сказывалось долгое бултыхание в холодной воде. Когда кто-то выбранил мерзкую погоду, Конан рявкнул:

— Богов благодарите за этот дождь! Если б не он, всадники разделались бы с нами, как со стадом свиней! Никакого огня! — гаркнул он на солдата, который хотел поджечь трут. — Ты что, хочешь пригласить аквилонских псов порезвиться здесь? Ну-ка, сколько нас тут... Быстро устроить перекличку по одному. Считай, Публий!

Послышились возгласы: «Я!», «Я!» — и Публий, загибая пальцы, начал считать. Когда прозвучал последний крик, казначей повернулся к киммерийцу:

— Если не брать в расчет нас, всего сто тринацдцать.

Конан фыркнул, словно растревоженный медведь. Гордое сердце варвара зажглось жаждой мести, хотя разумом Конан отчетливо понимал, что из жалкой горстки бойцов армии не создашь. Лицо киммерийца осталось спокойно, однако Конан немного приуныл.

Он выставил часовых. Измученные воины, устроившись по двое, по трое, забылись тяжелым сном прямо на холодных камнях. Где-то за полночь в пещере появился опирающийся на сук и на руку сопровождавшего его солдата, постанывавший от боли жрец Декситус.

К этому времени солдат собралось уже около двух сотен. Многие были ранены. Жрец, невзирая на боль, немедленно принялся помогать воинам и несколько часов кряду извлекал наконечники стрел, перевязывал раны, пока не вмешался Конан и не приказал отдохнуть.

Ночлег ненадежен, постели жесткие. Киммериец знал, что многие бойцы не увидят следующего заката. И все же они пока живы, многие

сохранили оружие, и, если бы солдаты Прокаса вдруг наткнулись на это убежище, повстанцы дорого бы отдали свои жизни. Наконец уснул и Конан.

* * *

К утру тучи поредели, разошлись, обнажив ясную синеву, и вскоре в этом просвете зажглась новая заря. Конан проснулся от тихого разговора и бряканья оружия. Оказалось, пока он спал, появился Просперо и с ним пять сотен воинов.

— Просперо! — воскликнул Конан, вскочив на ноги и заключая друга в могучие объятия. Правда, тотчас он заговорилтише, опасаясь, что дурные вести окончательно сломят дух побежденных. — Хвала Крому! Как ты нашел нас? Что с Троцеро?

— Не все сразу, командир, — шутливо отозвался Просперо, переводя дыхание. — В Ногаре мы обнаружили только один небольшой отряд гвардейцев, которые при нашем появлении дали деру. Целый день мы топтались там, дули в трубы, били в барабаны, но никто не высывался. Я подумал, что все это весьма странно, и отправил гонца в Танаис. Вернулся он с сообщением, что под Танаисом страшный бой и Троцеро отступает. Вскоре появились и первые беглецы с Алиманы. Они поведали о жуткой бойне на реке. Я решил не ждать, пока удар Прокаса обрушится на нас, и приказал быстренько подняться повыше в горы. Там опять мы повстречали твоих, они-то и рассказали, где видели тебя в последний раз. Скажи лучше, ты-то как?

Конан стиснул зубы и процелил:

— А я на этот раз свалял дурака и угодил прямо к Прокасу в пасть. Мне надо было дождаться, пока Дио прочешет лес, тогда и отдавать приказ к переправе. Дио повезло — он погиб от первой стрелы. Иначе я заставил бы его пожалеть, что он родился на свет. Всадники сгрудились на опушке, как стадо баранов. Я же приказал проверить подлесок. Но главная вина все равно на мне — надо было выждать. Все пропало, друг мой, все пропало!

— Нет, Конан, не все, — серьезно ответил Просперо. — Ты сам всегда говорил: ничего не потеряно, пока жив последний солдат. А боги милуют и казнят равно и тех, и других. Так что давай сначала вернемся в лагерь. Может быть, по дороге найдем Троцеро. У нас сейчас с тобой несколько сотен. А если собрать в лагере всех, кто бродит по лесу, получится никак не меньше тысячи. Наверняка эта пещера не единственная и не ты один

догадался спрятаться.

— Прокас потрепал нас хуже некуда. Его легионеры празднуют победу, — ворчал Конан. — Что может сделать против него разбитое войско в какую-то жалкую тысячу? Кроме того, он наверняка успел закрыть перевалы. Во всяком случае, Саксульский.

— Несомненно, — согласился Просперо. — Но и у него силы рассредоточены. Воины рыщут маленькими отрядами, а на равных аквилонские псы несравнимы с нашими гордыми львами. В конце концов, мы поищем другую дорогу. Ну-ка, полководец, давай! Ты ведь у нас несгибаемый Конан, человек, который никогда не сдается. Разве не ты сколотил из кучки бродяг армию? И от ее поступи дрожали троны! Ты и теперь можешь повторить то же самое. Хватит киснуть!

Конан поглубже вздохнул и расправил широченные плечи:

— Клянусь Кромом, ты прав! Хватит мне ныть, как голодная ведьма. Я проиграл сражение, но наше дело осталось. И пока живы мы двое, пока можем прикрывать друг друга и драться насмерть, оно не погибнет. И в конце концов, есть вот это!

Конан отошел в глубь пещеры и достал из щели знамя Львов. Накануне его принес тяжелораненый знаменосец. Бедолага умер у киммерийца на руках. Конан свернул полотнище и убрал с глаз подальше. Теперь же при бледном свете занимавшейся зари варвар развернул стяг вновь.

— Не много нас тут для армии, — пророкотал Конан, — но троны берут и меньшим числом.

При этих словах киммериец улыбнулся своей широкой, спокойной улыбкой.

Глава 5

ПУРПУРНЫЙ ЛОТОС

Светлый солнечный день показал, что Его Величество Рок вовсе не собирается добивать побежденных. Тяжкая ночь миновала. И когда утреннее солнце растопило облачное покрывало, Конан с отрядом стал пробираться в горы.

До Саксульского перевала они добрались, когда по склонам уже побежали вечерние тени. Конан выслал вперед несколько всадников, ибо каждую минуту ожидал нападения. Но, к изумлению киммерийца, вернувшиеся разведчики доложили: ни на перевале, ни в окрестном лесу противника нет. О том, что легионеры были там, явственно свидетельствовали пепел кострища и оставленный мусор. Но, похоже, враги ушли.

— Кром! Ничего не понимаю, — задумчиво пробормотал Конан, разглядывая багряные от солнца горные пики. — Разве что Прокас велел им сняться и пройти дальше в глубь Аргоса.

— Вряд ли, — сказал на это Публий. — Для них это бы означало открытую войну с Милоном. Скорее всего, Прокас отозвал своих воинов, пока при дворе не успели узнать о вторжении. Теперь, если Милон и попробует протестовать, Прокас ответит, что все в порядке: никаких аквилонских солдат в пределах Аргоса нет.

— Будем надеяться, так оно и есть, — произнес Конан и скомандовал:
— Вперед!

На следующее утро к Конану присоединились несколько отрядов пехоты, которым удалось уйти после разгрома под Мевано в полном порядке и почти без потерь. А ближе к вечеру киммерийца ждал сюрприз: разведчики первыми заметили на вершине холма лагерь. Оказалось, там стал с двумя сотнями всадников и пехоты сам граф Троцеро. Они успели даже взвести некое подобие укреплений и готовились дать бой. Троцеро радостно обнял друзей.

— Благодарение Митре, вы живы! — воскликнул он. — А мне сообщили, будто в тебя угодила стрела, — проговорил граф, обращаясь к Конану, — а люди твои разлетелись, как птички по осени.

— Теперь много что будут говорить, хорошо бы десятая часть из этих рассказней была правдой, — буркнул Конан и принялся рассказывать о засаде. А чуть погодя спросил: — Что у вас-то случилось под Танаисом на

переправе?

— Прокас отдал нас не хуже, чем тебя, — отвечал граф. — Мне показалось, старик сам вел сражение. Он заранее подготовил на южном берегу засаду — как раз там, где мы собирались переправляться, — а потом гнал нас с обеих сторон. Не думал, что он осмелится преследовать нас в Аргосе.

— Прокас не дурак, — заметил Конан, — он знает, когда и что можно. Ну ладно... А как вы попали сюда? Прошли по перевалу?

— Нет. Еще вчера там стоял большой отряд аквилонцев. Но нам повезло: один из моих людей, когда возил в эти края контрабанду, знал одну узенькую тропу, по которой почти никто никогда не ходит. Подъем был что надо, но в конце концов мы все же забрались, потеряв при этом лишь двух лошадей. А что, сегодня там никого нет?

— По крайней мере, час назад не было ни души, — ответил киммериец. Он оглянулся на своих: — Что ж, пора двигаться, пока светло. Вместе с твоими воинами нас теперь около тысячи.

— Тоже мне армия, — проворчал Публий. — Жалкие остатки — вот что это такое, армия осталась на севере.

— Для начала сойдет, — бросил Конан. Мрачные ночные мысли исчезли вместе с утренним туманом. — Я еще не забыл те дни, когда все наше войско состояло из пятерых храбрецов.

* * *

Отряд двигался в сторону старого лагеря, и по дороге группками или поодиночке к нему приставали уцелевшие после разгрома воины. Конан же беспрестанно оглядывался назад, каждую минуту ожидая увидеть мчащихся по Рабирийским склонам лихих легионеров Прокаса. Но Публий не разделял его настроений.

— Послушай, Конан, — твердил он. — Король Милон пока еще нас не предал, иначе его солдаты оказались бы у нас в тылу уже тогда, когда Прокас трепал нас, как сосунков. А король Аквилонии хоть и спятил, но все-таки не настолько, чтобы начать сейчас настоящую войну с Милоном, — Аргос крепкий орешек. Амалиусу Прокасу все эти политические штучки прекрасно известны, он не продержался бы так долго на службе у психа Нумедидеса, если б не помнил о главных его интересах. Так что успокойся, в лагере мы пока будем в безопасности. К тому же там нас станет чуть больше — с резервом и с обозными.

— Пока... — фыркнул Конан. — Будто ты не знаешь: когда Нумедидес сумеет уговорить аргосийца, земля будет гореть у нас под ногами!

* * *

В сущности, Конан не слишком-то ошибался. Вскоре после этого разговора король Милон принимал у себя посланников Аквилонии. Во главе их ко двору, совершив трудный обратный путь в обход армий, прибыл зингарец по имени Квесадо.

Квесадо, одетый теперь в роскошное платье черного бархата и кожаные, кордавской выделки башмаки, сильно переменился. Но перемена эта, как оказалось, пошла не на пользу его хозяину. Сам Нумедидес, узнав о шпионских подвигах зингарца, на радостях приказал назначить его главой посольства. И это было ошибкой.

Зингарец был отличным разведчиком, умевшим легко и незаметно выведать что угодно и у кого угодно. Но, оказавшись неожиданно у власти и при деньгах, он занесся и стал просто невыносим. Холодно и высокомерно пытался он почти неприкрытыми угрозами склонить короля и его советников к мысли о том, что для Аргоса лучше — союз с могущественным соседом или же с его врагами, которые, в сущности, обычные оборванцы.

— Ваше Величество, господа советники, — говорил Квесадо резким, уверенным тоном. — Вы, наверное, и сами понимаете, что не принять дружбу моего повелителя означает перейти на сторону его врагов. И чем долее позволите вы оставаться им в землях вашего королевства, тем более запятнаете себя позором измены по отношению к вашему соседу и моему государю, могущественнейшему королю Аквилонии.

Король Милон при этих словах резко выпрямился, широкое лицо его побагровело от гнева. Средних лет, с пышной, ниспадавшей на грудь седой бородой, он производил впечатление человека уравновешенного, неразговорчивого и напоминал скорее честного селянина, чем владыку богатого древнего государства. Соображал он туго, и, если уж что-то вбивал себе в голову, переубедить его было невозможно. Глядя Квесадо прямо в глаза, король Милон ответил так:

— Вы забыли, господин посол, что Аргос пока свободная страна! Никогда мы не были и — да не допустит Митра! — не будем подданными твоего короля. Ты говоришь об измене, то есть о некоем деянии, направленном против государя. Не хочешь ли ты сказать, посол, что

Нумедидес стал теперь государем Аргоса?

Квесадо покрылся испариной. Бугристый лоб его засиял под падающими сквозь витражные окна лучами всеми цветами радуги.

— Ни в коем случае, Ваше Величество! — торопливо попытался он сгладить неловкость. И тотчас добавил еще более неуклюже: — Но, со всем своим уважением, я все же должен напомнить, что Его Величество король Аквилонский не оставит без внимания помощь, какую собрат его, монарх, оказывает врагам нерукотворного Рубинового Престола.

— Никакой помощи им никто не оказывает, — накаляясь, ответил Милон. — Разве ваши шпионы еще не донесли вам, что остатки мятежников вернулись в Паллосскую долину, где у них нет даже подвоза продовольствия? Так что им приходится рыскать в поисках съестного по всей округе. Знаменитые бессонские лучники заняты отстрелом оленей и уток! Ты говоришь, посол, Прокас одержал сокрушительную победу над ними? Отчего же могущественнейшая Аквилония так боится горстки мятежников, которым и есть-то нечего? Нам докладывают, что силы их истощены, что с каждым днем от Конана уходит все больше солдат.

— Все это верно, Ваше Величество, — холодно проговорил Квесадо, к которому уже вернулось его прежнее высокомерие, — но скажите, во имя богов, чего хочет добиться король Аргосийский, предоставляя этим бандитам убежище в своих землях? Ведь когда они поймут, что свергнуть короля Аквилонии им не удастся, они могут повернуть оружие против аргосийского трона!

Милон, нахмурившись, промолчал, ибо ничего убедительного он не смог бы ответить послу. Не мог сказать, что верит старому другу графу Троцеро, что обещал дать ему кров и хлеб на своих землях. Не мог сказать, что ему отвратительна настырность посла. Король Милон любил старых друзей и не любил менять однажды уже принятых решений.

Поднявшись, он, наконец, изрек:

— Мы обдумаем мнение нашего брата короля Аквилонского, господин посол. Вам объявят, какое решение мы сочтем полезным для нашего блага. А теперь можете удалиться.

Скривив рот в фальшивой улыбке, Квесадо согнулся в поклоне и вышел, но сердце его было полно злобы. «Счастье и на этот раз улыбнулось тебе, киммериец, — думал он. — Но это в последний раз, ибо ты ведать не ведаешь, какую змею пригрел у себя на груди».

* * *

А Львы все же были не так обессилены, как думал король Милон. Их небольшое войско крепло с каждым днем. Отощавшие лошади отъедались на зеленых лугах, женщины-аргосийки ухаживали за ранеными. Удалось спасти и довольно большую часть обозного скарба, к тому же не проходило и дня, чтобы не возвращались пусты оборванные и голодные, но все-таки уцелевшие воины. В лесу слышался шелест травы под ногами охотников, звенели под ударами топора вековые сосны, а в лагере гудели наковальни, где пуантенские мастера правили притупившиеся клинки и готовили связки новых остро отточенных копий и стрел.

А в один прекрасный день войско всколыхнула радостная весть: аквилонский барон Гродер сумел увести прикрывавший на Алимане тылы отряд на восток в горы и избежал разгрома. Чтобы проверить, правда это или нет, Конан послал Просперо на поиски барона, дав ему небольшой отряд легкой конницы. Декситус не переставая молился Митре, чтобы слух оказался правдой, ибо в этом случае ряды мятежников почти удвоились бы. В конце концов, троны завоевывают не только числом, но умением и отвагой.

Полная луна смотрела на Паллосскую долину подобно желтому оку разгневанного бога. Резкий свежий ветер пробегал в высокой луговой траве и трепал незримыми пальцами плащи часовых, стоявших на страже вокруг лагеря.

Конан допоздна засиделся в своем шатре за кружкой эля, продолжая долгую беседу. Собравшиеся жарко спорили. Кто-то считал, что после поражения какое-то время нужно вести себя потише. А кто-то, горя жаждой мести, рвался в бой, не желая ждать, когда войско наберется свежих сил. Одним из них был Троцеро.

— Послушай, Конан, — говорил граф. — Амалиус Прокас сейчас не ждет удара, так что мы легко застанем его врасплох. А кроме того, стоит перейти Алиману — и к нам присоединится весь Пуантен, там только того и ждут.

Отважное сердце варвара-северянина сильнее забилось при этих словах. Пересечь границу именно сейчас, когда счастье, казалось бы, отвернулось от мятежников, и впрямь могло бы оказаться для неприятеля полной неожиданностью. Конану отчаянно захотелось устроить такую вот дерзкую вылазку — даже не ради победы, но чтобы поднять боевой дух своего войска. Солдаты, пока, правда, потихоньку, начали уже уходить. А если течь не заделать вовремя, тоненькая струйка грозит быстро превратиться в потоп.

Киммериец за долгие годы странствий научился смотреть на все

происходящее спокойно. И сейчас опыт подсказывал: надо поумерить пыл, ибо главное — сохранить остатки армии. По крайней мере, до возвращения Просперо. Если Гродер вернется с ним, то с такой поддержкой можно смело назначать и день, и час вылазки.

* * *

Распрощавшись за полночь с друзьями, Конан устремился в нежные объятия Альцины. Золотистокожая танцовщица всегда встречала киммерийца с радостью, но сегодня она лишь улыбнулась и легко выпорхнула из рук великана.

— Я приготовила тебе благороднейший напиток, мой повелитель. Достаточно ты наливался горьким пивом, как какой-то бродяга. Я съездила в Мессантию и привезла бутыль прекрасного вина, специально чтобы доставить тебе удовольствие, — сказала она.

— Кром! Девочка, сегодня я и так достаточно выпил. А сейчас вино твоих губ пришлось бы мне по вкусу больше, чем виноградный сок.

— Это вино разгорячит тебя, умножив твои желания и мое удовольствие, повелитель, — мягко продолжала настаивать танцовщица. Освещенная пламенем свечи, в длинном, шафранного шелка, почти прозрачном одеянии, которое лишь подчеркивало мягкие линии тела, она с очаровательнейшей улыбкой протянула киммерийцу кубок: — Я положила туда пряности, привезенные с моей родины. Мне так хотелось взбодрить тебя, мой повелитель. Неужели же ты откажешь мне в столь крохотном удовольствии!

В нетерпении глядя на ее бледное, словно луна, лицо, Конан сказал:

— Когда я слышу запах твоих волос, мне не нужны никакие пряности. Но если уж тебе так хочется, я, конечно, выпью.

Тремя большими глотками он осушил кубок, не обратив внимания на слегка горьковатый привкус, и отбросил сосуд прочь. Потом потянулся к прекрасной танцовщице, не сводившей с него внимательного взгляда. Но едва варвар собрался заключить подружку в свои объятия — полог шатра закружился перед глазами, все нутро пронзила нестерпимая боль. Конан попытался ухватиться за стойку шатра, но пальцы не слушались, и киммериец тяжело рухнул навзничь.

Альцина нагнулась над неподвижным телом. В угасающем сознании Конана лицо красотки плыло подобно туману, сквозь который ярко мерцали изумрудно-зеленые глаза.

— Кром! Ах ты, мерзкая ведьма! — простонал Конан. — Ты меня отравила!

Киммериец попытался было подняться, но тело его словно налилось свинцом. От усилия лицо побагровело, вены натянулись, варвар лишь едва приподнял голову. Задыхаясь от слабости, он снова ткнулся лицом вниз. Тут сознание его потускнело, залитый светом свечей шатер поплыл перед глазами, и Конан будто провалился в странный, тяжелый сон. Он различал слова, но не мог ни говорить, ни шевелиться.

— Конан, — позвала, наклонившись, танцовщица. Великан-северянин не отозвался. Нежный голосок прошелестел: — Наконец-то ты сдох, киммерийский пес! Скоро вы все встретитесь в преисподней!

Альцина спокойно села рядом с распростертым телом и вынула из-за пазухи амулет. Судя по отмерявшей время свече, до встречи с хозяином оставалось не менее получаса. Недвижно, как сфинкс, ждала она, пока пройдет время. Потом зажала обсидиановый полумесяц в ладони и сосредоточилась.

Далеко-далеко в Тарантии Зуландра Тху даже засмеялся от удовольствия, увидав на полу поверженного киммерийца. Колдун убрал магическое зеркало, кликнул слугу и приказал ему отправляться в королевские покои.

Хиау вошел в опочивальню, когда четыре крепкие обнаженные служанки делали Нумедидесу растирания. Скромно опустив глаза к плитам мраморного пола, Хиау низко поклонился и проговорил:

— Ваше Величество, мой хозяин прислал меня, дабы известить вас о том, что разбойник по имени Конан сегодня убит в Аргосе магической властью моего хозяина.

Хмыкнув, Нумедидес отогнал от себя служанок и сел.

— Вот как? Говоришь, убит?

— Именно так, Ваше Величество.

— Что ж, отличная новость, отличная новость. — Нумедидес в такт словам звонко хлопал себя по ляжкам. — Когда я стану... э-э... не будем об этом. Есть у тебя еще что-нибудь?

— Хозяин мой просит позволения сообщить о случившемся Амалиусу Прокасу и приказать ему немедленно войти в Аргос, дабы уничтожить остатки мятежников, пока они не нашли себе нового вожака.

Нумедидес отмахнулся:

— Сгинь, желтолицая обезьяна. Пусть хозяин твой делает все, что ему взбредет в голову. А теперь, девочки, продолжим.

Поздней ночью из Тарантии выехал к аргосийской границе гонец. Он

весь запечатанный королевской печатью приказ Амалиусу Прокасу: не позднее чем через две недели всей мощью Пограничного легиона обрушиться на обезглавленное, обескровленное войско мятежников, вставшее под Знамя Льва.

* * *

А в шатре после магической беседы с колдуном танцовщица Альцина достала из дорожного сундука пажеский наряд и переоделась. Потом нашла на дне маленький медный ларец и открыла, повернув на крышке серебряного дракона. Ларец был доверху полон браслетов, колец, серег и других безделушек. Альцина долго рылась в них, пока не отыскала небольшую медную пластинку с надписью на аргосийском. Этот знак когда-то добыл для нее Квесадо — по нему на всех почтовых станциях Аргоса хозяева кидались менять лошадей без промедления. Альцина взяла табличку, выбрала из украшений самые ценные, спрятала за пояс, а болтавшийся на ремне кошелек наполнила золотом и серебром.

Потом загасила свечу и выскользнула в ночную темень. Часовому Альцина сказала:

— Конан лег отдыхать, а мне поручил срочно отвезти донесение королю. Не сочи за труд, прикажи конюху седлать лошадь и привести сюда.

Часовой остановил проходившего мимо одного из капитанов, тот отправил солдата на конюшню, а Альцина молча стояла у входа в шатер и ждала. В лагере все давно привыкли к подружке командующего, полюбили ее за красоту и дружелюбие, и теперь солдаты спешили побыстрее выполнить ее просьбу.

Когда привели лошадь, Альцина легко вскочила в седло и медленным шагом двинулась следом за часовым, проводившим ее до границы лагеря. Потом, пустив лошадь рысью, танцовщица быстро исчезла в залитой лунным светом ночи.

* * *

Через четыре дня Альцина прибыла в Мессантию. Она немедленно отправилась к тайному пристанищу Квесадо, где нашла одного только кофита Фадия, который в это время кормил голубей.

— Где Квесадо? — спросила его Альцина.

— Ты что, не знаешь? — удивился Фадий. — Теперь он посол, стал слишком гордым, чтобы тратить свое драгоценное время на таких, как мы. После возвращения он только раз сюда и заглянул...

— Что ж, гордый он или нет, а мне надо увидеть его немедленно. У меня важные новости.

Фадий, ворча, повел танцовщицу к дому, где расположились аквилонцы. Слуга зингарца был занят — он уже постелил постель и чистил хозяйские башмаки, так что Фадий с Альциной вошли без предупреждения.

— Проклятье! — возмутился Квесадо. — С каких это пор какой-то сброд врывается в дом знатного господина, когда тот готовится отойти ко сну!

— Ты прекрасно знаешь, что мы за «сброд», — спокойно проговорила Альцина. — Я пришла сообщить, что Конан мертв.

Квесадо как был, так и остался стоять с открытым ртом.

— Вот как, — наконец выдавил он. — Что ж, это меняет дело. Ну-ка, Нарсис, неси сюда башмаки. Я иду во дворец немедленно. И жду вашего рассказа, сударьня.

Вскоре Квесадо был уже во дворце, где потребовал, чтобы его без промедления допустили к королю. Зингарец хотел вынудить Милона как можно скорее ударить по оставшемуся без главы войску. Он отлично понимал, что сейчас, пока мятежники не оправились от неожиданности, им не выдержать сколько-нибудь серьезного боя.

Однако судьба и на этот раз распорядилась по-своему. Король, разбуженный посреди ночи, пришел в ярость от непочтительности посла. К Квесадо вышел лишь королевский камердинер.

— Его Величество, — произнес он, — требует, чтобы вы немедленно удалились и явились завтра в приличествующее время. Его Величеству будет удобно ждать вас за час до полудня.

Квесадо вспыхнул от разочарования и досады. Раздраженно он произнес:

— Кажется, здесь не совсем отдают себе отчет в том, кто я такой!

Камердинер улыбнулся и в ответ сказал с презрением:

— О нет, господин, здесь все до единого знают, кто вы... и кем были еще недавно. — Лица маячивших за спиной камердинера караульных расплылись в нахальной ухмылке, камердинер же продолжал: — А теперь прошу вас удалиться, да побыстрее, дабы не вызвать неудовольствие моего государя.

— Ты еще пожалеешь об этих словах, — прорычал Квесадо и вышел.

По мощеным улочкам Мессантии он быстро шел к прежнему своему убежищу, где его ждали Альцина и Фадий. Здесь он написал яростное послание о поведении аргосийского короля и отправил голубя в путь.

* * *

Через несколько дней донесение достигло Вибиуса Латро, и он немедля передал его королю. Нумедидес, и так-то никогда не умевший сдерживаться, прочитав письмо, зашелся от гнева. Часа не прошло, как в легион Прокаса понесся еще один гонец. На этот раз король приказывал не просто войти в Аргос. Монарх повелевал своему командующему взять с собой любое по численности войско и не возвращаться в Аквилонию, пока жив хоть один мятежник.

Прочитав это, Прокас — умный, опытный воин — поморщился. Одно дело отправить в чужие земли несколько легких отрядов добить удирающего противника. И совсем другое — перейти Алиману целой армией.

Но с королевскими приказами спорить бессмысленно. У командующего не было выбора: если он хотел и дальше носить голову на плечах, то должен готовиться к походу, хотя весь его боевой опыт восставал против поспешного, бессмысленного приказа.

Он отложил выступление на несколько дней в надежде, что король поостынет и переменит решение. Но время шло, и Прокас не осмелился ждать дольше. На рассвете ясного весеннего утра аквилонская армия во главе с Амалиусом Прокасом перешла аргосийскую границу. Река успела уже войти в берега, и рыцари в сверкающих латах, лучники и копейщики в кожаных доспехах переправились на чужой берег, едва замочив ноги. После чего войско спокойно направилось по извилистой горной дороге в сторону Саксульского перевала.

* * *

До самого утра никто в лагере повстанцев так и не узнал, что произошло с Конаном. Утром же, обнаружив несчастье, все сбежались в шатер. Киммерийца переложили на постель и тщательно осмотрели. Все еще не оставлявший после ранения палку Декситус наклонился, поднял

брошенный кубок и повел носом.

— Он выпил вино, — сказал жрец, — отравленное соком пурпурного лотоса из Стигии. Он должен уже, по всем расчетам, быть мертвее древней мумии, а он, смотрите-ка, дышит, хотя и смахивает на труп.

Публий в задумчивости потер лоб:

— Возможно, яд был рассчитан на обычного человека. А для нашего неукротимого северянина доза оказалась маловата.

— Наверняка это зеленоглазая ведьма! — воскликнул Троцеро. — Никогда я ей особенно не доверял, а раз уж она сбежала, так, значит, точно виновата. Попадись она мне, я отправил бы ее прямиком на костер.

Декситус стремительно развернулся в его сторону:

— Зеленоглазая, говоришь? Возле Конана была женщина с зелеными глазами?

— Ну да, зелеными, как изумруды. А что такое? Разве ты ее сам не видел?

Жрец, нахмурившись, покачал головой:

— Я, конечно, знал, что он нашел себе подружку в какой-то таверне, но, когда влюбленные дети мои начинают вести себя неподобающим образом, я стараюсь делать вид, будто не замечаю этого. Конан великодушно старался держать ее от меня подальше. Горе нам! Ибо Митра предупреждал меня о несчастье из-за зеленоглазой тени. Но я думал, что все несчастья еще впереди. Горе мне! Я не сумел предотвратить беду.

— Хватит стонать, — перебил его Публий. — Конан жив, и благодаря Митру за то, что подлая красотка плохо умеет считать. Теперь, пока он лежит, никто, кроме оруженосцев, не должен не только подходить к нему, но и порога здесь переступить. Пусть все думают, что предводитель попросту заболел. Если ему не суждено умереть сейчас, он выживет. А пока будешь командовать ты, Троцеро.

Граф Пуантенский кивнул:

— Он сам назначил меня своим помощником, и я сделаю все, что положено. А ты, Публий, сегодня же займись восстановлением связей с нашими людьми в Аквилонии. Объявляйте утреннюю поверку!

* * *

Не успел Амалиус Прокас выйти в поход, как у мятежников уже вновь появились на той стороне опытные лазутчики. И вечером, когда Троцеро с товарищами собирались на совет, один из разведчиков прискакал с

сообщением, что огромная армия перешла границу. Троцеро повернулся к Публию:

— Что известно о численности?

Публий склонился над восковыми табличками. Когда он закончил свои вычисления, в глазах его появилась тревога.

— Втрое больше нашего, — мрачно сказал он. — Вот и пришел наш черный день. Пора начинать готовиться к последнему бою.

— Не плачь раньше времени! — весело бросил граф, хлопнув казначея по спине. — Никогда не быть тебе солдатом, Публий. Кто же говорит о поражении еще до драки! — И Троцеро повернулся к жрецу: — Как наш больной?

— Двигаться он не может, но, похоже, ему лучше. Если Митра нас не оставит, он выживет.

— Ну что ж, если киммериец не сможет подняться в седло, когда труба возвестит начало битвы, придется мне идти впереди. Слышно что-нибудь от Просперо?

Публий и Декситус отрицательно покачали головами. Троцеро сказал:

— Ясно. Будем рассчитывать на имеющиеся силы. Прокас уже к утру подойдет на расстояние выстрела. Придется решать — удирать или драться.

* * *

Тяжелая конница, а следом за ней пехота быстро спускались с гор. Впереди скакал отряд разведки, в центре — в боевой колеснице — Амалиус Прокас. Мятежники, готовясь к встрече, выстроились в боевые порядки посередине равнины.

Неподвижный воздух едва не звенел от напряжения безмолвных молитв. Аквилонцы двигались широким фронтом, лишив Троцера возможности толкового маневра. Но отступить означало бы обречь войско на окончательное и полное поражение. Уйти от наступающего противника можно только с отлично обученными, опытными солдатами. Эти же попросту разбегутся, и аквилонцы добьют их по одному, как на Алимане.

Троцеро, следивший за приближением противника, стоял возле шатра на вершине небольшого холма. Он приказал оруженосцу подвести лошадь, подправил подпругу и взлетел в седло. Обращаясь к двум сотням ожидавших его слов всадников, граф сказал:

— Вам всем известен мой план, друзья. Шансы наши невелики, но другого выхода нет.

План, о котором он говорил, заключался в том, чтобы молниеносным броском попытаться прорвать ряды легионеров и захватить самого Прокаса. Все знали, что постаревший и потерявший быстроту реакции командующий предпочитает седлу колесницу. Знали также и то, что в бою возничему непросто управляться с тяжелой повозкой. Так что, если граф со всадниками сумеют прорваться, у них есть надежда решить исход дела в свою пользу.

Правда, эта надежда, как сказал Троцеро, была весьма призрачна, но лучшего он ничего придумать не смог. Глядя же на него со стороны, никто из двухсот всадников не догадался бы, как мало граф уверен в успехе. Троцеро шутил и улыбался, словно его войско в три раза превосходило по силе противника и он вел солдат только к победе.

* * *

И вновь Судьба в лице короля Милона Аргосийского встала на сторону мятежников. Не успел первый аквилонский солдат шагнуть на южный берег, аргосийский шпион, в спешке загнав трех лошадей, привез ко двору донесение о коварном плане соседа. И тут обычно спокойный, добродушный король, и так уже сердитый на Аквилонию за непочтительность ее посла, попросту пришел в ярость. Он немедленно распорядился поднять все ближайшие полки и отправить на север пресечь вторжение.

Неизвестно, решился бы на такое Милон, если б не болван Квесадо. Скорее всего, уверенный в том, что соседу нужны не аргосийские земли — как некогда Вилерусу, — а нечто совсем другое, он предпринял бы меры помягче. Но теперь, когда гнев его поостыл, полки уже шли на север, а упрямый monarch отменять решения не любил.

Армия встала и готовилась к битве, когда прискакал задыхающийся от сумасшедшей гонки разведчик.

— Господин! — крикнул он Прокасу, едва переводя дыхание. — Над южной дорогой видно облако пыли — словно движется целое войско!

Прокас не поверил своим ушам. Приказав повторить донесение, он выслушал всадника и, сотрясая воздух страшными ругательствами, сорвал с головы шлем и с грохотом бросил на дно повозки. Случилось то, чего он и боялся: Милон узнал о вторжении и отправил навстречу своих воинов.

Прокас рявкнул оруженосцам:

— Передать приказ, чтобы все стояли спокойно, никто никуда не

двигался. Разведчикам обойти лагерь — и галопом к южной дороге: мне надо знать, кто там и сколько. Разбить шатер, всех капитанов — на совет.

Когда через час разведка донесла, что на подходе тысячная конница аргосийцев, Прокас понял, в какое незавидное положение он попал. Начать без дополнительных указаний открытые боевые действия теперь невозможно. И нарушить главный приказ вот так запросто он тоже не мог.

Аквилонцы, конечно, легко разбили бы ряды мятежников и отогнали бы аргосийцев обратно к стенам Мессантии. Но это послужило бы поводом к началу серьезной войны, к которой Аквилония именно теперь была не готова. Нумедидес успел за шесть лет основательно истощить казну.

Однако отступить от лагеря повстанцев Прокас не мог. Число легионеров превосходило число аргосийцев и Львов, вместе взятых, Нумедидес не простил бы невыполненного приказа. Посчитав отступление трусостью или — еще хуже — изменой, король немедленно бы приказал укоротить главнокомандующего ровно на его ненадежную голову.

Солнце уже повернуло к западу, а державший со своими капитанами совет Прокас все медлил с решением. Наконец он сказал:

— Сегодня уже все равно поздно. Отойдем чуть на север, к обозу, разобьем лагерь. Отправить к обозным гонца — пусть начнут готовиться прямо сейчас.

* * *

Троцеро так и застыл на холме, не сводя с неприятеля глаз. Рядом жевал куриную ножку Публий. Казначей смотрел в ту же сторону и вдруг воскликнул:

— Митра небесный! Что это они там делают! Только пришли, а теперь неужто отходят? Он что, спятил? Мы же можем ночью сняться и уйти — хоть к Мессантии, хоть, наоборот, за Алиману.

Троцеро пожал плечами:

— Мы же получили донесение о приближении аргосийцев. Возможно, Прокас потому и поменял план. А нам остается только ждать — посмотрим, к кому войско Милона движется на помощь, к нам или к Прокасу. Если аргосийцы решили взять грязную работу на себя, мы окажемся между двух жерновов и нас сотрут в порошок.

Едва договорив фразу, Троцеро услышал приближившийся с юга топот, и почти в то же мгновение из-за холма вывернулся небольшой конный отряд.

Всадники подскакали ближе, двое из прибывших спешились и, бряцая доспехами, направились прямо к графу. Один был худой, высокий, с темным, будто дубленым, лицом и твердым взглядом опытного воина. Другой — помоложе, ниже ростом, курносый, широкоскулый, с ясным взглядом быстрых любопытных глаз. На нем были позолоченные доспехи, красно-лиловый плащ и таких же цветов пломаж на шлеме.

Худой заговорил первым:

— Привет тебе, граф Троцеро! Меня зовут Аркадио, капитан королевской гвардии. Мы к твоим услугам. Позволь представить тебе принца Кассио, наследника аргосийского трона. Нам нужен ваш киммериец.

Кивнув в ответ капитану и отвесив легкий поклон принцу, Троцеро сказал:

— Я прекрасно помню тебя, принц Кассио, и озорным мальчуганом, и беспечным юношей. Что же касается Конана-киммерийца, к сожалению, мне придется вас разочаровать, он не сможет принять вас, он нездоров. Так что пока его замещаю я, и вы можете изложить цель своего прибытия мне.

— Наша цель, господин граф, — сказал принц, — отбросить с аргосийских земель аквилонских наглецов. Его Величество, мой отец, для того и направил меня во главе этого отряда. На мне лежит ответственность за жизни моих солдат, и потому я хотел бы знать, можем ли мы рассчитывать на тебя?

В ответ Троцеро улыбнулся:

— Трижды рад видеть тебя, принц Кассио! Однако вам пришлось весь день глотать дорожную пыль. Не хочешь ли ты вместе с капитаном пройти в шатер и освежиться, пока солдаты спешатся и расседлают лошадей? Вина, правда, у нас давно нет, зато эля хватает.

Прежде чем последовать к шатру, Троцеро шепнул Публию:

— Вот кого испугался Прокас. Пришлось ему выпустить добычу прямо из пасти. Нападать-то теперь опасно — сразу война, и уходить нельзя — объявят трусом. Потому он и стал лагерем — ждет...

— Троцеро! — перебил его вдруг громкий голос, раздавшийся из шатра. — Кто это там рядом с вами? Ну-ка, давай их сюда!

— Конан зовет нас, — сказал принцу Троцеро, с трудом скрыв свое изумление. — Не пройдете ли внутрь, господа?

Конан, в коротких широких штанах, сидел на своем ложе. Благодаря неустанным заботам Декситуса варвар успел немного оправиться. Могучий организм справился с ядовитым соком, который отправил бы на тот свет любого другого. Правда, пока киммериец мог только мыслить, мог

говорить, но не двигаться, и собственная немощь приводила его в ярость.

— Клянусь бородой Крома! — рычал он. — Показал бы я этому Прокасу, если б мог хотя бы держать меч! А кто эти аргосийцы?

Троцеро представил ему принца и капитана и рассказал о последних передвижениях аквилонцев.

— На это я сам теперь посмотрю, — буркнул Конан. — Оруженосцев сюда! Ну-ка, помогите мне встать! Прокас, может, только делает вид, что отходит, а сам готовится к удару.

Обхватив оруженосцев за шеи, Конан дотащился до выхода. Вечернее солнце прочертило по западным склонам резкие тени. Последние лучи вспыхивали пунцовыми искрами на шлемах легионеров, разбивавших шатры примерно на половине пути между лагерем повстанцев и подножием кряжа. В вечернем воздухе по долине мягко разносился стук деревянных молотков, которыми вгоняли в землю крепкие колья.

— Неужто он пойдет на переговоры? — удивился Конан.

Его спутники только пожали плечами.

— Пока он никого не присыпал, да и наверняка не пришлет, — сказал Троцеро. — Но поживем — увидим.

— Мы уже и так целый день смотрим, — гаркнул в ответ киммериец, — а наши парни жарились в доспехах на солнцепеке. По мне, так ничего нет хуже, чем торчать без дела.

— Кажется, Прокас того же мнения, — пробормотал Декситус, который, прикрыв глаза ладонью, как козырьком, не сводил глаз с лагеря неприятеля. Все в недоумении повернулись к жрецу.

— Что ты хочешь сказать, знахарь? — нахмурился Конан.

— Смотри! — показал рукой жрец.

— О Иштар! — выдохнул капитан Аркадио. — Будь я проклят, они удирают!

Именно так оно и было. Прокас, если и не бежал, то начинал отступление. Тонко запели трубы, собирая в строй не успевших окончить работу легионеров. Похожие издалека на муравьев, они свертывали только что натянутые шатры, грузили телеги, строились и отряд за отрядом снимались в направлении Рабирийского хребта. Конан в недоумении оглянулся на товарищей.

Скоро, однако, все выяснилось. Не успел Прокас отвести войско на приличное расстояние, как из-за холма с востока в долине показались вооруженные до зубов солдаты. Тысячи полторы — прикинул на глаз Троцеро. Всадники шли широкой развернутой цепью, изготовившись к бою.

У подножия холма, где стоял Конан с товарищами, появился изо всех сил нахлестывавший скакуна вестовой. На вершине он чуть не кубарем скатился с седла, поднял в приветствии руку и выпалил единым духом:

— Мой господин, отряд барона Гродера прибыл в Паллосский лагерь вместе с Леопардами Пуантена.

— Кром! — ахнул киммериец. Лицо его прояснилось, могучий смех эхом отозвался среди холмов. — Просперо сумел-таки отыскать своих.

— Ничего удивительного, что Прокас кинулся бежать! — воскликнул Троцеро. — Мы теперь превосходим его численностью, и он со спокойной совестью может возвращаться обратно, не вызвав при этом гнева своего повелителя. Войско его стало перед угрозой попасть в окружение и в бою наверняка было бы разбито.

— Конан, — вмешался Декситус, — тебе пора в шатер. Нельзя допустить, чтоб ты сейчас снова слег.

Когда оруженосцы помогли Конану опуститься на лежанку, про себя киммериец подумал: «Просперо, Просперо! Если суждено мне стать королем Аквилонии, быть тебе в ней первым рыцарем трона».

* * *

В неряшливой комнатенке Фадия, зажав в руке драгоценный обсидиан, сидела бывшая танцовщица Альцина и следила за тем, как тают одна за другой черно-белые полосы отмерявшей время свечи. Фадий бродил тем временем по улицам Мессантии: Альцина, чтобы поговорить с хозяином наедине, выставила кофита за порог.

Колеблющееся пламя спускалось все ниже и ниже. А когда прогорела последняя черная полоска и пламя опять затанцевало на белом воске, ведьма подняла талисман к глазам и сосредоточилась. Легко, словно во сне, услышала она сухой голос Зуландры, и тотчас перед ней возникло видение сидевшего в кресле волшебника.

Слова зазвучали так тихо, что ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы уловить их смысл.

— Ты хорошо справилась, дочь моя, — говорил колдун. — Все ли в порядке в Мессантии?

Альцина кивнула в ответ, и чародей продолжал:

— Тогда у меня к тебе есть еще одно поручение. Утром с первыми лучами солнца ты опять оденешься в платье пажа, возьмешь лошадь и отправишься в горы на север...

Альцина даже вскрикнула от досады:

— Опять носить эту рвань, опять к дикарям, у которых в постелях жуки да муравьи?! Умоляю тебя, господин, позволь мне хоть ненадолго остаться в городе, хоть немного побывать женщиной!

Колдун насмешливо поднял бровь:

— Тебе больше по душе мессантский сброд?

Альцина отчаянно закивала.

— Увы, дочь моя, сейчас это невозможно. В Мессантии твои дела окончены, и теперь мне нужно, чтобы ты присмотрела за Пограничным легионом и его командующим. А если путь и покажется тебе слишком тяжел, вспомни о той славе и почестях, какие я обещал. Сегодня войско аргосийского короля уже наверняка появилось в Паллосской долине. Так что не успеет солнце подняться над горами дважды, как Амалиус Прокас воротится в Пуантен. Реку он перейдет возле Ногары. Поторопись. Ты должна выйти ему навстречу с севера, словно едешь на юг из Каларии. Со мной свяжешься при первой возможности.

Шелестящий голос умолк, видение исчезло, и Альцина осталась в одиночестве.

Вскоре за дверью раздался грохот. На порог заявился пьяный в стельку Фадий. Кофит весь вечер спускал денежки Вибиуса Латро. Увидев Альцину, Фадий широко распахнул объятия:

— Поди ко мне, цветочек мой! Я устал проводить ночь за ночью на твердом полу. Было бы справедливо, если б ты наконец проявила ко мне такую же благосклонность, как и к киммерийскому буйволу...

Альцина вскочила на ноги и отступила назад.

— Остерегись, кофит! — воскликнула она. — Благосклонности моей хватит только на то, чтобы предупредить тебя.

— Ну, иди же сюда, моя прелесть, — продолжал бормотать Фадий. — Я тебя не обижу.

Украшенная драгоценными кольцами рука Альцины метнулась к поясу, и в ней, словно по волшебству, мгновенно сверкнул крохотный кинжалчик.

— Назад! — скомандовала она. — Один укол этого клинка — и ты мертвец!

Угроза дошла, наконец, до пропитавшихся винными парами мозгов кофита, и он отступил. Кто-кто, а он не раз видел, с какой быстротой рука танцовщицы умела наносить страшные удары.

— Но... но, радость моя...

— Вон отсюда! — крикнула Альцина. — И не смей даже

показываться, пока не пропрозвеешь.

Бормоча себе под нос ругательства, Фадий убрался. Альцина, оставшись одна, достала сундучок и приготовила платье, в которое должна была переодеться на рассвете.

Глава 6

ПОКОИ СФИНКСОВ

Солнце уже садилось за грядой гор, когда аргосийские воины под гром барабанов и восторженные крики вошли в Паллосский лагерь. Изголодавшимся солдатам Гродера и Просперо немедленно выдали по куску солонины, ячменной лепешке и кружке эля из уже порядком поистощившихся запасов. Лошадей расседдали, вычистили и отправили пасть на зеленую луговую траву. После чего солдаты вместе с новыми своими союзниками разожгли костры и сели отдохнуть за общей трапезой. К полуночи темная чаша долины сияла огнями, подобно небесному своду, а поднявшийся ветерок подхватывал смех и голоса четырех тысяч воинов. Веселые возгласы и хохот звучали для уходивших на север легионеров Прокаса как погребальная служба.

Принц Кассио, Просперо и остальные собрались в шатре главнокомандующего вокруг его ложа, чтобы разделить вместе праздничный ужин и подготовить план утренних действий.

— На рассвете начнем погоню! — воскликнул Троцеро.

— Нет, — последовал твердый ответ юного принца. — Приказ Его Величества короля Аргосийского совершенно ясен. Мы можем прийти вам на помощь, только если Прокас сам нападет на вас на аргосийских землях. Правда, король считал, что стоит Прокасу завидеть наших солдат — и он немедленно вернется обратно... что он и делает.

Конан промолчал, но гнев, сверкнувший в синих глазах подобно грозовой молнии, выдал разочарование, охватившее киммерийца. Принц посмотрел на предводителя мятежников с сочувствием и в то же время с опаской.

— Я понимаю твои чувства, — мягко сказал он. — Но и ты должен нас понять. Война с соседом, у которого армия вдвое больше нашей, нам ни к чему. Мы подвергаем себя и так достаточному риску, разрешая вам оставаться в Паллосе.

Рукой, задрожавшей от напряжения, Конан поднял кубок и поднес к губам. От усилия на лбу его выступил пот, словно варвар пытался сдвинуть с места скалу.

— Тогда мы сами погоним Прокаса, — заявил Троцеро. — Поможем ему на переправе, да и числом сравняемся хоть немного. Наши так и горят жаждой мести. Еще посмотрим, кто выйдет победителем на этот раз...

Конан заколебался. Вся дикарская его душа рвалаась вслед врагу — рвать, рубить, калечить, вышибать из строя по одному, по двое, подобно тому, как стая гончих преследует стадо оленей. И Рабирийский кряж, казалось, был самой Судьбой предназначен для такой погони. Из резанные впадинами и трещинами, покрытые густым лесом склоны словно так и звали нестись вдогон отступавшему неприятелю.

Зато если бы Прокас вздумал остановиться и развернуть солдат, неизвестно, чем бы это могло кончиться для преследователей. Оружия у мятежников было теперь недостаточно, если они не досыта, а конница после рейда с Просперо вернулась измотанная и усталая. Помимо всего прочего, вид вожака, который не в состоянии без посторонней помощи даже в седло сесть, вряд ли поднял бы боевой дух войска. Так что выбор у Конана, еще до конца не оправившегося от яда, был невелик — либо отказаться от погони, либо согласиться на роль зрителя в предстоявшем сражении.

* * *

Забрезжил туманный рассвет, трубы пропели зарю. Конан, поддерживаемый с двух сторон оруженосцами, в задумчивости смотрел на просыпавшийся лагерь. Было безумно обидно отпускать Прокаса безнаказанным. Но в то же время затевать открытое сражение с превосходившим в числе противником тоже было невозможно. Конан отчаянно нуждался в каком-нибудь новом, неожиданном решении. Хорошо бы у него был легкий, подвижный отряд, способный наносить молниеносные, чувствительные удары.

Киммериец хмуро смотрел на утреннюю суету, и неожиданно взгляд его остановился на лучнике-боссоните, который вскочил в седло и быстро понесся к воротам лагеря. Вероятно, его послали передать что-то часовым. И, вероятно, приказ был срочным, ибо солдат не успел даже подтянуть тетиву на болтавшемся за спиной луке.

Конан тотчас вспомнил о своей службе у туранского короля. Армия там в основном состояла из верховых лучников, и эти ребята на полном скаку поражали такие мишени, в какие и с земли попадет не всякий. Боссонитов таким штучкам и за десять лет не научишь. К тому же у туранцев луки были из рога, небольшие, а у боссонитов — огромные, деревянные, такие возить за спиной, сидя на лошади, просто-таки неудобно.

Конан вдруг представил себе, как конный отряд лучников мчится вслед за аквилонцами, как тихо спешиваются они в лесу, осыпают врага тучей стрел и исчезают прежде, чем тот успевает ответить. От взрыва могучего хохота оруженосцы едва не подпрыгнули на месте, а капитан Аркадио, стоявший неподалеку, помчался к шатру жреца-врачевателя.

Когда явился полуодетый Декситус, Конан, к его изумлению, сидел один в своем шатре и ухмылялся.

— Не бойся, — хохотнул варвар, — не бойся, друг мой, замечательный сок пурпурного лотоса еще не лишил меня рассудка. Просто бородатый Кром неожиданно подбросил мне неплохую идею. Сделай одолжение, пошли кого-нибудь за аргосийцами.

Конан встретил громовым приветствием поднявшихся к нему уже с оружием и в доспехах принца Кассио и капитана.

— Принц, Его Величество король Аргосийский запретил вам преследовать аквилонцев. Распространяется ли этот запрет на лошадей?

— На лошадей? — оторопело переспросил капитан.

Конан нетерпеливо кивнул:

— Вот именно, на лошадей. Наши клячи вконец избегались, кожа да кости. А у вас — свежие, сытые. Одолжите пять сотен — и Амалиус Прокас побежит из Аргоса с поджатым хвостом.

Киммериец быстро изложил свой план, и принц заулыбался. Ему все больше и больше начинал нравиться этот угрюмый варвар, который оказался талантливым, прирожденным полководцем.

Аргосийские воины помчались вдоль рядов, передавая приказ принца; не прошло и десяти минут, как к пешему строю боссонских лучников вывели около тысячи лошадей. Строй распался, солдаты забеспокоились, и Просперо с Троцеро заметались в разные стороны, пытаясь восстановить порядок.

— Ну-ка, быстро, приведите мне жеребца да помогите взобраться в седло, — приказал оруженосцам Конан. — Я должен сам все объяснить людям, которым придется выполнить мой план.

— Конан! — воскликнул жрец. — В твоем состоянии тебе нельзя...

— Побереги мольбы для Митры, жрец. Бойцы не видели меня чуть ли не месяц. Им надо знать, жив я или нет.

Товарищи и оруженосцы помогли Конану подняться в седло. Он с трудом справлялся со слабостью, сковывавшей могучие члены. Синие глаза сверкали решимостью, широкие брови сдвинулись в исказившем лицо яростном усилии. В конце концов, совместный труд их завершился удачей — Конан сел в седло, изрытая проклятия и призываю всех богов Севера и

Юга отомстить за свое попранное достоинство.

Принц Кассио созерцал эту сцену от начала и до конца. В Мессантии при упоминании о Конане придворные морщили носы, называя его полуграмотным дикарем, которого только нелепый случай сделал главой войска. Теперь же принц оценил и природную силу, и живость ума северянина. Оценил и преданность цели, и необычность решений, иначе говоря, все те качества, благодаря которым его одинаково любили и уважали и аристократы, и простые наемники. «Этот человек, — подумал про себя принц, — рожден повелевать. Ему на роду написано стать королем».

С двух сторон поддерживающий оседлавшими своих лошадей оруженосцами, Конан медленно спустился с вершины холма. Лицо исказилось от страшного напряжения, но киммериец все же сумел поднять руку в приветственном жесте. Стой взорвался восторженными криками.

* * *

В полулиге от лагеря двое аквилонских разведчиков, которых оставили накануне наблюдать за действиями мятежников, собрались было позавтракать на обочине той самой дороги, что уходила к Саксульскому перевалу. Когда до их слуха долетел рев боссонитов, оба встревожено переглянулись.

— Что там еще такое? — сказал один солдат помоложе.

Его спутник приставил ладонь козырьком к глазам:

— Слишком далеко, не увидеть. Но что-то наверняка случилось, раз они так орут. Надо доложить об этом командующему. Я поеду, а ты оставайся здесь.

Легионер проглотил последний кусок, поднялся, отвязал от дерева лошадь и сел в седло. В утреннем воздухе топот копыт отзывался раскатистым эхом.

Одним легким движением поднятой руки Конан мгновенно утихомирил людей, а затем обратился к ним с речью. Чтобы гнать отступающего противника, сказал Конан, из всей армии выбрали их отряд. Лучникам предстояло догнать легионеров, незаметно подойти вплотную и обрушить на ничего не подозревавших солдат град стрел. Стрелять надо будет спешившись, из укрытия, распределившись на группы по два или три человека, а когда противник опомнится, немедленно отойти.

Во главе каждого отряда пойдет опытный кавалерист, который сумеет

и справиться в пути с какой-нибудь заартачившейся лошадью, и присмотреть за животными, пока боссониты будут вести стрельбу. Если же кто-то из их отряда никогда раньше не ездил верхом — Конан мрачновато ухмыльнулся, — им ничего не остается, кроме как покрепче держаться за гриву, хорошей выездки никто от них требовать настанет.

Вскоре новоиспеченная конница под командованием недавно сбежавшего аквилонского наемника по имени Паллантид ровной рысью вышла из лагеря и отправилась вслед за легионерами.

Они догнали вражеское войско у подножия кряжа — обоз и пехота не давали Прокасу возможности двигаться быстро. Присмотрев себе отряд копейщиков, болтавшийся в хвосте колонны, боссониты спешились и принялись за дело. Не один легионер успел упасть, сраженный бесшумной стрелой, прежде чем топот копыт и лязг оружия и доспехов не возвестил о приближении конницы. Тогда боссониты потихоньку убрались в лес. Потери их ограничились тем, что один из лучников, никогда прежде и близко не подходивший к лошадям, упал и сломал ключицу.

Три дня подряд боссониты преследовали легионеров, подобно псам, хватающим за пятки вора. Нападая из укрытия, они немедленно исчезали, лишая противника возможности развернуться и отразить удар, — исчезали в тысяче щелей, изрытых ветрами и непогодой на морщинистом челе гор.

Амалиус Прокас в ярости проклинал все и вся, но поделать ничего не мог. Стрелы, пущенные невидимыми руками, разили наповал. Иногда пролетали мимо, только нагоняя на солдат страху. Иногда ранили лошадей, и те вскидывались на дыбы, сбрасывая седоков. Но чаще всего впивались аквилонским воинам прямо в сердце. Солдаты замертвовались наземь. Не щадили стрелы и закованных в броню кавалеристов, отыскивая малейшую щель в доспехах.

Выбор у Прокаса был невелик. Он не мог остановиться — и места, и воды для лагеря на перевале было маловато. Не мог и начать сражение — противник не желал выходить из укрытия леса. Конечно, если бы задаться целью, легион разметал бы назойливых преследователей, как солому по ветру, но тогда он неминуемо бы вернулся в Паллосскую долину, где наверняка ждут аргосийцы.

Так что Прокас в угрюмом молчании продолжал катить в своей колеснице, лишь отправляя отряд легкой конницы отогнать неприятеля, когда удавалось заметить, откуда прилетела стрела. Потери среди легионеров по численности были относительно небольшие. Но люди устали от постоянного напряжения. С каждым днем падал боевой дух и рос страх перед гневом Нумедидеса, который вряд ли собирался простить

провал предприятия.

В довершение ко всему в горловине Саксульского перевала головной отряд угодил под лавину. Вконец помрачневший Прокас приказал завалы расчистить, разбитые телеги с дороги убрать, а всех получивших смертельные ранения — людей, лошадей и волов — добить «ударом милосердия». Вниз войско пошло быстрее, но смятение в его рядах продолжало нарастать.

Амалиус Прокас, как никто другой, по достоинству оценил киммерийца. Отступая, он испытывал одновременно стыд за свое бегство и удивление перед неугомонной изобретательностью варвара. Но чем дальше гнали его лучники-боссониты, тем больше в нем нарастал гнев, и Прокас поклялся кровью смыть позорное пятно с не запятнанной прежде ничем чести воина.

* * *

На третий день и без того пасмурный небосклон затянули свинцовые тучи. Усталые легионеры вышли на южный берег Алиманы вблизи Ногары. Прокас не сразу принял решение — он опасался нападения во время переправы.

Боялся и быстро сгущавшихся сумерек, зная, что в темноте непременно потеряет часть людей и обозного скарба. Разбить же лагерь, не переходя реку, означало самому пригласить неуловимых призраков перебить измотанных дорогой и напряжением солдат.

Прокас в досаде прикусил губу. Ну что ж, решение напрашивалось само собой: если легион не в состоянии обеспечить себе надежный ночлег — чем скорее он окажется на своей земле, тем спокойней. Конечно, ночная переправа — это риск, но все же лучше, чем подставлять головы под вражеские стрелы.

Так, задумавшись, командующий не заметил, что к колеснице подошел один из его капитанов. Капитан — тяжеловесный грубошерстый гигант, судя по всему боссонит, — отдал честь и обратился к Прокасу:

— Господин, мы ждем приказа к переправе. Чем дольше мы тут будем торчать, тем больше дыр в наших шкурах успеют понаделать чертовы лучники.

— Знаю, Громель, — холодно отозвался старый воин. И, подавив вздох, он коротко махнул рукой: — Отдавай приказ к переправе! Но когда я думаю, что на этот раз придется убраться, поджав хвост, мне так и хочется

развернуться. Если бы не политика...

Громель метнул в сторону леса негодящий взгляд.

— На кой черт такая политика, если она нам же связывает руки! — рыкнул он. — И ведь эти трусы отлично знают, что мы и мокрого места от них не оставили бы в открытой драке. А сейчас, конечно, ничего не придумаешь, кроме как сматываться в Пуантен, да побыстрее.

— Пусть поднимаются, — сухо сказал в ответ на эту тираду Прокас. — Вели трубить сбор.

И хотя ночная темень опустилась на землю, переход через Алиману прошел спокойно и четко.

На время переправы командующий оставил колесницу и, застонав от боли в старых ранах, перебрался в седло. Возглавив небольшой отряд прикрывавшей тыл конницы, он следил, когда последний солдат минует опасное место. Но едва он сам направил коня в темные воды, из подлеска выступило около сотни лучников, и словно тучи рассерженных насекомых засвистели над головой аргосийские стрелы.

На середине реки Прокас неожиданно вскрикнул и схватился за ногу. На крик к нему молниеносно метнулся капитан-боссонит. Он открыл было толстогубый рот, чтобы спросить, в чем дело, как увидел торчавшую чуть повыше колена стрелу. В маленьких порослячьих глазках капитана промелькнуло злорадство, ибо он давно метил на место старого командующего и ждал подходящего случая.

Прокас вел коня через реку без единого стона, но, едва добравшись до берега, тотчас же крикнул оруженосцам, чтобы помогли слезть. А Громеля отправил вперед за лекарем.

Лекарь, вытащив острие и перевязав рану, сказал:

— Не скоро ты, господин, сможешь отправиться в новый поход.

— Ясно, — коротко ответил Прокас. — Разбейте мне на пригорке шатер. Надо остановиться — на случай, если эти паршивцы решат проводить нас еще немного.

Тем временем к ближним деревьям потихоньку подъехала девушка в дорожном пажеском платье. Измученная долгим путешествием, она смотрела и слушала для стороннего наблюдателя слишком внимательно. Если бы кто-то заметил ее в темноте, он увидел бы, насколько она молода и красива. Услышав приказ командующего разбить лагерь, девушка потихоньку повела лошадь прочь из леска, где усталые легионеры принялись ставить шатры.

Наверняка Зуландра Тху обрадуется, услыхав, что главный его соперник, опозорив себя трусливым бегством, был ранен на переправе,

думала прекрасная Альцина. Теперь, когда могучий киммериец мертв, Прокас больше не понадобится. Как только звезды примут необходимое положение, нужно будет немедленно связаться с волшебником. Альцина двинулась дальше и вскоре исчезла в темноте.

* * *

Зуландра Тху и впрямь обрадовался, увидев в обсидиановом зеркале раненого Прокаса. И когда изображение потускнело, он задумчиво потер горбатую переносицу. Потянувшись, он взял металлический молоточек и ударил в висевший за креслом гонг. Монотонный звук эхом отозвался в убранных пурпуром покоях дворца.

Полог раздвинулся почти мгновенно, и перед волшебником появился старый кхитаец. Хиау молча согнулся в поклоне, ожидая приказаний.

— Здесь ли еще граф Аскаланте? — спросил колдун.

— Граф ждет твоих приказаний, хозяин, — проговорил в ответ желтолицый слуга.

Зуландра кивнул:

— Отлично! Сейчас я приму его. Отведешь его в Покои Сфинксов, а потом отправишься к королю и скажешь, что мне немедленно нужно сообщить ему кое-что очень важное. Возьми мой знак.

Вновь поклонившись, Хиау исчез. Полог тотчас опустился, скрыв за собой дверь, в которую кхитаец выскоцельзнул.

* * *

Покои Сфинксов, которыми прежде почти никогда при дворе не пользовались, вполне оправдывали свое название. Пол и стены там покрывал розовый мрамор. Никакой обстановки не было, кроме одного высокого кресла, вытесанного из известняка. Кресло это, напоминавшее трон, стояло у дальней стены против входа, и подлокотниками ему служили каменные фигуры чудовищ с телом льва и человеческой головой. Они же были вытканы блестящей нитью на закрывавших стену позади трона gobelenaх, откуда мужеголовые, бородатые монстры холодно и надменно взирали на все происходящее. Единственный свет в зале исходил от двух медных высоких канделябров, пламя которых отражалось в серебряных зеркалах, висевших рядом.

Аскаланте — вояка, искатель приключений — обликом отчасти напоминал дворцовых чудовищ. Стройный, высокий, одетый в невероятно изысканное платье сливового бархата, двигался он с поистине кошачьей грацией. Изящные манеры, короткая бородка, холодные и надменные глаза довершали сходство, только, кроме высокомерия, во взгляде у него были осторожность и недоверчивость.

Граф с нетерпением ждал всемогущего колдуна, неизвестного, впрочем, роду-племени. Он торчал при дворе, ожидая приема, уже несколько дней, хотя в приказе, отзавшем его с восточной границы, ясно говорилось о срочной необходимости присутствия графа в столице. Теперь, кажется, что-то должно было перемениться в его судьбе.

Вдруг Аскаланте насторожился, и рука сама потянулась к рукояти кинжала. Гобелен за троном всколыхнулся, приоткрыл на мгновение узкую дверь, и в нее вошел, приветствуя графа молчаливым кивком, смуглый худощавый человек. Умный, холодный взгляд его показался графу всепроникающим, словно все мысли вдруг оказались написаны на лбу и прочесть их не составляло никакого труда. С трудом овладев собой, Аскаланте отвесил придворный поклон.

Колдун неторопливо обошел трон и сел. Платье на нем было расшито невиданными узорами и письменами. На поклон он ответил кивком. А когда заговорил, по лицу его скользнула тень улыбки:

— Выглядишь ты неплохо. Полагаю, служба не слишком утомила тебя.
Аскаланте в ответ поклонился еще ниже.

— Ни твой опыт, ни твое искусство, граф, не ускользнули от внимания моих верных слуг, — продолжил маг. — Ты горишь стремлением получить в войске чин повыше и не остановишься ни перед чем, чтобы добиться своего. Должен сообщить тебе, что Его Величество и твой скромный слуга только приветствуем и подобные притязания, и... как бы это назвать... смекалку.

— Благодарю за доброе слово, мой господин, — осторожно ответил граф.

— Я перейду сразу к делу, — сказал колдун, — ибо в последние часы события стали развиваться слишком быстро, и нам, смертным, приходится прилагать известные усилия, дабы не оказаться у них в хвосте. Короче говоря, дело обстоит таким образом: Его Величество король Нумедидес принял решение лишить своей милости благородного Амалиуса Прокаса и отстранить его от командования Пограничными легионами.

Новость эта настолько поразила Аскаланте, что он забыл даже про надменность. Он, как никто, знал, что в аквилонском воинстве после ухода

киммерийца лучше Прокаса не было полководца. Если кто-то и в состоянии держать в страхе северные баронства и усмирять то и дело готовые вспыхнуть мятежи на южных границах, так это именно Прокас. Удалять его из армии, когда в Пуантене вот-вот разгорится волнение, просто безумие.

— Мне понятны твои верноподданные чувства, — тонко улыбаясь, заметил, глядя на графа, Зуландра. — Беда в том, что Амалиус Прокас совершил неудачный набег на Аргос, едва не втянув нас в большую войну с Милоном.

— Прошу прощения, господин, но я не верю своим ушам, — произнес Аскаланте. — Совершить набег на земли дружественного монарха без соизволения Его Величества — ведь это равносильно измене!

— Вот именно, — улыбнулся колдун. — Конечно, он лишь исполнял приказ Его Величества, да вот беда — все до единой копии этого приказа странным образом исчезли. Теперь понятно тебе, к чему я клоню?

Во взгляде Аскаланте сверкнуло злорадство.

— Кажется, да, — почти выдохнул благородный граф. Вкус злодейства порой был ему милее, чем знатоку вкус редкого вина.

— Командующий всех легионов мог, возможно, избегнуть упреков и обвинений, — в голосе колдуна зазвучали издевательские нотки, — но только в том случае, если бы ему удалось полностью загасить тлеющие под пеплом искры мятежа: к сожалению, разгром на Алимане оказался неполным. Проходимец, именуемый Конаном из Киммерии...

— Тот самый гигант, который год назад командовал у нас Львами и победил пиктов? — изумленно воскликнул Аскаланте.

— Он самый, — подтвердил Зуландра. — Но я пригласил тебя не поболтать. Вернемся к делу. Короче говоря, если бы Прокас добил остатки мятежников и вернулся в Аквилонию прежде, чем об этом стало известно королю Милону, все было бы прекрасно. Но Прокас провалил все предприятие, вызвал гнев аргосийцев и бежал, не успев выпустить ни одной стрелы. Ко всему прочему на обратном пути он до того плохо подготовился к переправе, что вражеские лучники уничтожили лучших воинов легиона. Сам он тоже получил ранение, и настолько серьезное, что, кажется, не скоро сможет встать в строй. На наше счастье, главарь мятежников, Конан, тоже погиб. Потому, возвращаясь к тебе...

— Ко мне? — почти безмолвно прошептал Аскаланте, и лицо его при этом приняло выражение бесконечного внимания и почтительности.

— Вот именно, к тебе. — На смуглом лице колдуна явилось подобие улыбки. — Мы смотрели за тем, как ты служишь и в Офирской, и в

Немедийской провинциях, и считаем, что ты вполне в состоянии принять из ослабевших рук благородного Прокаса Пограничный легион и верховное командование... если же они еще ослабели не до конца, так ослабеют, когда он получит вот это. — Колдун вынул из широкого рукава небольшой свиток, перевязанный трехцветной тесьмой и запечатанный королевской печатью, которая алела на светлом пергаменте подобно пятну свежепролитой крови.

— Я начинаю понимать, — произнес Аскланте, а сердце его забилось, словно весенний ручей под камнем.

— Ты достаточно ждал, пока тебя назовут лучшим воином королевства и удостоят великих милостей. Такой день близок. Но... — тут колдун предупреждающе поднял палец, — ты должен понять меня до конца, граф Аскланте.

— Слушаю, господин.

— Насколько я знаю, Совет не до конца пока признал за тобой право на графский титул. Не так ли? Есть ведь некоторые сомнения на твой счет — с тобой связывают исчезновение во время, так сказать, «неудачной охоты» последнего законного графа, твоего старшего брата.

Аскланте вспыхнул и открыл было рот, намереваясь возразить, но чародей жестом велел ему молчать.

— Мы легко обойдем эту сложность, объявив тебя новым героем и защитником королевства. Я сам прослежу, чтобы награда за годы твоей верной службы оказалась достойной. Но ты должен помнить, что каждое мое слово — для тебя закон. Иначе не видать тебе графского титула, как своих ушей. Мне многое известно. Как, впрочем, и то, что прежде ты никогда не командовал больше чем полком. Потому на самом деле во главе легионеров станет некий капитан Громель — во время похода на пиктов он дрался неплохо. Я присматриваю за ним давно и уверен, что за определенное вознаграждение этот человек сделает все. Так что в бою командовать будет он, а в остальное время — ты. Понятно?

— Понятно, — прошел сквозь стиснутые зубы граф.

— Вот и прекрасно. Теперь, когда Конан мертв, вы с Громелем снова вернетесь в Аргос и легко перебьете мятежников. — Тут колдун протянул свиток и сказал: — Вот приказ. Сопровождение уже ждет тебя у Южных ворот. Ты должен добраться до Ногары как можно скорее.

— А что, если Прокас не пожелает признать мое назначение? — спросил Аскланте, который любил играть только в беспроигрышные игры.

— Тогда с ним может произойти несчастный случай, — улыбнулся

чародей. — А ты, когда начнешь писать донесение о его смерти, скажешь, что бывший главнокомандующий, терзаясь угрызениями совести после позорного бегства от справедливого гнева дружественного нам монарха, покончил с собой. Если все произойдет именно так, позаботься о том, чтобы тело его непременно доставили в Тарантию. Живой он нам больше ни к чему, а вот мертвый — сыграет главную роль на пышных похоронах... Ну, поторопись, мой друг, тебе пора. Помни, тебе придется время от времени исполнять приказы, которые передаст моя помощница, зеленоглазая красавица Альцина.

Зажав в руке свиток, Аскаланте низко поклонился и вышел.

Глядя ему вслед, Зуландра улыбнулся бесстрастной, тонкой улыбкой. Орудия, которыми он прокладывал себе дорогу, непрочны и недолговечны. Ненужный же инструмент колдун отбрасывал безо всякой жалости.

Глава 7

ГИБЕЛЬ В НОЧИ

День проходил за днем, а мятежники никак не могли войти в Пуантен. Дорогу перекрыл лагерь легионеров. Конечно, сам Амалиус Прокас был всерьез выбит из седла, но его воины не сводили глаз с Алиманы ни днем, ни ночью. Не раз уже Конан высыпал разведчиков подыскать место для переправы то выше, то ниже Ногары по течению, но легионеры ловили малейшие движения неприятеля.

— Это тупик! — стонал нетерпеливый Просперо. — Ничего не поделаешь — их не обманешь! Мы опоздаем!

— Единственное, что нам может помочь, — проговорил Декситус, — это вмешательство богов. Если высшие силы устроят какую-нибудь подходящую неожиданность.

— За те годы, что я провел на войне, — отозвался граф Пуантенский, — я давно привык рассчитывать больше на себя, чем на всех богов, вместе взятых. Прошу прощения, жрец, но если какая-нибудь случайность и погубит Амалиуса Прокаса, то «устроят» ему эту «случайность» не боги, а мы сами. Сдается мне, я даже догадываюсь, что это будет за «случайность»: мои люди доносят, что котел, который мы по привычке называем Пуантен, может вскипеть в любой час.

Той же ночью, когда состоялся этот разговор, с одобрения Конана Алиману перешел одетый в черное человек. Он выбрался в прибрежные заросли и исчез. Ночь была безлунная, темная, и влажная морось, которая загнала часовых искать укрытия под могучими кронами, заглушила все звуки, в другую погоду заставившие бы насторожиться не одного чуткого легионера.

Пловец в черном был пуантенец, наемник из отряда графа. За пазухой у него лежало завернутое в промасленный шелк письмо, написанное собственноручно Троцеро.

* * *

В эту ночь Амалиус Прокас не спал. Дождь, без устали барабанивший в стенки шатра, действовал командующему на нервы, и рана от этого болела, казалось, еще сильней. Бормоча то и дело грязные ругательства, к

которым привык еще в те времена, когда служил помощником капитана когорты, старый вояка потягивал горячее, приправленное пряностями вино и, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, играл в шахматы с оруженосцем. Раненая нога его, схваченная повязкой, лежала на грубо сколоченной скамейке.

Услыхав раскат грома, Прокас поднял голову и насторожился.

— Это же только гром, господин, — сказал оруженосец. — Сегодня всю ночь так.

— Отличная ночь, чтобы киммериец попытался нас обойти, — проворчал командующий. — Надеюсь, часовые получили приказ совершать обходы непрерывно? Знаю я их — вечно стaraются найти укромное местечко...

— Да, приказ получили все без исключения, — ответил оруженосец. — Твой ход, господин, ты пропустил ферзя.

— Пропустил, пропустил, — бормотал Прокас, наклоняясь над доской. Про себя он с недоумением отметил, как при этих совсем безобидных словах в сердце закрался неприятный холодок. Он отмахнулся от этого чувства, вновь отхлебнул вина. Не к лицу старому солдату шарахаться оточных теней. Но посты надо все же проверить самому: часовые все одинаковы, только почуют слабину — немедленно начинают зевать.

Тут полог распахнулся, и в проеме возникла высокая фигура часового.

— В чем дело? — вскинулся Прокас. — Мятежники наступают?

— Нет, господин. К тебе гонец.

— Гонец? — удивленно переспросил командующий. — Что ж, давай его сюда.

— Ее, господин. Это женщина.

Прокас только нетерпеливо махнул рукой. Оруженосец же встал, отдал честь и удалился.

Через минуту солдат вернулся, ведя с собой юную девушку, одетую в дорожное платье пажа. Четверть часа назад она появилась возле постов, смело подошла к часовым и сказала, что у нее поручение к главнокомандующему от короля Нумедидеса. И солдатам, изумленным ее ледяным спокойствием и странным светом широко распахнутых изумрудных глаз, даже в голову не пришло поинтересоваться, как попала она в эти края.

Прокас внимательно изучал гостью. На предъявленный знак он и не взглянул — такие штучки легко подделать или украдь. Не слишком поверил и лежавшему в дорожной сумке пергаменту. Но стоило незнакомке

назвать имя Зуландры Тху, как Амалиус Прокас насторожился. Колдун был единственным человеком, которого побаивался старый воин.

— Почему же ты замолчала? — ворчливо спросил он. — Говори!

Альцина покосилась на часовых, которые, не снимая ладоней с рукоятей мечей, едва не касались ее локтями.

— То, что я должна сказать, не предназначено для посторонних, — сказала она.

Прокас заколебался, потом кивнул:

— Хорошо, подождите снаружи.

— Но, господин, — возразил было часовой постарше. — Тебе нельзя оставаться с ней наедине. Кто знает, что у нее на уме. Может, Конан...

— Конан! — воскликнула прекрасная Альцина. — Конан мертв! — Не успела она договорить, как уже проклинала себя за несдержанность.

Но часовой лишь улыбнулся:

— Вот уж нет, дорогуша, киммериец оказался живуч, как кошка. Он, говорят, и впрямь едва не загнулся, но, когда мы переправлялись через Алиману, он уже сидел верхом и орал лучникам, чтобы сделали из нас решето.

Амалиус Прокас остановил его:

— Похоже, наша юная гостья была уверена в обратном. И мне очень хотелось бы знать почему. Оставьте-ка нас ненадолго. Я все-таки еще не настолько ослаб, чтобы меня надо было защищать от какой-то девицы.

Часовым ничего не оставалось делать, как отдать честь и выйти. Прокас с коротким смешком повернулся к Альцине:

— Мои ребята ни за что не упустят случай подольше постоять в сухом и теплом местечке. Но к делу. Говори, что там мне передал колдун.

Дождь застучал по шатру с новой силой, пророкотал гром. Альцина спокойно расстегнула насквозь промокшую курточку и шелковую рубаху.

— Зуландра Тху велел передать тебе, господин, что...

Новый раскат грома заглушил последние слова. К тому же теперь гостья говорила едва не шепотом. Прокас невольно подался вперед. Вкрадчивый голосок продолжал:

— ...Время пришло, и пора...

При свете молнии в руке ее, словно змея, сверкнул маленький кинжал и, метя в сердце, ударил в грудь старого воина.

— ...тебе умереть! — воскликнула Альцина и отскочила назад, увернувшись от Прокаса.

Как ни был удар точен, он не достиг цели. Прокас никогда не снимал тонкой кольчуги, и потому кинжал лишь расцарапал кожу на ребрах.

Прорвав несколько звеньев, клинок застрял.

Страшно вскрикнув, Прокас поднялся и, несмотря на боль в раненой ноге, попытался схватить убийцу. Альцина отшатнулась и нечаянно перевернула скамью, где стояла свеча. В шатре стало темно, как в склепе.

Прокас шарил в темноте наугад. Наконец пальцы его ухватили край шелковой ткани. На какое-то мгновение Альцине показалось, что ей пришел конец: пальцы старого воина уже сомкнулись у ней на горле. Но нога подвела — Прокас качнулся и, вытянувшись во весь рост, упал. Яд, в котором было смочено острье, довершил работу.

Альцина быстро пришла в себя. Метнувшись к выходу, она припала к щелке в складках полога. Новая вспышка молнии осветила часовых, стоявших по обе стороны выхода в своих насквозь промокших плащах подобно статуям. С облегчением она поняла, что из-за грозы воины ничего не слышали.

Альцина нашла на ощупь огниво и трут и зажгла свечу. Быстро осмотрела тело. Вложила украшенную драгоценными камнями рукоять в руку своей жертвы. Вновь взглянула в щелку на часовых и, убедившись, что они так ничего и не заметили, принялась напевать. Сначала тихо, потом все громче и громче — пока пение не достигло слуха солдат.

Песня эта, похожая на колыбельную, на самом деле была волшебным заклинанием, усыплявшим любого, кто его слышит. Солдатам же показалось, будто это дождь монотонно стучит по шлемам. Вскоре оба воина погрузились в тяжелое забытье.

Час спустя Альцина, беспрепятственно обогнув внешние посты, вернулась в свой небольшой шатер, который стоял чуть ли не на соседнем пригорке. С облегчением она стянула и принялась отжимать промокшее насквозь платье. Шелковая рубашка испорчена...

Тут Альцина схватилась за грудь. Обсидиановый талисман! С ужасом она поняла, что во время завязавшейся в темноте борьбы не заметила, как разорвалась цепочка. Маленький полумесяц наверняка остался лежать на ковре, но вернуться забрать его было уже невозможно. Едва часовые найдут тело, лагерь превратится в гнездо потревоженных шершней. Легионеры вот-вот примутся рыскать по всему лесу, и у каждого будет приказ найти и убить черноволосую ведьму с изумрудно-зелеными глазами.

Дрожа от досады и страха, Альцина сидела в своем шатре, слушая рассерженное рокотанье грома и заунывный шелест дождя. Мысли роем бились в виски. Знает ли Зуландра Тху о том, что яд не убил киммерийца? В последний раз, когда они разговаривали, колдун и словом не обмолвился об этом. А если он ничего не знает, надо связаться с ним любой ценой. Без

талисмана же это можно сделать только одним способом — самой отправиться в Тарантию.

Потом ей стало страшно. Может, теперь, когда выяснилось, что киммериец остался жив, не стоило убивать Прокаса? Вдруг чародей разгневается за поспешность? И уж наверняка он не простит ей выздоровления варвара. И потерю талисмана. А без талисмана она и сама как без рук. Беспомощная, безоружная, Альцина растерялась. На мгновение в голову ей закралась мысль о бегстве.

Но, в конце концов, она решила вернуться, положившись на милосердие колдуна. Впрочем, не только и не столько на милосердие, сколько на собственную молодость и красоту, ибо еще ни один мужчина не смог устоять перед ней. Улыбаясь, она уснула с мыслью о том, что, едва рассветет, она отправится в Тарантию.

* * *

Капитан аквилонцев заглянул перед рассветом к командующему, чтобы получить распоряжения на день. Часовые отдали честь, и он вошел в шатер.

Но Амалиус Прокас если и мог теперь отдать кому-то распоряжение, так только демонам в преисподней. Старый воин лежал в луже собственной почерневшей крови, вниз лицом, сжимая рукоять крошечного кинжала, навсегда успокоившего гордость и славу Аквилонии.

Часовые перевернули остывшее тело и уставились на него во все глаза. Черные от крови седые волосы налипли Прокасу на лицо.

— В жизни бы не подумал, что он может покончить с собой, — прошептал потрясенный капитан. — Совсем на него непохоже.

— Да, господин, — отозвался один из часовых. — И какой солдат, если уж и решит заколоть себя кинжалом, станет делать это, не сняв кольчуги? Наверняка это та женщина.

— Женщина? Что еще за женщина?! — пролаял капитан.

— Зеленоглазая. Я сам привел ее сюда ночью. Она сказала, что у нее послание от короля. А вот, смотрите, отпечаток ее башмака. — Воин указал на пятно засохшей грязи, оставленное на ковре маленькой женской ножкой. — Мы сказали ему, что лучше бы нам остаться, но он и слушать не захотел.

— И где же теперь эта женщина?

Часовой беспомощно развел руками:

— Исчезла. А как — не знаю. Одно могу только сказать: отсюда она не выходила. С той самой минуты, когда господин Прокас выставил нас за порог, и до твоего прихода мы не оставляли поста.

— Что за наваждение, — сказал капитан, — только демон способен бесследно исчезнуть из лагеря, полного вооруженных людей.

— Наверное, это и был демон в женском обличье, — пробормотал часовой. — Глядите-ка, что это? Камень черный, как преисподня.

Капитан тронул носком башмака кусочек обсидиана и нетерпеливо отбросил в сторону.

— Подумаешь, какой-то дурацкий амулет — таких полно где угодно. Значит, какая-то ведьма пробралась сюда ночью... Хватит болтать! Охраняйте шатер, а я отправлю людей обыскивать лагерь и лес. Сергий, трубача ко мне. Но если она мне попадется...

Часовой, оставшись в шатре один, внимательно осмотрел ковер и в углу отыскал отброшенный талисман. Повертив находку в руках так и сяк, он связал концы разорванной цепочки и надел на шею. Камушек был не слишком красив, но талисманы все должны приносить удачу. А солдату удача нужна.

* * *

Прислонившись спиной к скале, Конан рассматривал лагерь легионеров. Они, похоже, и не собирались сниматься с места. Правда, вчера случился какой-то переполох, но у Львов никто так и не понял его причины.

Киммериец безотрывно смотрел на противоположный берег, равнодушно вгрызаясь в кусок холодного мяса, который принес ему из кухни оруженосец. Жизнь постепенно возвращалась к великому-варвару. И все больше жгли его горечь и жажда отмщения за проигранную битву и погибших друзей.

Пока проклятые легионеры стоят лагерем, думал с досадой Конан, удачи Львам не видать. Не переправиться — они неусыпно следят за каждым движением. И ко всему прочему, запасы подходят к концу.

Обгладывая кость, Конан бросал гневные взгляды на противоположный берег. По крайней мере, продолжал он размышлять, Прокас пока хоть сам не готовится к нападению. И в сотый раз киммериец задумался над тем, что же могло так переполошить вчера вражеский стан.

Шатры Пограничного легиона занимали широкое пространство вдоль

берега по обе стороны от каларийской дороги. За шатрами ровной зеленой стеной стоял густой лес, где успели уже отцвести весенние цветы. Конан заметил вдруг, как к постам по дороге подъехали несколько всадников, и почти одновременно, возвещая об их прибытии, запели трубы.

Силясь рассмотреть происходящее, Конан приставил ладонь козырьком к глазам, потом хмуро бросил оруженосцу:

— Быстро! Разведчика Мелиаса ко мне!

Оруженосец ускакал и вскоре вернулся в сопровождении немолодого худощавого солдата. При виде его лицо Конана смягчилось. Он помнил Мелиаса еще по войне с пиктами и знал, что глаз у воина зорче, чем у сокола, а ступать он умеет бесшумно, словно змея, даже по сухим веткам.

— Ну-ка, взгляни ты, старина, кто это там приехал? — спросил Конан и кивнул в сторону легионеров.

Разведчик присмотрелся и наконец сказал:

— Судя по сопровождению, какой-то военный чин не ниже командующего. И с графским гербом.

Конан отправил пажа за Декситусом. Жрец знал, кажется, все до единого аквилонские гербы. Когда разведчик описал изображение, жрец потер пальцем переносицу и сказал:

— По-моему, это герб графства Туанского.

Конан досадливо пожал плечами:

— Где-то я слышал о графе Туанском, но встречать не встречал. Ты что-нибудь о нем знаешь?

Декситус задумался.

— Туан на восточной границе. Вроде недалеко, но нынешнего графа я в глаза не видел. Год примерно назад ходили какие-то слухи. Что-то про наследство. Но что точно говорили тогда, не помню.

Вернувшись к себе, Конан послал за друзьями, чтобы вместе обсудить прибытие нового лица. Никто не знал о графе Туанском ничего, кроме того, что полк его стоял весь этот год на спокойной восточной границе, где за это время не случилось ничего такого, по чему можно было бы судить о храбрости или же, наоборот, трусости этого человека.

К полудню явился Мелиас и доложил, что аквилонское войско выстроилось теперь как на парад, перед ним на коне граф Туанский читает какой-то пергамент, на котором болтаются здоровенные печати и цветные ленточки. Просперо мгновенно кликнул своего оруженосца и под прикрытием береговых кустов помчался поближе к легионерам. Графу вторил громкоголосый глашатай, ветерок легко относил каждое слово к южному берегу, и потрясенный Просперо своими ушами услышал, что

самый страшный противник Львов приказал долго жить, наложив на себя руки. На место его командующим Пограничным легионом назначен граф Туанский. Просперо помчался обратно.

— Прокас покончил с собой! — Конан даже присвистнул. — В жизни не поверю. Хоть со стариком мы враждовали, но он был настоящий солдат и лучший в Аквилонии полководец. Черта с два ушел бы он потихоньку: такие дорого отдают свою жизнь. Сдается мне, тут не обошлось без предательства. А вы что скажете?

— Похоже, — произнес, перебирая четки, Декситус, — это дело мерзких рук Зуландры Тху. Он давно уже ненавидит Прокаса.

— Неужто никто ничего не может сказать об этом графе? — негодующе спросил киммериец. — Воевать-то он хоть умеет? С толком его назначили, или это опять королевская придурь?! — Все присутствующие лишь покачали головами. Тогда Конан сказал: — Что ж, разошлите людей по всем отрядам. Пусть у всех спрашивают, не знает ли кто хоть что-нибудь об этом графе!

— Думаешь, замена может оказаться нам на пользу? — спросил Просперо.

Конан пожал плечами:

— Может, да. А может, и нет. Если Троцеро не пошумил насчет мятежа...

В ответ Троцеро загадочно улыбнулся.

На следующее утро Конан с друзьями собрались на каменистой площадке, откуда хорошо просматривался весь лагерь легионеров. Воинство опять выстроилось как на парад. Вдоль строя в направлении каларийской дороги медленно двигался небольшой отряд всадников. В центре его ехала убранная черным колесница. На колеснице стоял большой деревянный гроб.

Конан пробормотал:

— Вот мы и попрощались со старым воякой. А ведь сиди сейчас на аквилонском троне он, все могло бы пойти по-другому.

Через несколько дней над Алиманой вновь опустился густой туман, и тот же одетый в черное человек, что переправился на северный берег около недели назад, вновь переплыл темную реку. И опять за пазухой у него лежало завернутое в промасленный шелк письмо.

Той же ночью навстречу серебряным лучам проглянувшей из туч луны поднялось и развернулось гордое Знамя Льва.

Глава 8

КЛИНКИ ЗА АЛИМАНОЙ

В течение нескольких месяцев друзья графа Троцеро не покладая рук делали свое дело и в конце концов сделали его хорошо. На постоянных дворах, на рынках, в городах и крошечных деревушках из уст в уста передавались слова: «Идет Освободитель».

Так в Пуантене называли Конана-киммерийца люди, слышавшие поразительные рассказы о подвигах могучего варвара. Никто еще не забыл, как во время войны с пиктами, из века в век грабившими и разорявшими Боссонские Пределы, Конан один бросился поперек серебряных вод реки Громовой, чтобы остановить дикие полчища. И пуантенцы видели в свирепом северянине единственную свою надежду избавиться от потерявшего последний разум монарха.

Уже много недель подряд все, кто решился взяться за оружие, тайными тропами пробирались на юг к Алимане. В деревнях же простолюдины, собравшись якобы за кружкой эля, передавали друг другу, что освобождение не за горами и пора готовиться.

Наконец Освободитель подошел вплотную к границе несчастной Аквилонии, изнемогавшей под железной пятой безумца. И наконец, приказ, которого ждали так долго, прибыл в свертке промасленного шелка. К этой встрече все было готово.

* * *

Часовой, молодой парень-гандер, продрогший от холода и сырости, топал ногами и хлопал себя по плечам. Провести ночь в карауле нелегко и когда погода получше, но стоять на ветру в тумане вовсе тяжело.

Не попадись он, когда сдуру посыпал воздушный поцелуй подружке капитана, сидел бы сейчас в тепле среди прочих счастливчиков, мрачно думал парень. Кому в такую ночь могут понадобиться главные ворота каларийского гарнизона? Не украдут же какие-нибудь кофиты весь полк.

С тоской гандер думал о том, что, если бы ему повезло родиться в доме побогаче, носил бы сейчас атласный мундир гвардейца и золоченый клинок. И торчал бы не у ворот на ветру, а в гарнизонной кantine, где тепло и светло и сейчас играет музыка. Солдат так замечтался, что не

услышал легких шагов у себя за спиной. Он ничего не заметил до того самого мгновения, когда горло обвила кожаная петля.

* * *

На вечеринке у гвардейцев было весело. В люстрах горели десятки свечей, сверкающих в серебряных зеркалах на стенах. Роскошные в своих парадных мундирах, молодые гвардейцы ухаживали за местными красотками.

Красотки мило краснели, хихикали и шептались. Матушки их бдительно наблюдали за происходящим, восседая на золоченых креслах вдоль стен и колонн.

Вечер был в разгаре. Королевский наместник, господин Конраден, приезжавший засвидетельствовать обществу свое почтение, давно уже отбыл. Старший капитан, командующий Каларийским гарнизоном, клевал в угол носом над высоким кубком пуантенского красного. Тоскливо созерцал он танцующие пары и думал, что подобные развлечения — круги, поклоны да приседания — годятся разве что для детей. Но через часик — утешал он себя — уже можно и уходить. Мысленно он вернулся к черноглазой подружке-зингарке, всегда встречавшей его с радостью. Капитан сонно улыбнулся, вспоминая мягкие ее губки и прочие прелести. И тут же задремал.

Первым почувствовал запах дыма слуга. Он кинулся к дверям и увидел прямо под стеной жарко полыхавшую кучу хвороста. Он и поднял тревогу.

В несколько мгновений здание опустело. Гвардейцы и их дамы вдруг оказались во дворе перед целой толпой воинов с мрачными, усталыми лицами. Бойцы сжимали в своих загорелых руках обнаженные мечи.

Увы, кинжалы гвардейцев служили больше для украшения, нежели для боя, а мечей никто из гуляк не надел. Так что и часа не прошло, а Калария была уже свободна от королевских солдат. На древке рядом с пурпурными леопардами вместо аквилонского орла взвилось новое, прежде не виданное знамя — золотой, вставший на задние лапы лев на черном поле.

* * *

В небольшой комнатке лучшего в городе постоялого двора играли в шары королевский наместник и сборщик налогов из южных провинций.

Оба были увлечены игрой. Нетерпеливый наместник то и дело проигрывал. Вот и сейчас он только что пропустил еще один шар и, видимо, потому наконец вспомнил про дом, и про жену, и про тот прием, который ждет его в столь позднее время. Раздраженно он посмотрел на дверь, и на глаза ему попался часовой. Господин Конраден страшно рассердился и приказал солдату немедленно убираться.

— Никак не удается побыть без зрителей! — ворчал он.

— Особенно когда игра не идет, — съехидничал сборщик налогов. Впрочем, судя по тому, что содержимое кошелька наместника подходило к концу, часовому недолго оставалось торчать за порогом. За игрой никто из них не заметил глухой звук удара и стук упавшего тела.

Мгновение спустя тяжелая дубовая дверь распахнулась, и в комнату ввалилась целая толпа вооруженных селян. Высоких господ без разговоров поволокли на площадь прямо к насконо сколоченной виселице.

* * *

Первым узнал о беспорядках в тылу капитан гвардейцев. Решив проверить выставленные посты, он увидел, как один из часовых спит себе мирно в тени фургона.

Страшно ругаясь, капитан двинул парня носком башмака под ребра. Но когда это не помогло, гвардеец нагнулся. Ткнувшись во что-то липкое, влажное, он непроизвольно отдернул руку и, не веря глазам, уставился на зияющую рану — горло у бедолаги было рассечено от уха до уха. Капитан выпрямился, собираясь крикнуть, поднять тревогу, но стрела угодила ему прямо в грудь.

Туман плыл над холодными водами Алиманы, расползаясь между шатрами легионеров. Туман клубился среди стволов могучих вековых деревьев. И сквозь эту серую завесу пробирались чьи-то темные фигуры.

Выбирайся из лесу, загадочные тени беззвучно передвигались от шатра к шатру, отирая окровавленные клинки.

А пока они обходили лагерь, другой отряд воинов, тоже одетых в темное, входил в холодные речные воды.

* * *

Графа Туанского, Аскаланте, вырвал из тяжелого сна чей-то

пронзительный предсмертный вопль. Потом он услышал беспорядочные крики, пение рожков. Несколько мгновений аквилонцу казалось, что он еще не проснулся. Но вопли раненых, стоны умирающих, свист стрел и лязг клинков звучали наяву. Сыпля отборными ругательствами, полуодетый, вскочил граф со своей лежанки и откинул полог. Глазам его предстало страшное зрелище. Освещая происходящее, горели солдатские шатры. В липкой грязи валялись трупы — словно игрушечные солдатики, разбросанные рукой беспечных мальчишек. Полуодетые аквилонцы сражались с воинами в кольчугах, вооруженными копьями, дротиками и мечами. Лучники, в темном платье и в кольчугах, подошли так близко, что били почти без промаха. Капитаны пытались построить людей в боевые порядки.

Перед оцепеневшим от ужаса и неожиданности Аскланте вдруг, изрыгая чудовищные проклятия, возникла жутковатая фигура. Это был боссонит Громель. Аскланте оторопело уставился на него. Могучий торс капитана прикрывала только кольчуга, прорванная в нескольких местах.

— Неужто нас предали? — пролепетал Аскланте, не сводя глаз с окровавленного меча капитана.

Громель только махнул рукой и сплюнул кровавой слюной.

— То ли предали, то ли просто застали врасплох, то ли то и другое вместе — ну их всех в утробу к Нергалу! — прорычал боссонит. — Провинция воссталла, демон ее задери! Часовых сняли, лошадей увеличили, дорога на север перекрыта. Под покровом тумана они обошли нас с реки, жабы чертовы! Почти у всех часовых перерезаны глотки — привыкла деревенщина солому резать! Нас зажали с двух сторон, даже отступать некуда!

— Что же делать? — прошептал Аскланте.

— Бежать, приятель, шкуру спасать! — опять сплюнул Громель. — Или сдаваться. Что я, собственно, и собираюсь сделать. Ну-ка, помоги эту рану стянуть, пока я не истек кровью.

* * *

Первым под прикрытием тумана повел к крепости своих копейщиков Конан. Следом, когда там уже завязался бой, двинули отряды лучников и конницы Троцера, Просперо и Паллантида. Едва лучники подошли к лагерю, построившийся все же отряд легионеров сомкнул щиты и встал, выставив вперед длинные копья, засверкавшие в лучах ненадолго

выглянувшей луны, подобно железным зубьям гигантского гребня. Троцеро приказал своим отступить и двинул вперед тяжелую конницу. После нескольких неудач она все-таки прорвалась. Началась резня.

Лагерь аквилонцы ставили на скорую руку. Протянувшись вдоль берега, длинной, северной стороной он выходил к лесу. Поэтому защищать стоянку было непросто. Обычно аквилонцы разбивали правильным четырехугольником военные биваки, защищенные либо земляным валом, либо бревенчатыми стенами. На этот раз единственной защитой от неожиданного нападения были только посты. Так что, когда часовых убрали, легионеры, хоть и превосходившие противника по численности, оказались застигнуты врасплох.

Кроме того, после последних событий боевой дух солдат был хуже некуда. Мало кто поверил тому, что, терзаясь позором, Амалиус Прокас сам отправил себя на тот свет. Солдаты слишком хорошо и давно знали старого ворчуна.

А новый командующий граф Аскланте, по единодушному мнению легионеров, — болтун и выскочка. Конечно, он тоже служил в армии не первый день, но разве можно сравнить его со стариком. К тому же от всей этой истории за лигу вперед несло дворцовыми интригами, а боевые капитаны подобного не любят.

Ночной налет был отлично спланирован. Поначалу аквилонцам удалось создать вдоль северного рубежа некое подобие оборонительной линии, но, едва ударили с реки лучники, от обороны не осталось и воспоминания. Лязг мечей прозвучал погребальным звоном.

Никто так и не нашел командующего Аскланте. Заметив случайно запутавшую в лесу лошадь, придворный красавец вскочил на нее верхом и, огrev отломленной веткой, пустил в галоп. Быстрее зайца выскочил он на дорогу северней лагеря и помчался прочь.

Старый лис вроде Громеля не колеблясь сдал бы меч и войско, чтобы спасти шкуру. Аскланте не смел позволить себе подобное — на то была дворянская честь. К тому же не меньше, чем Конана, он боялся страшного колдуна. Тот ведь ждал от него победы — впрочем, задача была бы не слишком сложная, не восстань Пуантен. Отчего-то колдун прозевал мятеж. А ведь такой оборот запросто сокрушил бы не только несчастного графа. Так или иначе, а теперь легионеры сражались, обливаясь кровью, и поражение было неизбежно. Аскланте почел для себя за благо сбежать сразу от всех, вместе взятых. Нахлестывая коня, он мчал по лесной дороге и к рассвету был уже лигах в девяти от Ногары. Он несся к себе, на восток, где в пустыне он знал такие местечки, куда не доберутся ни киммериец, ни

всемогущий Зуландра Тху.

Но чем больше чувствовал он себя в безопасности, тем сильней проникался ненавистью к варвару-северянину, обрекшему его на разгром и бегство и, стало быть, лишившему его всех обещанных почестей. Наконец, Аскаланте дал себе клятву когда-нибудь той же монетой отплатить проклятому «освободителю».

* * *

На рассвете Конан лично объехал луг, еще вчера бывший лагерем Пограничного легиона, и выслушал отчет каждого из капитанов. На земле остались лежать сотни и сотни убитых легионеров. Однако много аквилонцев отступило в лес, где сейчас за ними охотились люди Троцero. А целый полк числом около семи сотен перешел под давлением обстоятельств, а также капитана Громеля на сторону повстанцев. И сдача их — в основном пуантенцев и боссонитов — нескованно обрадовала киммерийца: кто-кто, а он хорошо знал цену этим прекрасно обученным, бывальным солдатам. Громеля он помнил еще по прошлой войне, приветствовал от души и назначил капитаном Освободительной армии.

Усталые бойцы снимали тем временем с убитых неповрежденные доспехи и складывали тела для погребального костра.

Вдруг появился Просперо. Забрызганные потемневшей кровью латы его казались красными в лучах занимавшейся зари. Просперо был весел.

— Что скажешь? — спросил его киммериец.

— Хорошие новости! — весело отозвался Просперо. — Нам удалось целиком захватить обоз — там оружия и провизии на два таких войска, как наше.

— Здорово! — ухмыльнулся Конан. — А как насчет лошадей?

— Возвращаются уже. Так что добрые скакуны у нас теперь тоже есть. А Паллантид взял в плен несколько тысяч солдат — когда они поняли, что дело безнадежно, просто бросали оружие. Паллантид просил узнать, что с ними делать.

— Пусть предложит вступить в нашу армию, а тех, кто не согласится, отправит на все четыре стороны. Безоружные, они нам не страшны, — сказал киммериец. — Если мы все же выиграем эту войну, лишние сторонники не помешают. Так что скажи ему, пусть люди сами выберут, что им делать.

— Отлично, командир! Какие еще будут указания?

— Ближе к полудню выходим на Каларию. Троцеро говорит, что королевских войск там уже нет и город ждет нас не дождется.

— Так мы прямиком доберемся до Тарантии, — хмыкнул Просперо.

— Поживем — увидим. — Конан сощурился. — В Боссонии и Гандерланде узнают о разгроме легионеров не раньше, чем через несколько дней. Но и тогда времени у них будет достаточно.

— Это точно. А поведет наверняка граф Ульрик Раманский, — отозвался в тон Просперо и повернулся к подходившему Троцеро: — А ты что скажешь, любезный мой господин?

— Конечно же Ульрик, кто же еще? — подтвердил граф. — Жаль, не успели мы связаться с баронами — они бы его чуть попридержали.

Конан пожал могучими плечами:

— Передай, что выходим в полдень. Поеду-ка я сам взгляну на пленных.

Через некоторое время Конан объезжал строй бывших легионеров, то и дело повторяя один и тот же вопрос:

— Ты тоже решил вступить в Освободительную армию? Почему?

Вдруг он заметил, что луч поднявшегося уже высоко солнца что-то высушил на волосатой груди оборванного пехотинца. Присмотревшись, киммериец увидел маленький обсидиановый полумесяц. Мгновение он соображал, силясь вспомнить, где он мог его видеть. И, ухватив талисман двумя пальцами, спросил, скрывая волнение:

— Откуда у тебя эта побрякушка?

— Я подобрал ее в шатре нашего прежнего командующего, господина Прокаса, в то самое утро, когда его... когда он умер. Я думал, эта штуковина принесет мне удачу.

— Амалиусу Прокасу удачи она не принесла, — сощурился Конан. — Отдай ее лучше мне.

Солдат торопливо снял цепочку и протянул Конану. В этот момент к ним подъехал Троцеро. Конан показал ему талисман и шепнул:

— Я вспомнил, где это видел. Его носила на шее танцовщица Альцина.

Брови Троцеро поползли вверх:

— Понятно тогда...

— Позже поговорим, — перебил его Конан и, кивнув солдату, продолжил смотр.

* * *

Солнце поднялось уже высоко, когда обоз Освободительной армии последним переправился через реку, и к полудню войско снялось с места, начиная шествие по Пуантену, держа курс сначала на Каларию, а после на Тарантию. После стольких месяцев на чужбине солдаты рады были вновь оказаться на своей земле. Еще не отдохнув после тяжкой ночи, они весело двинулись на север по дороге в дубовых лесах Пуантена, громко распевая походные песни.

Впереди них быстрее ветра летела весть: идет Освободитель! Она летела, словно на крыльях, от деревушки к деревушке, от городка к городку, сначала шепотом, потом громче и громче, нарастая подобно грому, от которого рушатся троны.

Конан с друзьями, отобедав прекрасной свежей кониной, ехали в превосходном настроении. Судя по всему, некому было помешать победному продвижению войск через Пуантен. Ближайшие королевские части были в нескольких сотнях лиг. Амалиус Прокас лежал в могиле, и до самых стен Тарантии путь мятежникам был открыт. Там их, конечно, уже встретят запертые ворота и Черные Драконы — конная гвардия короля, которая будет защищать монарха до последнего. Но Львы чувствовали теперь поддержку всего народа и потому считали, что им никакой враг не страшен.

Тут как раз они ошибались. Они еще не ведали, кто их главный враг в Аквилонии. Они еще ничего не знали о волшебнике Зуландре Тху.

При свете свечей, сделанных из плоти несчастных жертв, Зуландра восседал в своем пурпуром одеянии на черном железном троне. Не сводя глаз с магического зеркала, он пытался вызвать силой мысли на матовой поверхности камня ясное изображение Альцины. Наконец со вздохом откинулся на спинку и прикрыл глаза. Потом подвинул к себе пергамент, куда паучьей своей лапой вписывал астрологические знаки. Колдун бросил быстрый взгляд на хрустальные часы, но ошибки не было — и день, и час он выбрал верно. Значит, причина в Альцине, красотка в которой уже раз не смогла связаться с хозяином.

Его размышления прервал стук в дверь.

— Входи! — процедил Зуландра сквозь стиснутые от разочарования зубы.

Пурпурный полог отодвинулся, и на мраморный порог ступил кхитаец. Согнувшись в поклоне, он пропел своим дрожащим голоском:

— Хозяин, госпожа Альцина просит позволения войти.

— Альцина?! — Изумление, прозвучавшее в возгласе, выдало волнение колдуна. — Немедленно приведи ее сюда!

Полог бесшумно опустился и через мгновение вновь раздвинулся, пропуская Альцину. Серый от пыли и засохшей грязи пажеский наряд был разорван. Черные волосы неряшливыми космами разметались вокруг застывшего от напряжения лица. Альцина едва держалась на подгибавшихся от усталости ногах. Отправившись около месяца назад в Мессантию прекрасной девушкой, вернулась она больше похожая на измученную неудачами женщину на закате своих лет.

— Альцина! — вновь воскликнул колдун. — Почему ты здесь? Зачем?

Едва слышным шепотом Альцина сказала:

— Хозяин, позволь мне сесть. Я не могу больше.

— Сядь! — отвечал Зуландра. А когда танцовщица опустилась на мраморную скамью и смыкала веки, громко кликнул: — Хиау! Вина госпоже Альцине! А ты, дорогая моя, давай-ка рассказывай, что произошло.

Танцовщица чуть не разрыдалась:

— Я восемь дней скакала без отдыха, даже не останавливаясь поесть...

— Вот как! И что же?

— Я здесь потому, что Амалиус Прокас мертв...

— Это хорошо! — Лучики света заплясали в глубоко посаженных глазах колдуна.

— ... Но Конан остался жив! — в отчаянии выкрикнула Альцина.

При этих словах колдун на мгновение потерял самообладание.

— Сэт и Кали! — вскричал он. — Как это могло случиться! Рассказывай все до конца!

Альцина отпила глоток приправленного шафраном вина и торопливо рассказала все, что произошло в шатре Амалиуса Прокаса, — как узнала о Конане, как прикончила старого полководца и как ускользнула от часовых.

— Тогда я решила, что тебе необходимо узнать о чудесном выздоровлении варвара, и отправилась в путь, — заключила она рассказ.

Колдун, гневно сдвинув брови, не отводил взгляда от лица Альцины и, едва сдерживая ярость, проговорил:

— Почему же ты, вместо того чтобы предпринимать столь трудное путешествие, не связалась со мной с помощью талисмана?

— Это было уже невозможно, хозяин. — Альцина беспомощно развела руками.

— Вот как! Почему же? — Его голос прозвучал как удар бича. — Неужели же ты спутала таблицы планет, которые я тебе дал?

— Увы, господин, нет. Еще хуже. Я потеряла обсидиан... я потеряла

свой талисман, — закончила она почти шепотом.

Зуландра зашипел по-змеиному:

— Демоны Нергала! Ах ты, дурища! Что за дьявол тебя ослепил! Ты что, потеряла разум? Уж не подарила ли ты его какому-нибудь красивцу? Может, ты там влюбилась, как кошка? Да я предам тебя казни, какую не знал еще ни один смертный! Я развею не только тело, но и самую твою душу, мерзавка! Ты пройдешь все муки, изведанные в прежних рождениях. Во всех — от первого сгустка протоплазмы до червяка и обезьяны! Ту будешь молить меня о смерти, но...

— Прошу, хозяин, дослушай меня до конца, — вскричала Альцина, падая перед колдуном на колени. — Ты же знаешь, мужчины ничто для меня. Я всегда исполняла лишь твою волю. — И, всхлипывая, поведала колдуну, как едва не погибла от рук старого воина и потому не сразу заметила пропажу.

Зуландра вновь закусил губу, чтобы не выдать закипавший в нем гнев.

— Все ясно, — сказал он. — Но тот, кто хочет получить большую награду, не может позволить себе подобную ошибку. Направь ты верно клинок, не случилось бы потасовки и талисман был бы при тебе.

— Но, хозяин, откуда же мне было знать, что он не снимает кольчугу даже в своем шатре! И разве нельзя просто отколоть от зеркала еще один кусочек?

— Отколоть можно, конечно, но наложение заклятия требует столько времени, что война успеет закончиться. — Чародей потер острый подбородок. — А ты уверена, что Прокас мертв?

— Да, хозяин. Я проверила: сердце не билось.

— То же ты говорила и про киммерийца. Ты совершила большую ошибку, Альцина.

Танцовщица в отчаянии развернула руками:

— Я всыпала ему столько яду, что на двоих хватило бы! Этот проклятый варвар живуч, как демон пустыни... — Альцина низко склонила голову.

Воздев руки, чародей поднялся, возвышаясь над дрожащей девушкой.

— О Сэт, отец мой! — воскликнул он. — Неужто же никто из моих слуг не в состоянии выполнить самое простое задание! — Тут гнев его и разочарование обратились против служанки: — А ты пойдешь на корм дворцовым псам!

— Господин, ты же сам не предупредил меня! Разве я могла сосчитать, сколько ему нужно яду! — Голос Альцины окреп, и в нем зазвучало негодование. — Ты спокойно сидишь себе во дворце, а верная твоя

служанка рискует шкурой. И у тебя нет для нее даже доброго слова!

Зуландра сел и грустно улыбнулся:

— Видно, боги сейчас хоочут надо мной. Я сам приказал отправить на тот свет Прокаса и сам же отдал бы все, что угодно, только бы его вернуть, ибо только ему под силу остановить киммерийца. Я думал, что Аскланте с помощью Громеля добьет мятежное войско. И так бы оно и было, если бы варвар издох. Теперь же нужно искать легиону нового командующего. А это непросто. Есть, например, граф Ульрик Раманский. Он толковый воин. Но стоит со своей армией на границе с Киммерией. Сменится две луны, прежде чем он попадет сюда. Есть еще герцог Нумитор. Он стоит ближе, на границе с пиктами, но...

Тихий стук прокатился, словно трель маленького колокольчика. В покое появился Хиау и сообщил:

— Прибыла голубиная почта из Мессантии. Вибиус Латро велел передать тебе, — и с поклоном вручил колдуну маленький кусочек пергамента.

Зуландра поднялся, подошел к огромной свече, развернул и прочел послание. Губы его скжались в тонкую линию, отчего лицо стало походить на сумрачную маску. Наконец колдун проговорил:

— Похоже, все боги моей родины перестали заботиться о благополучии избранного своего сына.

— Еще что-то случилось? — тоже вставая, спросила Альцина.

— Фадий пишет: принц Кассио прислал в Мессантию гонца с донесением о том, как Конан, уже полностью оправившийся от свалившей его было болезни, покинул Рабирийские горы, перешел Алиману и с поддержкой пуантенских повстанцев разбил Пограничный легион наголову. Старший капитан легиона Громель перешел на сторону киммерийца, а граф Аскланте, должно быть, бежал, поскольку его никто не видел ни живым, ни мертвым... — Тут чародей смял пергамент, и взгляд его остановился на Альцине — в жизни не видела она такой ярости. — Иногда я с трудомдерживаюсь от желания загасить твою жалкую жизнь подобно свече, — прорычал он. — У меня есть тайное заклинание, которое обращает моих врагов в кучку пепла без дыма и огня.

Альцина отшатнулась, но от взгляда колдуна не так просто убежать. Он ожег ее словно пламенем из распахнувшейся печи. Магические волны проникали в самую глубину сердца. В страхе она закрыла глаза, а когда открыла — протянула руки, словно силясь защититься. И закричала.

На том месте, где прежде стоял волшебник, неожиданно возник огромный змей. Его наклоненная голова покачивалась прямо перед

танцовщицей. Немигающие красные глаза излучали убийственный свет, из ноздрей шел дым. Голая отвратительная пасть распахнулась, обнажив острые, как кинжалы, клыки, и приблизилась. Альцина отступила, заслонила лицо руками, а когда осмелилась их убрать, то снова увидела Зуландру.

— Не бойся, девочка, я никогда не выбрасываю орудие, если оно может еще пригодиться, — произнес колдун, и на лице его мелькнула холодная улыбка.

Альцина, еще дрожа от страха, все же решилась спросить:

— Скажи, хозяин, неужели ты и впрямь принял образ змея? Или ты просто заставил меня поверить в это?

Чародей не ответил.

— Я напомнил тебе, кто тут хозяин, а кто слуга, — только и сказал он.

Альцина быстро переменила тему. Она ткнула пальцем в сторону смятого пергамента и спросила:

— А как Фадий узнал об этом донесении?

— Милон Аргосийский устроил по случаю большое празднество. Причина ни для кого не была секретом. Да, и вот еще что: Милон выставил из страны этого горе-посла Квесадо. В последний раз его видели в сопровождении аргосийской стражи на дороге в Аквилонию. Надо будет сказать Вибиусу, что Квесадо только теперь и остается, что попроситься в мусорщики. Больше он ни на что не годен. Зато наш безумный король, может быть, больше не будет совать нос в государственные дела. Пусть бы предавался своим утехам. Ступай, Альцина, мне нужно подумать. В этой партии награда — корона. Ступай! Хиау напоит тебя, накормит, даст служанку, и ты, наконец, примешь ванну.

* * *

Освободительная армия, подобно серебристой реке длиной в лигу, двигалась вперед по лесам, полям и лугам прямиком к воротам Каларии. Впереди на вороном жеребце ехал Конан-киммериец. Над городскими башнями реяли флаги, и среди них не было больше черного орла короля Нумедидеса. Горожане толпились в городских воротах, запрудили узкие улицы, высыпали под высокие крепостные стены. Душа варвара при виде толпы горожан дрогнула. Никогда киммериец не доверял людям цивилизованного мира.

Обернувшись к ехавшему на полшага сзади на белоснежной кобыле

Троцеро, Конан бросил:

— А ты уверен, что нет ловушки?

— Голову на отсечение! — весело отозвался граф. — Я слишком хорошо знаю своих людей.

Конан какое-то время всматривался в толпу. Потом решился.

— Что ж, если так, — вздохнул он, — тогда нечего въезжать в город как завоевателям.

Он развязал ремешки шлема, повесил его на луку седла. Спешился, бряцая оружием, и направился к воротам пешком, держа коня в поводу.

Так Освободитель вошел в Каларию. Склоняя в приветствии голову в ответ на восторженные крики, спокойно шел он вдоль живого коридора. А Просперо, ехавший следом, нагнал Троцеро, придинулся ближе и тихо шепнул:

— А мы-то, дураки, ломали позавчера голову: кто сядет на трон после Нумедидеса?

Граф Троцеро в ответ сухо улыбнулся и пожал закованными в броню плечами. В этот момент он въезжал в ворота и высоко поднял руку, приветствуя своих верных и преданных подданных.

* * *

Зуландра низко склонился над развернутой картой, концы которой придерживали четыре бруска драгоценного металла. Повернувшись к Альцине, наконец отдохнувшей и переодевшейся в длинное развевающееся платье желтого атласа, великолепно подходившее и к ее роскошной фигуре, и к пышной гриве черных волос, колдун сказал:

— Шпион Вибиуса Латро донес, что сейчас Конан вместе с войском отдыхает после сражения. Скоро они двинутся на север, сначала к реке Хорот, потом — на Тарантию. Единственное место, где можно их остановить, — колдун ткнул пальцем в карту, — это Имировы Хребты. Вот здесь, в Пуантене, у них на пути. А единственная сила, которая в состоянии это сделать, — Королевский полк герцога Нумитора, что охраняет сейчас крепость Тандару в Вестермарке Боссонском.

Альцина тоже взглянула на карту:

— Тогда надо приказать герцогу немедленно двинуться на юго-восток, оставив в крепости лишь небольшой отряд.

Колдун сухо рассмеялся.

— Из тебя вышел бы неплохой полководец, крошка, — заметил он. —

Гонец с этим приказом уже в пути. Но посмотри, — и Зуландра измерил пальцами расстояние, — Конан успеет сюда за три дня, и у герцога просто не будет времени, чтобы добраться до Хребтов. Так что придется и мне вмешаться — задержать киммерийца.

— Но как?

— Ну, я не первый год знаком с небесными духами и могу устроить любую погоду. У меня есть целый план, чтобы не выпустить его из Каларии. Проверим, не разучился ли я колдовать!

* * *

Конан стоял на городской стене рядом с недавно избранным новым главой города. Когда они выходили из дворца, день был безоблачный, а теперь по всему мгновенно потемневшему небу потянулись бесконечной чередой свинцовые тучи.

— Не нравятся они мне, — сказал горожанин. — И так лето все было дождливое, и вот, пожалуйста, опять повернуло на непогоду. Того и гляди, от урожая ничего не останется. А! Началось! — заключил он, отирая со лба первые крупные капли.

Едва они спустились по винтовой лестнице вниз, подскакал Просперо.

— Конан! — гаркнул он. — Ты зачем опять сбежал от телохранителя?!

— Клянусь Кромом! — в тон ему воскликнул киммериец. — Не нужна мне никакая охрана. Я люблю гулять в одиночку.

— Эта плата за власть, — отвечал Просперо. — Ты теперь не просто главнокомандующий, ты символ освобождения. И тебя надо охранять, как, например, знамя. Ибо стоит врагу свалить тебя — и это на три четверти будет уже наше поражение. Не забывай, в Каларии полным-полно королевских шпионов, которые только и ждут случая вонзить тебе в спину нож или же подсыпать какой-нибудь гадости в вино!

— Плевать я хотел на этих отравителей! — рявкнул Конан.

— Конечно, — сказал Просперо, — но ведь от яда можно и умереть, ты все же смертный. Так что, милостивый мой господин, нравится тебе или нет, а нам придется возиться с тобой, как с новорожденным принцем. Понимаю, ты недоволен, но придется смириться.

Киммериец тяжко вздохнул:

— Слишком много чести для такого бродяги. Смотрите, однако, какая туча! Вернемся лучше во дворец, пока она нас не накрыла.

Конан с Просперо пустили коней галопом, а новоиспеченный глава

Каларии затрусили вслед по мостовой ровной рысью. Небо расколола фиолетовая вспышка, и гром глухо зарокотал подобно тысяче барабанов. Начался ливень.

Глава 9

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Пока разверзшиеся хляби немилосердно поливали дождем жителей Пуантена, и не помнивших такого потопа, над прекрасной Тарантией сияло улыбающееся солнце. Греясь в мягких лучах на дворцовой террасе, Зуландра Тху смотрел вместе с Альциной и Хиау на созревающие поля, где налившаяся пшеница стояла подобно золотым копьям. Танцовщица снова превосходно выглядела в новом длинном атласном платье, с алмазами в черных, как ночь, волосах, свежая и отдохнувшая.

— Небесный свод показал мне, что духи воздуха служат нам беспрекословно. Там бушует страшная буря, а когда она стихнет, все дороги и тропы станут непроходимы. Нумитор спешит уже к Паунтену, и мне тоже надо поторопиться, чтобы встретить его по дороге.

Альцина подняла на него изумленный взгляд:

— Ты хочешь сказать, что на этот раз сам отправишься на поле брани? О Иштар! Это совсем на тебя не похоже! Можно ли спросить почему?

— Войско у Нумитора намного уступает в силе мятежникам. А Ульрик Раманский, даже несмотря на бурю, все равно опаздывает недели на две. Кроме того, герцог всего-навсего честный болван, способный лишь от и до выполнять приказы. Ему ни разу в голову не пришло поинтересоваться, почему это наш венценосный плут либо казнил, либо отправил в далекие ссылки всех своих родственничков, а этого оставил. Разве можно доверить такому важное дело? Так что до прибытия графа я буду сам наблюдать за происходящим.

Волшебник повернулся к кхитайцу, узкоглазому преданному рабу, следовавшему за ним и по безжизненным пустыням, и по океанским волнам.

— Вели приготовить мою карету и собери вещи. Мы выезжаем завтра утром.

С поклоном слуга удалился. Вновь обернувшись к Альцине, колдун продолжал:

— С духами воздуха я договорился, попробую теперь заставить поработать на нас духов земли. А тебя, крошка, я оставлю здесь вместо себя.

— Что ты! Нет, хозяин, нет! Я же ничего не умею!

— Я тебя научу. И первое, что ты научишься делать, — это обращаться

с зеркалом.

— Но ведь талисмана нет!

— Это тебе он нужен был, а не мне. Я могу обходиться и без подручных средств. Идем, у нас мало времени.

* * *

Хиау вывел из королевских конюшен одного-единственного жеребца. На первый взгляд это был обычный вороной, но стоило присмотреться, и сразу становился заметен странный металлический блеск. Жеребец не переступал ногами, не отмахивался хвостом от мух. Собственно говоря, комары и слепни не пытались даже близко подлетать к нему, хотя на конюшне их было полным-полно. Жеребец стоял как неживой, но едва кхитаец произнес какое-то диковинное слово, как конь мгновенно повиновался.

Хиау привел черного, как эбеновое дерево, жеребца к каретному сараю и принял запрягать. Жеребец случайно задел экипаж копытом, и раздался металлический звон.

Карета, больше похожая на закрытый ларец о двух колесах, была ярко-пурпурного цвета и поверху украшена узором из золотых переплетенных змей. Внутри вдоль задней стенки стояла скамья. Посередине ее перегораживал полог, крепившийся на двух резных деревянных опорах. Полог был необычный. Весь заткан странными, никому не ведомыми символами и знаками, и только очень внимательный взгляд мог уловить среди них сходство с луной и главными созвездиями южного полушария.

Вещи Хиау сложил в большой сундук, закрепленный под скамьей, а скамью уложил шелковыми подушками. За работой он напевал себе под нос странную кхитайскую песню.

* * *

Конан вместе с Троцеро смотрели из дворцовового окна на сплошную завесу дождя.

— Вот уж не думал, что у тебя графство на дне моря, — попытался пошутить киммериец.

Граф покачал головой:

— За полстолетия, что я живу здесь, ни разу не видел ничего

подобного. Наверняка это колдовство. По-моему, Зуландра Тху...

Конан его перебил:

— Вы, аквилонцы, готовы увидеть колдовство в любой неприятности. Наступили тебе на ногу — это проделка чародея, кого же еще! За свою жизнь я редко встречал волшебников, настолько грозных, чтобы... Что тебе, Просперо? — спросил он, повернувшись на звук шагов.

— Вернулись разведчики. Дороги непроходимы. В каждой трещинке кипит вода. Выходить бесполезно: войско увязнет на первой же лиге.

Киммериец выругался.

— В твоих рассуждениях о колдунах что-то есть, — признал он.

— А у нас гости, — добавил Просперо. — Это бароны с Севера. Они выехали домой еще до нашего появления, но буря заставила их вернуться.

Темное в шрамах лицо киммерийца просветлело:

— Благодарение Крому! Хоть одна хорошая новость. Веди их сюда!

Просперо ввел за собой пятерых гостей, одетых в дорожное платье добротной шерсти, промокшее и заляпанное грязью сверху донизу. В одном из них Троцеро сразу узнал барона Руальда из Имируса, что в северном Пуантене. Это был крепкий седой, благородного вида человек, не раз сопровождавший в Каларию своих соседей. Троцеро представил его киммерийцу.

Конан с любопытством рассматривал гостей. Они были все очень разные: один — крепкий, краснолицый, кажется, весельчак; другой — стройный и элегантный; третий — добродушный толстяк, который всем другим развлечениям явно предпочитал хороший обед; и еще двое — мрачные и неразговорчивые. Но какими бы разными они ни казались, все с одинаковой радостью приветствовали Конана и Троцеро. Их баронства давно страдали под бременем бесконечных податей, а дворянская гордость была уязвлена грубостью королевских солдат, обосновавшихся на их землях и тоже требовавших дани и с селян, и с баронов. Поэтому все они больше всего на свете желали гибели Нумедидесу и теперь изучающе поглядывали на троих военачальников, пытаясь угадать, кто из них преемник, дабы сразу же заручиться его симпатией и поддержкой.

Когда бароны переоделись и отдохнули, Конану с товарищами пришлось выслушать длинный перечень жалоб и пожеланий до конца. Варвар больше помалкивал, а вот его участливые друзья дали понять каждому, что ни один после победы не будет обижен.

— Но не забудьте, господа, — сказал Конан, — что Ульрик, граф Раманский, пройдет, чтобы перехватить нас, по вашим землям.

— Да разве же у него войско! — прорычал барон Руальд. — Жалкая

горстка! Граница с Киммерией давным-давно одна из самых спокойных, и многое не нужно, чтобы за ней присматривать.

— Не совсем так, — возразил граф Пуантенский. — Нам доносят, что войско Ульрика не меньше нашего, а кроме того, солдаты его участвовали во многих сражениях. Сам же граф Ульрик отличный стратег, и именно он вывел когда-то армию из Венарийского котла.

Конан мрачно улыбнулся. В той битве он сражался на стороне киммерийцев и был в крепости, когда Ульрик сдал город. Но говорить об этом не стал.

Вместо этого он сказал:

— Нумедидес наверняка снимет силы из Вестермарка и попытается задержать нас здесь до прихода Ульрика. Вам с соседями хорошо бы попытаться задержать его, пока мы не покончим с королевскими войсками в Боссонии.

Граф Троцеро внимательно наблюдал за баронами:

— Вы сумеете поднять людей, не насторожив части, что стоят в ваших землях?

На вопрос его первым ответил барон Аммиен из Ронды:

— Нашим-то кузнецам дело только до плодов от работ наших. Они никуда не двинутся, пока не снят урожай.

— Но, — возразил барон Жюстин из Армавира, — если завяжется бой, мы разорим и себя, и своих людей. Может, нам и удастся задержать Ульрика, но тогда мы останемся и без урожая, и без подданных.

— А если господин Конан погибнет у стен Тарантии, мы окажемся нищими, — веско заключил краснолицый Руальд. — Король быстро узнает, что мы выступили против него. Лучше все-таки ставить на золотой, чем на медную монетку.

— Он верно говорит, — подхватил Аммиен из Ронды. — Тогда шеи нам либо укоротят, либо вытянут. Так что лучше уж сидеть тихо и не ввязываться в ненадежные игры.

В конце концов, остановились на следующем: едва погода прояснится, все пятеро отправятся домой, и когда Северная армия Ульрика войдет в их владения, они все-таки попытаются ей помешать.

Когда бароны удалились на ночлег, Просперо сказал Конану:

— Ты думаешь, они успеют вовремя?

— И сдержат ли обещание, — добавил Троцеро, — если Нумедидес окажется поначалу сильнее нас?

— Я не пророк. — Киммериец пожал плечами. — Только боги умеют читать в сердцах.

* * *

Экипаж Зуландры грохотал по мостовым улицам Тарантии. Кхитаец правил, а колдун, завернувшись в накидку с капюшоном, полулежал на подушках. Горожане, заметив приближение экипажа, торопливо отводили глаза, не желая привлечь к себе внимание. Ибо не было в городе человека, не слышавшего о проклятом колдуна и пропавших девочках.

Огромные бронзовые створы Южных ворот открылись и вновь сошлились, пропустив карету. По пустынным сельским дорогам странный конь несся раза в два быстрее обычного. В день он проходил около сорока лиг, и ни дождь, ни жара, ни ночная мгла — ничто не мешало ему мчаться к назначенней цели. Когда Хиау уставал, вожжи брал сам хозяин. Во время этих коротких передышек желтолицый слуга наскоро проглатывал что-нибудь из запасов и мгновенно проваливался в сон. Когда спал волшебник, Хиау не знал.

После нескольких дней пути вдоль берега Хорот экипаж подъехал к огромному мосту, который велел построить здесь еще Вилерус Первый. Мост, стоявший на шести каменных опорах, высоко поднимался над извилистой рекой.

Смотритель, увидав украшенную гербами карету, свернувшую на мост с Королевской дороги, низко поклонился. Одолев крутой въезд, Зуландра остановился и оглядел окрестности. Невдалеке над дорогой он заметил облако пыли, и мрачная улыбка тронула его тонкие губы. Если эту пыль подняли всадники герцога Нумитора, значит, колдун правильно вычислил время и место, и пути их пересекутся там, где сходятся дороги на Боссонию и Пуантен.

Колесница скатилась с высокого моста, и не прошло и часу, как Зуландра увидел колонну всадников. Когда он приблизился, замыкающий узнал расписной возок. От одного к другому полетела команда, и ряд сдвинулся, уступая дорогу советнику короля. И стоило черному жеребцу поравняться с очередным всадником, лошадь шарахалась, рвалась прочь, и, чтобы успокоить ее, требовалось немало усилий.

Во главе колонны он увидел герцога Нумитора, который ехал на крупном спокойном мерине. Герцог внешне был похож на своего царственного кузена сложением и рыжиной в волосах и густой бороде. Но впечатление производил прямо противоположное: от голубых глаз и всего загорелого лица его веяло бесхитростностью и простодушием.

— Смотрите-ка — маг Зуландра! — в изумлении воскликнул Нумитор,

когда увидел на козлах кхитайца. — Что тебя привело сюда? У тебя послание от короля?

— Чтобы остановить мятежников, тебе, герцог Нумитор, понадобится моя помощь.

Светлые глаза герцога потемнели от негодования:

— Я не прибегаю в бою к помощи колдунов, честные люди так не дерутся. Но если тебя прислал мой брат, делать нечего.

Из-под нависших бровей сверкнул злобный взгляд.

— Да, это приказ истинного правителя Аквилонии, — сказал колдун, — и ты обязан повиноваться каждому моему слову. Если поторопиться, мы достигнем Имировых Хребтов раньше мятежников. У тебя только эти два отряда всадников?

— Нет, за нами идут четыре когорты пехоты. Но они движутся медленней.

— Негусто, — сказал колдун. — Хотя там нас встретит просто толпа бродяг. Если мы удержим их у подножия скал до прихода Ульрика Раманского, мы свернем им шею, не сходя с места. Когда поднимемся наверх, дай мне пять человек — опытных охотников, — у них будет свое задание.

— Какое?

— Об этом я скажу позже. Пока тебе достаточно знать, что они мне нужны.

* * *

Дождь в Каларии, наконец, стих. Пятеро баронов вместе со свитой отправились на север по раскисшей дороге, над которой от жаркого солнца курился пар. Немного погодя, держа курс сначала на Хорот, а потом прямо на Тарантию, двинулась и Освободительная армия.

И где бы она ни проходила, в каждом городке, в каждой деревушке, к Конану шли все новые и новые люди: старые рыцари, пожелавшие украсить конец своих дней участием в славном сражении; бывшие солдаты, помнившие киммерийца по войне с пиктами; лесники и охотники, видевшие в нем вольного своего собрата; сосланные и разбойники, прослышиавшие про указ о прощений всякого, кто встанет под Знамя Золотого Льва; торговцы, лудильщики, дровосеки, кузнецы, углежоги и менестрели — все, кто устал жить под властью тирана. В конце концов запасы оружия в войске истощились настолько, что Конан отдал приказ

брать только тех, кто придет хотя бы с топором.

Перед Конаном и его капитанами стояла нелегкая задача превратить разношерстную толпу в грозную силу. Они строили новичков в ряды и когорты, назначали старших, выбирая их из числа бывших солдат, знавших, что такое бой, не понаслышке. На привалах они обучали людей простейшим приемам, ибо Конан строго-настрого предупредил:

— Если не натаскать их как следует — побегут при первой же схватке.

На всем пространстве между возделанными полями Пуантена и Хребтами Имира раскинулся густой Броселлианский лес. Между огромными вековыми деревьями, словно змея в папоротниках, вилась дорога. Когда армия вошла под густую сень широких зеленых крон, пуантенцы притихли. Киммериец видел, как они в угрюмом молчании бросали в темную чащу опасливые взгляды.

— Чего это они испугались? — спросил вечером в шатре Конан у Троцера. — Змей, что ли?

Троцеро презрительно улыбнулся:

— В Пуантене почти нет змей, а те, что есть, не ядовиты. Но наши наемнички большей частью простые селяне. А у деревенщины свои поверья. Например, что в здешнем лесу живет нечистая сила и заморочит любого, кто останется тут ночевать. В предрассудках есть и свои преимущества; никто, кроме моих друзей и баронов, не охотится в этих лесах.

Конан хмыкнул:

— А когда мы дойдем до скал, они будут бояться гоблинов? Кстати, прежде мне доводилось бывать в этих краях. Я прекрасно знаю, что Имировы Хребты — это штука серьезная. Нужно целый день карабкаться вверх, чтобы подняться на плато. Но как ползти с обозом и с лошадьми? Дорога-то там есть?

— Да, глубокое узкое ущелье, по которому течет речка Битакса. Это приток Алиманы. Вот по берегу ее и идет тропа. Ущелье темное, подъем крутой... да не допустят боги встретить наверху врага. Молись своему Крому, чтобы королевский братец не успел дойти туда раньше нас!

— Плевать Кром хотел на наши молитвы, — ответил Конан. — Во всяком случае, так мне говорили, когда я был мальчишкой. Кром лишь дарует человеку жизнь и наделяет волей, чтобы тот мог встретить врага лицом к лицу. А клянчить у богов удачу не принято у киммерийцев... Не нравится мне твой рассказ. В ущелье слишком легко устроить засаду. Знаешь что, возьми-ка ты на рассвете своих пуантенцев и проверь дорогу.

Тут появился Публий со своими амбарными книгами, и Троцеро

вышел, оставив друзей подсчитывать, сколько чего нужно войску.

* * *

Над ущельем, не позволяя солнцу заглянуть за черные скалы, по которым, будто жучки, карабкались вверх пуантенцы, навис Зуб Великана. Граф то и дело задирал голову, надеясь увидеть, не блеснет ли на солнце шлем или копье притаившегося врага. Но ни блеска стали, ни дыма от костра никто из разведчиков не заметил. Наконец Троцеро проговорил:

— Прочешем лес и встретимся на дороге в четверти лиги отсюда, у висячей скалы. Ты, Приско, бери половину отряда, и отправляйтесь. Прочешете лес к востоку. А я — к западу. Встретимся через час.

Граф разыскал шатры пуантенцев и отобрал сорок всадников. Отряд разделился. Всадники направили лошадей прямо через кусты, росшие по обе стороны дороги. Продравшись, дальше поехали легче: под дубами подлеска почти не бывает.

Некоторое время Троцеро со своими людьми ехали молча. Тишину нарушал только глухой стук копыт по толстому ковру опавших листьев. Вдруг бывший лесник, ехавший одним из первых, предостерегающе поднял руку, повернулся в седле и шепнул:

— Впереди люди, господин, — похоже, всадники.

Отряд подтянулся. Люди настороженно притихли, лошади стояли не шелохнувшись. Троцеро сквозь трепещущую листву уловил какое-то движение, потом услышал странное бормотание.

— Мечи из ножен! — шепнул он. — Приготовиться к бою, но без команды не начинать. Неизвестно, друзья это или враги.

Почти беззвучно двадцать мечей выскользнули из кожаных ножен, и пуантенцы выстроились в линию. Голоса зазвучали громче, и вскоре среди корявых стволов замелькали вооруженные всадники. Троцеро поднял меч, скомандовав начало боя.

Пуантенцы рассыпались между деревьями и ринулись вперед. В мгновение ока они оказались перед противником.

— Сдавайтесь! — крикнул Троцеро, он отпрянул и натянул поводья. Лошадь с храпом взвилась на дыбы и попятилась.

Пятеро всадников в накидках с черным аквилонским орлом замерли от неожиданности. Четверо тащили на веревках крепко связанных пленников. Эти странные существа, ростом не выше подростка, были, как фавны, покрыты светло-коричневым мехом, отчасти скрывавшим наготу.

Тroe из них были мужчины, четвертая — женщина. Лица у них человеческие, но носы пятаком, и уши остренькие и покрыты шерстью. Едва аквилонцы, схватившись за оружие, отпустили веревки, вся четверка бросилась в лес, показав короткие, как у оленей, хвостики с белым пятнышком на конце.

Старший из аквилонцев первым пришел в себя и что-то гаркнул. Солдаты его пришпорили лошадей и кинулись врассыпную.

— Убейте их! — закричал Троцеро.

Сплошной строй в лесу невозможен, и аквилонцы решились было прорваться. Старший помчался прямо на Троцеро, меч он держал наперевес, словно копье. Слева и справа разведчики бросились графу на помощь.

Началась свалка. Лес огласился криками. Королевские воины дрались с яростью обреченных. Двое разведчиков кинулись догонять аквилонца, который вращал над головой длинным мечом, не давая приблизиться. Одному из разведчиков все же удалось подобраться и ранить противника в правую руку, а потом полоснуть по лошадиному боку. Лошадь тонко заржала и ринулась вперед еще быстрее. Аквилонцу повезло: он ушел. Разведчик метнул вслед ему меч, как копье. Клинок просвистел на волосок от головы беглеца.

Тощий, жилистый аквилонец, который дрался с Троцеро, тоже кинулся прочь. Четверо их летели по лесу, словно листья, подхваченные ураганом. Пятый лежал на бурой земле, и по белой накидке медленно расползлось кровавое пятно.

— Гремио! — закричал граф. — Возьми своих солдат и в погоню! Хоть одного, но возьми живьем!

Троцеро вернулся туда, где смятая трава хранила безмолвные следы яростной схватки. Еще раз взглянув на лежащего аквилонца, граф приказал проверить, жив ли враг.

Один из разведчиков спешился, а другой сказал:

— Нет, господин, я сам проткнул его нас kvозь.

— Он мертв, — подтвердил первый, на минуту склонившись над телом.

Троцеро выругался:

— Нам позарез необходимо кого-нибудь допросить.

— Смотрите! Тут один из их пленников! — воскликнул, разведчик, опускаясь на колени рядом с нагим существом, бездыханно лежащим поперек упавшего дерева. — Наверное, его задело копытом во время свалки.

Троцеро в задумчивости прикусил нижнюю губу.

— Наверное, — машинально повторил он, а потом добавил: — Значит, это и есть тот самый сатир из деревенских сказок.

Тем временем сатир, маленькие кулаки которого были связаны тонкой веревкой, пришел в себя, увидел перед собой страшных, огромных всадников и кинулся было наутек. Но стоявший тут же разведчик быстро ухватил конец свисавшей с шеи веревки.

Троцеро спросил:

— Скажи, умеешь ли ты говорить, лесное создание?

— Ага. Хорошо говорить. Хорошо на моем, чуть-чуть на твоем, — ответил пленник с неимоверным акцентом. — Что ты сделать мне?

— Это решит наш главный воин, — ответил Троцеро.

— Не резать глотку, как другие?

— Лично у меня нет ни малейшего желания резать тебе глотку. С чего ты взял, что это кому-то нужно?

— Нужно. Для колдовства.

Граф покачал головой.

— Понятно, — сказал он. — С нами этого можно не бояться. Однако придется отвести тебя в лагерь. Есть у тебя имя?

— Я Гола, — ответил сатир тихим голоском.

— Ну, Гола, придется тебе сесть на лошадь позади одного из моих людей. Понимаешь?

Сатир опустил глаза:

— Я бояться лошадь.

— Придется потерпеть, — ответил граф и сделал знак первому разведчику.

— Ну-ка давай, — усмехнулся разведчик и одним махом поднял легонькое существо. Снял с шеи веревку, крепко привязал один конец к седлу, а другим обмотал сатира вокруг пояса. — Так будет надежней, — хмыкнул солдат и вскочил в седло.

* * *

Разведчики, посланные в погоню, увидели только спины аквилонцев, как раз въезжавших в ущелье под Зубом Великаны. Побоявшись засады, воины вернулись ни с чем.

Немного погодя граф Троцеро уже рассказывал о лесной стычке в шатре, где собирались все вожди повстанцев.

Конан осмотрел пленника и сказал:

— Похоже, эта веревка режет тебе руки, друг Гола. Нам она ни к чему.

Он достал из ножен кинжал и подошел к сатиру, который забился в смертельном ужасе и закричал:

— Нет-нет! Не режь! Человек обещал! Не тронь глотку!

— Не нужна мне твоя глотка! — рявкнул Конан и сгреб одной рукой кулаки сатира. — Я не сделаю тебе ничего дурного. — Он перерезал веревку и отвернулся, а сатир, всхлипывая, принялся растирать пальцы.

— Ну что, так лучше? — хмыкнул Конан, сел за грубо сколоченный стол и похлопал по скамье, приглашая сатира сесть рядом. — Скажи, любишь ли ты вино, друг Гола?

Сатир улыбнулся и кивнул.

— Конан! — воскликнул Публий. — У нас вина только два меха! Мы все пьем пиво.

— Неважно, — сказал Конан. — Нам нужно именно вино. У немедийцев есть поговорка: «Истина в вине». И я намерен сейчас это проверить.

Публий обменялся взглядами с Троцеро и Простеро. Конан мгновенно проникся симпатией к этому диковинному созданию. Словно пожалел несчастного сатира, вырванного из своего леса безжалостной рукой цивилизованного человека, чьи поступки и мысли были для него непостижимы.

Сатир опорожнил целый мех вина, поведав в перерывах между глотками, что наверху стоят две когорты королевской конницы. Но не сразу на выходе из ущелья, а чуть подальше, на расстоянии двух-трех полетов стрелы — может, в четверти лиги. Они появились на плато несколько дней назад и все это время охотились за лесными сатирами. Каждый день отряд охотников спускался вниз и обшаривал лес поблизости от ущелья. Тех, кого удавалось поймать, охотники тащили живьем в свой лагерь, а там, связанных, запирали в сложенном из бревен доме.

— Мой народ уходить теперь от Зуб, — грустно заметил Гола.

Оставив без внимания это странное замечание, Конан спросил:

— А почему ты решил, что людям понадобится для колдовства кровь твоих сородичей?

Сатир бросил на Конана исподлобья долгий взгляд.

— Мы знать, — буркнул он. — Мы тоже колдовать. Там наверху большой колдун.

Конан задумался.

— Гола, — проговорил он, наконец, не отводя внимательного взгляда

от лица маленького создания. — Гола, а ведь если мы прогоним с плато плохих людей, вам можно будет опять ничего не бояться. Если вы нам поможете, мы нам оставим ваш лес.

— Как знать, что сделать большой человек? Большие люди резать наших.

— Нет, мы друзья. Смотри, ты свободен и можешь уйти. — Конан откинул полог и показал, что путь свободен.

Курносое лицо вспыхнуло счастливой улыбкой. Конан подождал, пока его собеседник опомнится от радости, и продолжал:

— Может ли мы попросить у вас помощи за то, что спасли уже нескольких твоих сородичей от ножа волшебника? Как мне тебя найти?

Сатир снял с шеи маленькую костяную дудочку, висевшую на виноградной плети.

— Идти в лес и дуть, — сказал он, приложил дудочку к губам и подул.

— Но я ничего не слышу, — сказал Конан.

— Я знаю, — ответил сатир, — но мы слышать. Бери.

Конан с интересом рассматривал подарок, такой крошечный в огромной лапе варвара. Товарищи же его хмурились, считая про себя, что киммериец попусту теряет время. Конан убрал игрушку в карман и с серьезным видом произнес:

— Благодарю тебя, мой маленький друг. — Потом он подозвал оруженосцев и оказавшегося поблизости часового: — Проводите его к ближнему лесу да смотрите, чтобы кто-нибудь из наших суеверных соратников не принял его за злого демона и не причинил ему вреда. Прощай, Гола.

Когда сатир ушел, Конан обернулся к товарищам:

— Нумитор встал лагерем недалеко от Зуба и только и ждет, чтобы мы попытались подняться. Что скажете на это?

Просперо пожал плечами:

— По-моему, он больше надеется на «большого колдуна», королевского мага, чем на себя.

Троцеро покачал головой:

— А по-моему, он нарочно встал в стороне, чтобы дать нам подняться и сражаться честно, на равных. Он настоящий дворянин и ведет войну по законам чести.

— Но он же знает, что мы превосходим его числом, — с сомнением в голосе произнес Публий.

— Ну и что, — не сдавался Троцеро. — Зато аквилонцы лучше обучены, и наша толпа не стоит и половины королевских солдат. Нумитор

наверняка рассчитывает на выучку...

Спор длился долго и безрезультатно. Когда сумеречный свет превратился в густой мрак, Конан со стуком поставил на стол свой кубок:

— Мы не можем вечно сидеть и гадать, что у Нумитора на уме. Мы готовы к встрече. Завтра попробуем подняться.

Глава 10

КРОВЬ САТИРОВ

Герцог Нумитор бродил по лагерю. В походной кухне догорал огонь, солдаты готовились ко сну. На небе зажглась молодая луна, и звезды медленно проплывали по темному, почти черному, своду к западу, словно алмазы на платье танцовщицы. На западе сумеречную полоску света рассекала громада похожих на крылья летучей мыши гор.

Герцог проверил посты и направился к краю плато, где стоял шатер Зуландры Тху. Чуть подальше вперед начинались откосы. Сразу за лагерем темнел густой лес. Слева чернела пропасть Зуба Великана.

Ни единого звука не доносилось из глубокого ущелья, но что-то тревожило герцога, хотя он и сам никак не мог понять причины беспокойства.

Герцог уже довольно далеко отошел от лагеря, когда вдруг заметил отблеск небольшого костра. Он заторопился на свет и вскоре увидел Зуландру. Колдун, в черной накидке с капюшоном напоминавший мрачную птицу, склонился над костерком, возле которого стоял на коленях хитаец и подбрасывал ветки в огонь. На огне стоял черный металлический треножник, к верхушке его на цепочке был подвешен небольшой медный котелок. Еще один, размером побольше, стоял поодаль в траве.

Когда Нумитор подошел поближе, колдун извлек из кожаного мешка хрустальный сосуд. Открыл, читая нараспев заклинание на непонятном языке, и вылил содержимое в котелок. Из котелка вырвалось громкое шипение и столб дыма, который переливался всеми цветами радуги. После чего Зуландра повернулся к герцогу, спокойно сказал ему «добрый вечер» и снова полез в мешок.

— Мастер Зуландра! — позвал Нумитор.

— Слушаю, мой господин, — отозвался колдун, продолжая шарить в мешке.

— Ты велел разбить лагерь подальше от ущелья. Я хотел бы знать почему. Если вдруг мятежники проскользнут мимо Зуба, они доберутся до нас прежде, чем мы сможем их обнаружить. Утром надо будет передвинуть лагерь прямо к выходу из ущелья, и тогда наши воины встретят врага во всеоружии.

Лицо колдуна под капюшоном скрывал лиловатый сумрак, и герцогу показалось, будто на него из темноты бездонной пещеры смотрят жадные

глаза ночного зверя.

— О, господин мой, — процедил Зуландра сквозь стиснутые зубы, — если твои солдаты завтра утром окажутся там, где мы стоим, демоны, которых я выпустил, погубят и их тоже. Последнее заклинание я произнесу ровно в полночь. Хиау предупредит тебя, когда будет нужно. — Чародей достал из мешка и высыпал в котелок какой-то порошок, помешал серебряным прутиком варево и сказал: — А теперь, господин мой, я должен просить тебя отойти в сторонку, мне пора начертить магический знак.

Хиау подал ему деревянный, украшенный искусствой резьбой посох, на который днем колдун опирался, как на трость. Потом хитаец подбросил в угасающее пламя новых веток, а Зуландра отошел и концом посоха сделал на земле несколько отметин. Потом он начертил круг, в попечнике в десять шагов, и какие-то линии внутри круга. Не переставая бормотать заклинания, в каждом углу пентакля он поставил магический знак. Герцог ничего не понимал, но у него и не было ни малейшего желания вникать в нечестивое таинство.

Зуландра выпрямился, встал у огня спиною к откосам. На распев на чужом языке произнес то ли молитву, то ли заклинание. Повернулся лицом к востоку, вновь повторил ее. И так четыре раза. Нумитор увидел, как звезды заслонили смутные и бесформенные тени. Воздух наполнился шорохом невидимых крыльев. Решив, что с него достаточно, герцог повернулся и отправился обратно в лагерь. Он приказал капитанам поднять людей за час до наступления полночи. Потом удалился в свой шатер.

Три часа спустя Хиау велел часовым разбудить герцога. По дороге к скале, где оставил Зуландру, он увидел колдуна, который вел туда же с десяток солдат. Каждый из них тащил на веревке связанного сатира. Маленькие пушистые человечки всхлипывали и пищали.

Хиау подбрасывал в огонь ветки, и волшебное варево весело булькало в бронзовом котелке. От котелка к небесам поднимались клубы разноцветного пара. По команде колдуна первый солдат сунул голову всхлипывавшего сатира прямо в большой котел, стоявший на траве в стороне от костра. Темнота как будто вздрогнула, словно от звука безмолвных барабанов — или это забились от ужаса сердца солдат? — и Зуландра хладнокровно перерезал сатиру глотку. Вновь по команде солдат ухватил за лодыжки жертвенного сатира и держал так, пока не стекла кровь. После чего бросил трупик с откоса во тьму.

Колдун подсыпал еще порошка в свое зловещее варево и пропел новое заклинание. Наконец он повернулся к следующему солдату и велел сделать

все то же самое. У солдат подгибались колени от страха. Один из них пробормотал:

— Это колдовство дольше, чем коронация. Делал бы все сам.

Когда был убит последний сатир, на небе уже занималась заря. Под медным котелком на треноге дотлевали угли. Хиау по приказу чародея снял дымящуюся посудину и вылил содержимое в котел, наполненный кровью сатиров. Стоявшие рядом солдаты увидели — или подумали, что увидели, — как из него поднялись призрачные тени. Остальным показалось, что это просто пар.

Одновременно часовые, сторожившие выход из ущелья, услышали приближение большого отряда. Никто не разговаривал, но звяканье упряжи и топот множества ног далеко разносился в немом утреннем воздухе.

Голос Зуландры зазвенел от внутреннего напряжения:

— Господин мой! Герцог Нумитор! Уведи людей!

Герцог, очнувшись от ночной оторопи, гаркнул:

— Строиться! Быстро в лагерь!

Шум шагов становился все ближе. Колдун протянул к небесам руки и произнес слова заклинания. Хиау подал черпак, и Зуландра принял лить свое варево в черноту ущелья, то и дело вскидывая вверх обе руки и выкрикивая что-то на никому не известном наречии.

Рассвело, и колдун увидел, как по каларийской дороге из лесу выехали два всадника. Галопом они подскакали к ущелью и долго внимательно вглядывались в нагромождение скал. После чего появился отряд легкой конницы, за ним — пехота с копьями наперевес.

Зуландра торопливо плеснул в пропасть варево и вновь поднял к небу жилистые свои руки.

* * *

Конан ехал впереди, то и дело оглядываясь. Разведчики не нашли и следа неприятеля ни в окрестных лесах, ни на скалах. Но Конан шкурой чуял ловушку. Конечно, герцог не великий полководец, но тут и дурак должен был догадаться, что ущелье легче всего защищать у выхода.

Нигде не было и намека на лагерь. Не может быть, чтобы герцог и впрямь решил сражаться на равных. Конан знал, как в этой стране дворяне привержены правилам чести, но весь его военный опыт говорил, что ни один военачальник не станет рисковать победой и жизнями своих солдат во имя принципа. Нет, здесь явно подстроена ловушка! Киммериец не любил

подобные игры.

Один из разведчиков вернулся со странным донесением. У подножия скал слева от входа в ущелье он обнаружил множество мертвых сатиров, и у каждого перерезано горло. Тела их, разбитые и изуродованные, видимо, бросали сверху, с откосов.

— Все-таки колдовство, — прошептал Троцеро. — Значит, Нумитор притащил сюда с собой королевского любимца.

Двое разведчиков, двигавшихся впереди войска, достигли ущелья, пришпорили лошадей и скрылись за поворотом дороги, которая шла, повторяя изгибы извилистой речки Битаксы. Вскоре они вновь появились на скальном уступе и помахали рукой, давая понять, что и там все спокойно. Конан еще раз взгляделся в нагромождение камня. На миг ему показалось — или же померещилось, или это просто была игра теней? — будто что-то мелькнуло. Он повернулся, махнул капитану Моренусу, подавая знак, что дорога открыта.

Конан стоял у дороги у входа в ущелье. Всадники проходили мимо ряд за рядом, и сердце воина радостно встрепенулось при виде прекрасной выпрявки, давшейся за долгие месяцы упражнений. И вдруг его гнедой заволновался, затанцевал, забил копытом. Конан потрепал его ладонью по шее, но тот не успокаивался. Поначалу киммериец подумал было, что конь тянется вслед за остальными, но чем больше он беспокоился, тем тревожней становилось на душе у его хозяина.

Вновь Конан пристально всмотрелся в откосы и, брякнув оружием, соскочил с гнедого. Не отпуская поводьев, закрыл глаза и прислушался. Чутье в очередной раз не подвело варвара. Сквозь толстую кожу подошв он ощутил легкое дрожание почвы. Не ту дрожь, какая отдается в земле, когда движется конница, но медленный, ровный, уверенный гул.

Больше Конан не колебался. Набрав полные легкие воздуха, он приложил ладони к губам и заорал что было мочи:

— Моренус, назад! Выходи из ущелья! Разворачивай лошадей! Назад!

В ущелье немедленно началась давка: солдаты пытались повернуть лошадей на узкой тропе. А наверху чародей выкрикнул последнее заклинание и, выйдя из пентакля, ударил по скале резным деревянным посохом.

Еле слышный ровный гул сотряс землю. Над головами попятившихся солдат закачались скалы. Огромные базальтовые глыбы медленно-медленно, будто сами собой, отламывались с вершины плато и летели вниз.

Конан сгреб поводья танцевавшего в смертельном ужасе гнедого. Словно птица, взлетел киммериец в седло и бросился поперек выходившей

из лесу новой колонны конницы. Все произошло так быстро, что там еще никто ничего не понял.

— Назад! Назад! — проревел Конан, но голос его заглушил грохот обрушившихся камней. Капитан всадников тоже развернул свою лошадь, перекрывая дорогу. Но на дальнем конце колонны продолжали напирать. Началась свалка.

Зуб качался, трещал и скрипел. С ревом рассерженного божества гигантские глыбы летели в ущелье. Земля под ногами солдат ходила ходуном. Люди хватались друг за друга, чтобы устоять, но все же, звеня оружием, падали.

Отряд Конана в ужасе ринулся прочь и врезался в подошедшую сзади пехоту. Падали лошади, летели из седел всадники. Вопли раненых, ржание лошадей слились с грохотом обвала.

Ложе реки оказалось завалено камнями, и вода, пенясь, вышла из берегов. Солдаты бежали почти по колено в воде и молили богов сменить гнев на милость.

Наконец успокоив могучей рукой взбесившегося от ужаса скакуна, Конан подъехал к Моренусу.

— Сколько ты успел вывести оттуда? — спросил киммериец.

— Да почти всех. Человек десять только и остались, господин!

Конан взглянул на Зуб и выругался. Над ущельем висела здоровенная туча пыли, и ветер сносил ее в сторону. Когда пыль развеялась, Конан увидел, что ущелье стало шире, а склоны не столь крутыми. Все оно было засыпано камнями размером от гальки до внушительных, величиной с солдатский шатер, валунов. Время от времени по откосам проходила дрожь, сползая пласт породы, и все успокаивалось. Кто бы ни попал под этот обвал, был бы навсегда похоронен в ущелье.

Одна из скал слева от бывшего входа в ущелье странным образом уцелела. Наверху Конан различил две маленькие, одетые в черное фигурки. Одна воздевала, словно в молитве, руки к небесам.

— Если это не королевский волшебник Зуландра Тху, то я, в таком случае, вендиjsкий слон, — раздался рядом хриплый бас.

Конан обернулся и увидел Громеля.

— Думаешь, он и вызвал землетрясение?

— Конечно. И если бы он подождал самую малость, мы вошли бы в ущелье и от нас уже мокрого места не осталось бы. Из лука отсюда его не достанешь, хотя можно попробовать...

Лучник, стоявший неподалеку, услышал это и предложил:

— Попробуй из моего, господин.

Громель спешился, натянул тетиву, затаил дыхание и пустил стрелу. Стрела ударила в камень, чуть-чуть не долетев до вершины. Маленькие фигурки исчезли.

— Хороший выстрел, — похвалил Конан. — Надо было взять с собой баллисты. А теперь позови сюда лекарей. Пусть помогут покалеченным воинам.

Конан мрачно созерцал откосы. Ох, как хотелось варвару ринуться наверх — велеть людям спешиться, обнажить оружие и, перебираясь от камня к камню, добраться до врага. Но опыт подсказывал: атака только принесет бессмысленные жертвы. Подъем будет слишком труден и долг, солдаты послужат удобными мишенями для лучников Нумитора, а оставшиеся в живых чересчур вымotaются, чтобы с ходу вступить в бой.

Киммериец огляделся и увидел своих:

— Э-гей! Троцеро! Просперо! Моренус, пошли кого-нибудь за Публием и Паллантидом, они мне нужны. Эй, друзья! Ну, что дальше?

Граф подъехал поближе к завалу.

— Люди еще поднимутся, — сказал он, — если, конечно, Нумитор не поставил наверху лучников или если колдун не придумает еще что похлеще, а вот лошади — никогда.

— А нельзя расчистить дорогу? — спросил Просперо.

Троцеро кивнул головой:

— Можно. Если будет несколько тысяч рабочих и несколько месяцев срока. И золота побольше. Тогда я расчищу тебе что угодно.

— А у нас ни времени, ни денег, — подытожил Конан. — Значит, если нельзя пройти по ущелью, надо придумать какой-нибудь другой способ. Пусть люди отойдут отсюда на четверть лиги и встанут лагерем.

* * *

В лагере королевских войск чародей стоял перед разъяренным герцогом. Усталый, мгновенно постаревший, он с трудом опирался на плечо кхитайца. Скала, на которой он колдовал, осталась целой, и обратно они вернулись по узенькому, образовавшемуся мосту.

— Ты болван, а не чародей, — бушевал герцог. — Раз уж взялся колдовать, так дождался бы, пока они войдут в ущелье. Тогда бы они там и остались. А так — отделались легким испугом!

— Молчи, если ничего не понял, — холодно ответил Зуландра Тху. — Я произнес последнее заклинание, когда увидел, как что-то — или кто-то

— предупредило Конана об опасности и он развернул своих всадников. Еще чуть-чуть, и они все ушли бы целы и невредимы. Но, по крайней мере, ущелье заперто. Им придется идти либо на восток к Хорот, либо на запад к Алимане. А теперь прошу меня простить, ваша светлость, но колдовство истощило мои силы. Мне нужно отдохнуть.

— Никогда мне не нравились эти «чудотворцы», — проворчал герцог, когда колдун удалился.

* * *

В лесном лагере в тот же вечер Конан с товарищами склонился над картой.

— Чтобы обойти откосы, — сказал Конан, — придется вернуться назад к Педассе и пойти другой дорогой. Но это отнимет уйму времени.

— Была бы здесь хоть какая-нибудь щелка, — мечтательно проговорил Просперо, — мы прошли бы потихоньку лесом и напали на них врасплох.

Конан сдвинул брови:

— На карте никакой щелки нет. Но я никогда не доверял тем, кто эти карты рисует. Хорошо, если у них реки текут в том же направлении, что и на самом деле. А ты, Троцеро, не знаешь здесь больше никакой тропинки?

Троцеро покачал головой:

— Нет.

— Но должны же быть здесь какие-то ручейки, которые впадают в Битаксу!

Троцеро беспомощно пожал плечами. Вошел Паллантид со словами:

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, господин, но у Сердикса двое уже сбежали.

Конан буркнул в ответ:

— Что ж, когда мы побеждаем, люди бегут к нам. Когда проигрываем — от нас. Это уж как повезет. Отправь за ними всадников — пусть повесят, если найдут. Но не превращают в публичную казнь. Собери всех, кто знает лес, и на рассвете отправляйтесь искать дорогу. А теперь, друзья, оставьте меня, мне надо подумать.

* * *

Из-под лежанки Конан извлек флягу с элем и снова склонился над

картой. Нечаянно он дотронулся до обсидиана, некогда украшавшего прекрасную грудь Альцины.

Задумавшись, Конан смотрел на черный полумесяц. И мало-помалу все части головоломки совпали.

Альцину к нему подослал либо начальник секретной службы, либо колдун — подослали, чтобы убить. Следующей ее жертвой стал старый Прокас. Почему именно Прокас? Да потому, что со смертью Конана исчезал самый опасный враг Аквилонии, и сумасшедшего ее короля не от кого было бы защищать. И значит, ни Альцина, ни ее хозяин к моменту убийства Прокаса не знали о том, что Конан жив.

Не без горечи Конан подумал, что впредь нужно поосторожней выбирать себе подружек. Но почему Прокас? Не потому ли, что он стоял на пути у хозяина танцовщицы? И тут киммериец, наконец, понял, кому служила красотка. Конечно же, колдуну! Ибо соперничество чародея и старого полководца за влияние при дворе было известно всему свету.

При этой мысли Конан зажал черный талисман в ладони, и вдруг его охватило странное чувство. Ему показалось, что в голове у него зазвучали чьи-то голоса.

Он закрыл глаза, замелькали бесформенные тени. Конан хотел было схватиться за меч, но видение обрело черты, и он увидел женщину, восседавшую на черном железном троне. Она была расплывчатой, полупрозрачной, и киммериец никак не мог рассмотреть черты, как вдруг увидел горящие странным светом изумрудно-зеленые глаза.

Весь напрягшись, киммериец даже подался вперед, стараясь различить голоса. Один был женский. Когда он звучал, Конан видел, как шевелятся губы видения. Другой был незнакомый. Он отвечал Альцине.

Сухой, металлический и бесстрастный голос вещал по-аквилонски с легким чужеземным акцентом. Прежде, еще при дворе, Конан видел мага в тронном зале не раз, но ему никогда не доводилось слышать его голос. И все же он догадался, что собеседник Альцины именно Зуландра. Голос продолжал:

— ...Я не знаю, кто меня предал, но кто-то должен был предупредить варвара.

Альцина сказала в ответ:

— Это вовсе не обязательно, хозяин. Чутье у этой свиньи тощее, чем у лесного зверя. Он мог и сам почувствовать надвигающуюся опасность по дрожанию воздуха или земли. Что еще скажешь?

— Мне придется нянчиться с этим болваном Нумитором, пока не подойдет граф Раманский. Звезды говорят, что он будет здесь через три

дня. А я устал. Вызывать духов земли тяжелая работа. И пока я не приду в себя, я не могу колдовать.

— Тогда, прошу тебя, возвращайся! — воскликнула призрачная Альцина. — Все равно мятежникам не подняться наверх за три дня. А мне нужна твоя защита и поддержка.

— Защита? От кого?

— Его чертова величества не оставляет меня в покое. Мне страшно.

— Что понадобилось от тебя этому мешку с экскрементами?

— Ему нужна я, хозяин. Конечно, мне приходилось, подчиняясь твоей воле, отдаваться кому попало, но только не этому! Этому я не могу.

— Сэт и Кали! — воскликнул сухой злобный голос. — Когда я покончу с этим коронованным мерзавцем, он сам у меня попросится в преисподнюю! Утром же я отправлюсь в Тарантию!

— Будь осторожен. Не попадись мятежникам в руки! На Королевской дороге появились какие-то банды. А варвар вполне может совершить дерзкий налет...

В ответ раздался сухой смешок:

— Не бойся за меня, прекрасная Альцина. Я и в теперешнем состоянии уничтожу любого, кто посмеет ко мне приблизиться. А теперь — прощай!

Голос стих, и видение исчезло. Конан затряс головой, словно очнувшись от сна. Если завтра Зуландра уедет, а до прибытия графа Раманского не меньше трех дней, у мятежников есть надежда разбить Нумитора наголову... если, конечно, они смогут подняться.

Конан вышел из шатра вдохнуть свежего воздуха. Телохранители, которых ему приставил Просперо, так увлеклись какой-то игрой, что ни один не заметил, как легко, будто тень, киммериец проскользнул мимо.

Внешняя охрана, привычная к его ночным прогулкам, решила, что предводитель отправился проверять посты. Они отдали честь, а потом долго смотрели, как варвар миновал границу лагеря и вошел в лес. Киммериец с ехидством подумал, что Просперо, узнав о том, как командующий снова удрал от телохранителей, просто полезет на стену.

Конан достал из кармана подарок Голы и повертел в пальцах. Сатир говорил, что, когда понадобится помочь лесных человечков, надо подуть в дудочку. Так он и сделал — приложил к губам и дунул. Ничего не произошло. Нетерпеливо Конан дунул еще раз.

Может, после землетрясения сатиры ушли из леса? А может, слышат, но издалека, и нужно подождать немного. Конан ждал, в нетерпении похлопывая себя по ноге, прислушиваясь к жужжаниюочных насекомых и

шелесту ветерка. Время от времени он подносил к губам немую дудочку.

Наконец он различил в кустах какое-то движение.

— Кто тут играть лесная дудочка? — спросил на ломаном аквилонском тоненький голосок.

— Гола? — вместо ответа сказал Конан.

— Нет, я Чудик, хозяин. А ты кто? — Кусты раздвинулись.

— Я Конан-киммериец. Ты знаешь Голу? — Теперь, когда глаза свыклись с темнотой, Конан различил старого, согнутого годами сатира.

— Да, — ответил сатир. — Гола говорить про тебя. Спас его и еще четыре. Что ты хочешь?

— Чтобы убить колдуна наверху, мне нужна ваша помощь.

— Как Чудик помочь большой человек?

— Ущелье завалено. Ты знаешь другую дорогу?

В тишине звенела ночная мошара. Потом медленно сатир сказал:

— Есть маленькая дорога. Вон там, — и показал на восток.

— Далеко?

Сатир забормотал что-то по-своему, и голос у него стал похож на воронье карканье.

Киммериец озадаченно спросил:

— Для нас это день пути или больше?

— Быстро идти, тогда день.

— Ты покажешь дорогу?

— Хорошо. Если до солнца.

Через некоторое время Конан нашел Публия.

— Мы уйдем по тропе сатиров затемно, — сказал он. — Фургонам там не пройти. Бери обоз и двигай назад к Педассе, а оттуда прямо на Хорог. Если мы разобьем Нумитора, встретимся на тарантийской дороге, если нет... останешься один.

* * *

Второе ущелье оказалось намного уже. С плато его не было видно из-за деревьев и нависавших скал. Всадники медленно двигались вверх вдоль звонко журчавшего ручейка. То и дело какая-нибудь лошадь, испугавшись все тесней надвигавшихся базальтовых стен, с тонким ржанием пятилась назад, дико вращая глазами.

Даже шедшие сзади гуськом пехотинцы временами задевали камень плечами. Ночью, когда стало совсем уж темно и страшно, Конан приказал

держать друг друга за ремни. Так и шли всю ночь. Утром подъем одолел последний солдат.

Пока армия отдыхала, Конан отправил разведчиков уточнить расположение частей Нумитора. Они отсутствовали недолго.

— Лагерь стоит в нескольких лигах отсюда, в лесу у дороги.

Конан вопросительно посмотрел на своих капитанов.

— Не понимаю, — сказал Паллантид. — Нумитор, хоть и не слишком умен, трусом до сих пор не был.

— Скорее всего, — вставил Троцеро, — он узнал, что мы нашли другую дорогу, и испугался, как бы мы не сбросили его вниз.

— Его колдун предупредил, — предположил Просперо.

— Но это не все, господин, — продолжал разведчик, обращаясь к киммерийцу. — К ним подошли четыре когорты пехоты. Мы узнали знамена.

Конан кивнул:

— Значит, он снял из Вестермарка весь легион и границу там защищают только местные волонтеры. Опять мы проигрываем в числе. К тому же пограничные войска неплохо дерутся. Я отлично их помню. — Он помолчал. Потом спросил, обращаясь сразу ко всем: — Помните, Гола говорил что-то о том, что против врага у них есть свирели? Что бы это значило, как по-вашему?

Никто не знал. Тогда Конан сказал:

— Что ж, придется еще раз позвать сатира.

Когда наступили сумерки, Конан отправился вниз по узкой тропе. Он стоял один в глубине Броселлианской чащобы. Вновь и вновь прикладывал он к губам kostянную дудочку и наконец услышал шаги. Перед ним вновь появился седой сатир. В ответ на вопрос киммерийца Чудик сказал:

— Да, свирели иметь. Вели солдат твой затыкать уши.

— Заткнуть уши? — недоуменно переспросил Конан.

— Да. Пчелиный воск, глина. Тогда мы помогать.

* * *

Пограничные части герцога Нумитора встали полукругом у тарантийской дороги. Герцог, похоже, решил занять оборонительные позиции до прихода Ульрика Раманского. Солдаты его уже начали возводить земляной вал.

Армия Конана незаметно, скрываясь в подлеске, широкой цепью

приблизилась к лагерю. Но вдруг один из часовых заметил движение среди кустов и поднял тревогу. Люди побросали лопаты, схватились за оружие и выстроились.

Конан махнул рукой оруженосцам, те передали команду лучникам, и тотчас зазвенели тетивы и запели стрелы. Но никто из солдат киммерийца этого не услышал.

А до слуха легионеров долетел вдруг странный, тревожный, неизвестно откуда взявшийся звук. Словно кто-то неведомый играл на свирели. От этого звука начинали ныть зубы, а в душе поднимался непостижимый, беспричинный ужас. Солдаты бросали оружие, зажимая уши руками. Одни хохотали, другие плакали.

Звук приблизился, и поднявшееся желание бежать пересилило годы военной выучки. Один за другим легионеры бросались прочь, подальше от этого страшного места, и вскоре от ровного строя не осталось и воспоминания. Легион превратился в толпу испуганных насмерть людей. Конница Троцера настигала бегущих, многих брали в плен.

— Ну что ж, — сказал Конан, глядя на опустошенный лагерь. — Разбить неприятеля не разбили, зато оружия у нас теперь хоть отбавляй. Можно опять принимать наемников.

— Легкая оказалась победа, — сказал Просперо.

— Чересчур, — хмуро отозвался Конан. — А слишком легкая победа обманчива, как улыбка придворного. Так что я скажу, что дорога на Тарантию открыта, только когда увижу городские стены.

Глава 11

КЛЮЧ ОТ ГОРОДА

Беспрепятственно прошла Освободительная армия мимо роскошных пастбищ, где паслись прекрасные лошади, мимо высоких замков, на зубчатых башнях которых реяли пунцовые и золотые знамена. Перешла зеленые невысокие горы и наконец, подошла к границе Пуантина и срединного графства.

Но взгляд Конана был невесел. Пограничные части герцога Нумитора развеялись подобно осенним листьям, но теперь новый враг косил войско. И от этого врага не было никакой защиты. Это была болезнь. Люди покрывались красными пятнами и падали в лихорадке. Многих пришлось оставить по дороге в деревнях, многие в страхе перед заразой бежали, многие умерли.

— Сколько же нас осталось? — спросил Конан у Публия вечером, когда они вошли в деревушку под названием Элиния.

Бывший королевский казначей достал свои восковые таблички, после чего сказал:

— Около восьми тысяч, считая легкобольных, которых около тысячи.

— Кром! Когда мы перешли Алиману, нас было десять тысяч, десятки сотен пристали к нам по дороге. Что же это такое!

— Кто-то пришел к нам, думал, здесь пряниками кормят. А потом отошел от дома лиг на десять, попотел как следует, да и вернулся, — отозвался Троцеро. — Такие начинают тосковать, да к тому же сейчас пора жатвы.

— А скольких свалила болезнь! — добавил Декситус. — Врачи перепробовали уже каждую травку — ничего не помогает. Просто колдовство какое-то. Что за злая судьба нас преследует!

У Конана готово было сорваться едкое словечко, но он прикусил язык. После землетрясения он предпочитал больше не спорить о могуществе магов и колдунов.

— Если бы мы заставили сатиров пойти с нами, — вставил Просперо, — численность наша не имела бы никакого значения.

— Но им же нельзя оставлять Броселлианский лес, — сказал Конан.

— Если бы ты взял в заложники старого Чудика, они бы постарались.

— А вот это уже подлость! Чудик доказал свою дружбу. И я не позволю, чтобы с ним так обошлись, — грозно рявкнул Конан.

Троцеро примирительно улыбнулся и пошутил:

— Не ты ли не так давно подсмеивался над герцогом за чрезмерную приверженность идеалам благородства?

Конан хмыкнул.

— Дикарь, — сказал он, — мало беспокоит судьба своих предводителей. Я среди них жил и знаю. Но даже если бы они и впрямь любили старика, сомневаюсь, чтобы эта любовь смогла выгнать их из леса на открытое пространство. И хватит о них. Лучше скажи, что говорят разведчики о приближении Ульрика.

— Ничего, — сказал Троцеро. — Правда, сегодня они заметили вдалеке нескольких всадников — неслись галопом и быстро исчезли. Не знаю, кто это был. Но скорее всего, северным баронам все-таки удалось задержать графа.

— Завтра я возьму отряд Гирто, и проверим — пройдем вдоль границы, а потом к Элимии.

— Ну нет, — возразил Просперо. — Ты же командующий. Командующий не должен подставлять себя под стрелы. Командующий должен находиться сзади, всеми руководить, а не рисковать жизнью подобно безродному наемнику.

Конан нахмурился.

— Если я еще здесь командую, — сказал он, — позволь мне делать все так, как я считаю нужным. — Но, увидев вытянувшееся лицо товарища, улыбнулся и хлопнул его по плечу: — Не бойся, я не собираюсь рисковать. Хотя иногда даже главнокомандующий армии должен разделять опасности, которые ежеминутно подстерегают его солдат. Кроме того, ты что, забыл, я ведь и есть безродный наемник?

Просперо обиженно проворчал:

— А по-моему, ты просто никак не хочешь отказаться от своей варварской страстишки подраться на кулачках.

Конан в ответ только улыбнулся, показав широкий волчий оскал, и ничего не сказал.

* * *

Конан двинул в путь на следующее утро. Дорога лежала перед ним словно золотистая лента. Ехал он во главе отряда, поблескивая кольчужной рубахой, а рядом покачивался в седле капитан Гирто. Солдаты гордо озирали окрестности, и у каждого к ноге было пристегнуто длинное копье.

Селяне работали в полях и на виноградниках, при приближении воинов оставляли работу и, оперевшись о грабли или мотыгу, смотрели, как проезжают солдаты. Разва два повстанцам приветливо помахали рукой, но в основном — стояли молча и неподвижно.

— Ждут, кто выиграет, — сказал Гирто.

— И правильно делают, — ответил Конан. — Если мы проиграем, тем, кто поддерживает нас, несдобровать.

Поднявшись на следующий холм, они увидели прижавшуюся к земле в просторной долине деревушку Элимию. Среди сложенных из необожженного кирпича домов вилась маленькая речушка, лениво струившая свои воды на восток к Хорот. По берегам ее любовались своим отражением плакучие ивы.

Деревня, где жило не меньше двух сотен душ, явно нуждалась в защите. Обитатели ее до того разбаловались за несколько десятилетий мирной жизни, что совершили запустили наружный вал — тоже из такого же кирпича, — который почти совсем обвалился. Самых жителей нигде не было видно.

— Что-то слишком тихо, — пробормотал Конан, вглядываясь. — В такой погожий денек кто-то должен же быть на улице.

— Может быть, спят после обеда, — предположил Гирто. — Или, наоборот, все, кроме младенцев и дряхлых стариков, работают в поле.

— Все до единого? — проворчал Конан. — Не нравится мне это.

Двое солдат спустились с холма по пологому склону и исчезли в кривой, узкой улочке. Вскоре они появились вновь, жестами показывая на скаку, что все тихо.

— Надо самому посмотреть, что там такое, — буркнул Конан.

Гирто сделал солдатам знак, и сотня двинулась вслед за Конаном.

Солнце походило уже на огромный оранжевый диск, медленно катившийся к западу, и в его радостных, ярких лучах черные немые дома казались особенно зловещими. Солдаты ехали и смотрели вокруг с нарастающим изумлением: нигде никого не было.

— А может быть, — продолжал строить предположения капитан, — жители узнали, что к ним подходят сразу две армии, и сбежали, не желая попасть между молотом и наковальней.

Конан только пожал плечами и поправил ременные ножны, чтобы меч ходил по свободней. По обе стороны улицы почти вросли в землю невысокие домики с крытыми соломой крышами. Дверь одного из них стояла открытой, и внутри виден был прилавок. Крашеная доска над дверью сообщала, что здесь пивная лавка. Назвать свое заведение

постоялым двором хозяин, видно, не решился. В конце этой короткой улочки, чуть в глубине, стояло похожее на сарай здание. Судя по всему, это была кузница. Но внутри стояла мертвая тишина — ни стука молота, ни звона металла. У Конана — он и сам не назвал бы причины — волосы встали дыбом.

Конан приподнялся в седле, оглядываясь назад, как раз в тот момент, когда последняя пара солдат въезжала в деревню. Улица была настолько узкой, что, двигаясь в ряд по двое, лошади задевали боками стены домов.

— Отличное место для засады, — сказал Конан. — Скомандуй, чтобы они поторапливались.

Гирто маxнул трубачу. Но в ту же секунду все двери одновременно распахнулись, и на улицу с громким кличем выскочили королевские солдаты. Они с двух сторон атаковали мятежников. Мечи их давно жаждали крови.

Впереди, перекрыв дорогу, встал тройной ряд копейщиков с длинными острыми копьями наперевес. Медленно они подвигались к Конану, и в глазах у них было желание драться до последнего.

— Кром! — взревел Конан и выхватил меч. — Мы в западне! Вели людям разворачиваться.

Шум сражения становился все громче: яростные крики людей, неистовое ржание, звон клинка о клинок, стук мечей о щиты и глухой стук падающих тел. Все преимущества были на стороне неприятеля. Застигнутые врасплох в тесной улочке, солдаты Конана не могли даже как следует развернуться.

Мятежники, подстегиваемые яростью отчаяния, отбивались копьями как могли. Кое-кто,бросив копье, хватался за меч. Люди ругались, посылая проклятия каждому своим богам. Раненые лошади вставали на дыбы с визгом, каким черти визжат в ад. Одной пропороли брюхо, и она упала, лягая воздух, едва не раздавив седока, на которого тотчас набросились со всех сторон, и он дрался, пока не лег рядом со своей гнедой.

Еще одного выбили из седла ударом древка, и его затоптали копытами. Третий тоже упал, но тотчас прижался к стене и отбивал все удары сверкающей сталью меча.

Мечи и копья мятежников уложили уже не одного солдата Ульрика Раманского. Дорожная пыль была залита кровью, и на земле стонали умирающие.

Конан рычал, как лев, пробиваясь назад, протискиваясь между крупами лошадей и стенами. Огромный меч взлетал и опускался без устали, и с каждым взмахом падал новый солдат. Трижды у противников

киммерийца отлетали руки, и кровь фонтаном била из чудовищных ран. Конан, не переставая, орал:

— Назад! Назад! Разворачивайтесь! Прочь из деревни! На дорогу!

Но каким бы мощным ни был его голос, он тонул в общем шуме схватки. Понемногу солдатам его все же удалось развернуться, и они стали прорываться к южному выходу. Рядом с Конаном капитан Гирто вместе с несколькими старыми солдатами сдерживал натиск копейщиков. Насмерть перепуганные лошади отступали перед ощетинившейся цепью. Если падал один, на место его сзади вставал другой. И как бы ни дралась горстка храбрецов, им не под силу было остановить эту стальную волну. Тут упал еще один легионер.

Лошадь Конана ступила на распростершееся тело, и киммериец, натянув повод, поднял ее на дыбы, чтобы она не подвернула ногу. Одновременно другой рукой он отбил тяжелый удар меченосца, который успел подставить щит, но не устоял и рухнул на колени, схватившись за сломанную руку, по лицу его потекли слезы.

Конан окинул взглядом уложку, где за спинами легионеров уже почти не видел сражающихся бойцов своей сотни. На земле валялись окровавленные человеческие и конские трупы, а королевские воины, словно ищёйки, выискивали недобитых мятежников, все ближе и ближе подбираясь к оставшимся в живых трем всадникам, среди которых был тот, ради кого и задумывалась вся эта хитроумная ловушка.

Конан повернул голову вправо и вдруг заметил между двумя полуразвалившимися домишками узкий проход, заросший сорной травой.

— Гирто! — заревел киммериец. — Сюда! Ко мне!

Помедлив ровно столько, сколько было нужно, чтобы убедиться, что его услышали, Конан рывком устремил лошадь в этот проход. Мгновенно они оказались в тени, и враги не сразу заметили их исчезновение.

Получив неожиданную передышку, Конан бросил поводья и предоставил измученной лошади бежать куда ей вздумается. Как вдруг, несмотря на густившиеся сумерки, он заметил свинарник, где вместо ворот была обыкновенная широкая доска, накрепко привязанная веревкой к ограде. Конан взмахнул окровавленным мечом, и доска упала.

Гирто с товарищем в изумлении переглянулись, решив, уж не тронулся ли их предводитель в жестокой схватке умом. Но, следуя молчаливому жесту, двинулись за ним.

Из-за дома вырвалась целая толпа вражеских пехотинцев и устремилась в погоню.

Гирто закричал:

— Быстрой, Конан! Нас обнаружили!

Конан пригнулся к шее лошади, касаясь щекой жесткой гривы. В конце проулка оказался в темноте едва видный высокий забор.

Лошадь под Конаном сделала могучий скачок и перемахнула через препятствие. Потом приятель Гирто, Сардий. А вот самому Гирто не повезло: его лошадь слишком устала и, зацепившись за жердь, сломала шею.

Гирто вылетел из седла, но мгновенно вскочил и выхватил меч, готовый дорого отдать свою жизнь. Тут как раз появились и всадники, в мгновение ока догнавшие пеших копейщиков. Но неожиданно лошади их затанцевали, тесня пехотинцев к стенам.

Гирто в изумлении смотрел на свое чудесное избавление. «Неужто опять магия?» — пробормотал он про себя.

Но он быстро понял, в чем дело. Здоровенная хавронья с двадцатью поросатами ринулась под ноги лошадям, распространяя ужасное зловоние. Они выбрались из загородки и направились к овощным грядкам.

Через забор он услышал голос Конана:

— Быстро перелезай, приятель!

Гирто без рассуждения полез через забор и перевалил на другую сторону как раз вовремя.

— Держись за седло! — гаркнул Конан.

Гирто ухватился за ременную подпругу и гигантскими прыжками понесся рядом с лошадью. Рысью они перемахнули через поле, оставив преследователей позади.

Когда деревенские дома превратились в маленькие темные пятнышки, Конан остановился и сказал, глядя на лежавшие в гаснущем свете холмы:

— Колонну мы успеем догнать. Но сначала я хочу знать, откуда взялись враги. Надо подняться на холм.

С высоты холма Конан долго вглядывался в даль. К северу от деревни он заметил светлые пятна шатров. Лагерь стоял за невысоким пригорком и поэтому не был виден из долины. Сосчитав ярко пылавшие костры походных кухонь, Конан сказал:

— Ну что, вот и армия Ульрика. Как ты думаешь, Гирто, сколько их?

Гирто тоже прикинул на глаз:

— Судя по числу костров и размерам стоянки, когорт двадцать, не меньше. Что скажешь, Сардий?

— Не меньше двадцати тысяч, мой господин, — ответил старый воин. — А что там за флаг болтается справа?

Конан сощурил свои зоркие, как у кошки, глаза и вперился в темноту.

— Будь я проклят, если это не стяг Черных Драконов! — воскликнул он.

— Королевских гвардейцев? — изумился Гирто. — Это невозможно, разве что сам король явился сюда вместе с Ульриком!

— Непохоже, чтобы он был здесь: королевского флага что-то не видно, — буркнул себе под нос киммериец. — Что ж, пора догонять своих. До лагеря неблизко.

Сардий сел на лошадь позади своего капитана, и троица, обогнув осторожно деревню, где теперь лежали их товарищи, выбралась наконец на дорогу. Возле ближней рощи они увидели свою сотню, которая ждала командиров. Сотня стала меньше по крайней мере на треть, многие были ранены.

При виде Конана, Гирто и Сардия солдаты воспряли духом и встретили их громовым «ура».

— Благодарю, но поберегите глотки для победы, — крикнул Конан. — А мне надо было бы приказать проверить каждый дом, прежде чем соваться туда всем вместе. А вы, парни, задали им жару — долго будут помнить. А сейчас — в путь. Надо хоть к рассвету добраться до наших.

* * *

На следующее утро Конан подробно рассказал обо всем случившемся на совете. Просперо присвистнул:

— Двадцать тысяч! В рукопашной они нас живьем сожрут!

Проглотив огромный кусок мяса, Конан прикрикнул:

— И в мыслях не держи такого! Что сказано, то и сбудется! Построй всех, кроме тех, кто вернулся из Элимии, — пусть начнут возводить укрепления. С таким превосходством в численности Ульрик может решиться на ночной бой. Если к ночи у нас не будет вала и рва, он прихлопнет нас здесь, как мух.

— А что такое с Черными Драконами? — воскликнул Троцеро. — Не может быть, чтобы король отоспал свою гвардию, а сам остался без защиты!

Конан пожал плечами:

— Я говорю только о том, что видел. У кого еще есть черный флаг с крылатым драконом?

— Отправив гвардию сюда, король, конечно, стал уязвим. Но нам-то от этого легче, что ли? — сказал Паллантид.

— Если это и впрямь они, то как раз наоборот, — сказал Троцеро.

— Ну, друзья, за дело. Пора возводить укрепления, — произнес Конан. — Времени у нас нет.

* * *

Легкий утренний ветерок перелетел через высокий земляной вал и подул в усталые лица только что закончивших свои труды солдат. Чуть позже обозные отправились было за водой к речке, тут на пригорке появился отряд вражеской конницы. Двое, старик и совсем молоденький юноша, не успев добежать до укрепления, были убиты.

Сунувшийся в разведку отряд легкой конницы тоже пустился наутек. Преследователи гнали их до самых ворот. С воплями, визгами пронеслись они мимо, бросая дротики. Наспех выстроившиеся на валу лучники подстрелили пару лошадей, а солдат подхватили товарищи, и отряд умчался. Усталое войско Конана едва держалось на ногах после тяжелой работы и напряжения.

Вечером на совете Публий сказал:

— Я человек не военный, но, по-моему, надо удирать, пока Ульрик не вынудил нас сдаться или не взял измором. Сил на это у него хватит. Болезнь прошлась по нашим рядам, как серый призрак.

— А я вот что скажу, — стукнул по столу кулаком граф Троцеро. — Надо удержать эту позицию, пока не подойдут пуантенцы. Ульрик окружит нас, а мои люди — его.

— Накануне жатвы? — охладил его Публий. — Вряд ли ты даже тысячу селян наберешь. Да и как простолюдины, которые и оружия в руках не держали, кроме грабель разве что да топора, как они смогут сражаться с отборными войсками? Если бы мы были в лесу, нам опять помогли бы сатиры, а так!..

Просперо перебил:

— Ну да, а потом королевская гвардия догадалась бы залепить уши — и все. Я лично предпочел бы попытаться застать их сегодня ночью врасплох.

Паллантид покачал головой:

— Это можно только с хорошо обученными, опытными солдатами, а наши только перебают друг друга в темноте.

Спор тянулся долго и безрезультатно. Конан сидел хмурый и почти ничего не говорил. Вдруг вошел часовой.

— Господин, — обратился солдат. — Прибыл капитан легионеров. С ним пятьдесят всадников. У них белый флаг. Капитан хочет поговорить с тобой.

— Пусть у него заберут оружие и ведут сюда, — сказал Конан, выпрямившись.

Через несколько минут полог вновь откинулся и в шатер вошел человек в доспехах. Поверх доспехов на нем была белая накидка с изображением черного аквилонского орла, а на шлеме — крылья дракона. Капитан сдержанно отдал честь.

— Кто из вас Конан? Я Сильванус, капитан Черных Драконов. Если мы тебе нужны, мы хотели бы перейти на твою сторону.

Конан, сощурившись, оглядел капитана с ног до головы. Капитан был высокий, отлично сложенный, светловолосый человек, — пожалуй, слишком молодой для столь высокого чина.

— Мы рады, капитан Сильванус, — наконец проговорил киммериец. — Благодарю тебя за доверие. Но прежде чем согласиться, мне хотелось бы узнать о тебе побольше.

— Разумеется, господин. Спрашивай.

— Во-первых, скажи, с какой стати вы решили к нам переметнуться? Положение наше незавидное, Ульрик превосходит нас числом не меньше чем вдвое, полководец он опытный. Так в чём же дело?

— Все очень просто, Конан. Мы посовещались и решили рискнуть. Лучше погибнуть под знаменем восстания, чем жить спокойно при спящем короле... хотя я не знаю, кому такая жизнь может показаться спокойной.

— Но почему именно сейчас?

— Да потому, что раньше у нас не было такой возможности. Мы прибыли только вчера, как раз перед вашей стычкой с солдатами Ульрика. Если бы мы попробовали пробиться к тебе раньше, королевские войска не дали бы нам пройти и половину дороги.

Конан спросил:

— Скажи, Нумедидес отправил сюда всех Драконов?

— Да, с ним остались всего несколько старых гвардейцев.

— С чего этот пес решил вдруг обойтись без гвардейцев?

— А он провозгласил себя богом. Он думает, что он бессмертен. И раз он стал теперь неуязвим, ему ни к чему охрана. Кроме того, он окончательно решил разделаться с вами и поэтому отправляет к Ульрику всех, кто есть. Части Нумитора с восточной границы — тоже.

— А где Зуландра Тху?

Сильванус побледнел:

— На это имя слетаются демоны, Конан. С тех пор как Нумедидес спятил, страной правит колдун. Он не глуп, в отличие от короля, но жесток и жаден. Всем известно, сколько несчастных девочек замучил он ради своих нечестивых чар. — Капитан порылся в кармане штанов и извлек оттуда миниатюрный портрет на алебастре в золоте и на золотой цепочке. На портрете была изображена девочка лет десяти. — Это моя дочь. Она умерла. Это он забрал ее. Если только боги допустят, я перегрызу колдуна глотку собственными зубами. — У капитана дрожал голос и руки.

Конан взглянул на портрет, и взгляд его зажегся такой яростью, что товарищи его невольно поежились. Он пустил портрет по кругу, чтобы все увидели, а потом вернул капитану.

— Нам нужны еще сведения об армии Ульрика. Сколько у него людей?

— Тысяч двадцать пять, не меньше.

— Откуда столько? Когда я служил на севере, армия была не в пример слабее.

— Герцог Нумитор присоединился к Ульрику. А потом из Тарантии пришел весь легион Драконов.

— А что случилось с самим герцогом?

— В отчаянии после разгрома он заколол себя кинжалом!

— Вот как! Ты уверен, что ему не помогли? — спросил Конан. — Про Амалиуса Прокаса тоже говорили, что он заколол себя, но я знаю, кто его убил на самом деле.

— Тут сомнения быть не может. Герцог убил себя при свидетелях.

— Жаль, — сказал Троцеро. — Он был благороднее многих и слишком простодушен для кровавых гражданских смут.

Конан прервал его:

— Не об этом сейчас речь. Паллантид! Отведи капитана и его солдат в шатер, а потом возвращайся. Доброй ночи, капитан.

Публий, который все это время молчал, вдруг спросил:

— Одну минуту, капитан. Скажи, кто твой отец?

Капитан, откинувший было полог, остановился:

— Сильвий Макро, господин. А почему ты спросил?

— Мы были знакомы, когда я служил казначеем у короля. Спокойной ночи!

* * *

Когда капитан Сильванус удалился, Конан сказал:

— Ну, что скажете? Для разнообразия оно неплохо, что бегут к нам, а не от нас.

— Кажется, — сказал Просперо, — Зуландра замыслил новое убийство. Он ждет не дождется, когда тебе всадят нож в спину.

— Не согласен, — возразил Троцеро. — Этот Сильванус — честный молодой человек. Он совсем не похож ни на продажных наглецов Нумедидеса, ни на зачарованного слугу колдуна.

— Нельзя доверять внешности, — ответил на это Просперо. — Яблочко может быть красненьким, да полно червячков.

— Не позволите ли вставить словечко, — в тон ему сказал Публий. — Я знаю его отца. Это честный, весьма достойный горожанин. Надеюсь, он и сейчас здравствует.

— Дети не всегда похожи на отцов, — мрачно упорствовал Просперо.

— Просперо, — остановил его Конан, — мне льстит такая забота о моей безопасности. Но человеку приходится рисковать, особенно на войне. Сколько ты меня ни пугай ножом в спину, но сейчас наша главная угроза — Ульрик. И если ничего не придумать, он покончит сразу с нами со всеми.

В шатре наступила тишина. Конан сидел, глядя в землю. Наконец он сказал:

— План у меня есть — план опасный. Но он не опасней того положения, в котором мы очутились сегодня. Тарантая осталась беззащитной, сумасшедший король играет в бессмертного бога. Отряд отчаянных смельчаков, одетых Драконами, может пройти во дворец...

— Конан! — вскричал Троцеро. — Тебя вдохновили боги! Я сам поведу отряд.

— Нет, друг мой, ты нужен в Пуантене, — возразил Просперо. — Это я...

— Из вас не пойдет никто, — твердо сказал Конан. — После войны с Вилерусом в срединных провинциях пуантенцев не слишком любят.

— Тогда кто же? Паллантид? — спросил Троцеро.

Конан тряхнул своей черной гривой, и взгляд его зажегся жарким огнем.

— Я либо сделаю это, либо погибну, — сказал он. — Отберем опытных солдат, попросим у капитана накидки и шлемы. Сам капитан Сильванус тоже отправится с нами, чтобы нас пропустили в город. Он наш ключ к городским воротам.

Публий предостерегающе поднял руку:

— Погодите-ка, господа, погодите. План у Конана великолепный, и он

наверняка сработал бы, если бы не одна деталь. В Тарантии ему придется иметь дело не только с дураком королем, но и с могущественным волшебником, который может двигать горами и вызывать духов земли и воздуха.

— Я не боюсь колдунов, — проворчал Конан. — Много раз мне приходилось биться с ними. Помню, один попался крепкий! Долго махал ручонками и бормотал заклинания. Только это не помогло.

— Как же тебе удалось выжить? — удивился Троцеро.

— Я просто метнул в него свой меч.

— Не слишком рассчитывай, что такое пройдет дважды, — сказал Публий. — Сила у тебя, конечно, огромная, и чутье, какого больше ни у кого нет, но удача все-таки не всегда сопутствует даже героям.

— Когда мне суждено погибнуть, тогда я и погибну, — проворчал киммериец.

— Но не забудь, что и мы можем погибнуть с тобою вместе, — сказал Просперо. — Позволь мне послать кого-нибудь за Декситусом. Жрецу известно больше, чем нам.

Конан неохотно согласился.

Декситус выслушал Конана, сложив на коленях руки, и сказал:

— Публий прав, Конан. Нельзя недооценивать могущества Зуландры. Нам, жрецам, хорошо известно, насколько страшны темные, безымянные и бесформенные тени, которые существуют рядом с человеком.

— Откуда он только взялся на наши головы! — в досаде воскликнул Троцеро. — Одни говорят — из Вендии, другие — из Стигии.

— Они ошибаются, — сказал на это Декситус. — Братья мои знают, он явился сюда из Лемурии — страны, которая лежит на островах далеко за Кхитайским морем. Острова эти — остатки древнего материка, давно исчезнувшего в океане. Чтобы противостоять волшебнику, владеющему древней магией, тебе, Конан, понадобится кое-что, кроме меча и доспехов.

Троцеро спросил:

— Неужели же в нашем лагере нет какого-нибудь завалявшегося чародея?

— Ну уж нет! — взревел Конан. — Эти штучки оставьте кому-нибудь другому — я не приму помощи колдуна!

Лицо Декситуса приняло скорбное выражение:

— Конан, может быть, ты и не отдаешь себе отчет, но ты очень огорчил меня.

— Каким образом? — удивился киммериец. — Я обязан тебе многим и не хотел бы расстраивать без причины. Перестань говорить загадками,

дорогой мой друг.

— Ты сказал, что терпеть не можешь волшебников, что все они для тебя просто проходимцы, а ведь одного ты считаешь своим другом. Тебе нужна помощь, а ты даже и слышать о ней не хочешь. — Декситус замолчал было, но Конан знаком попросил его продолжать. — Знай же, что в дни моей юности я тоже начал изучать черную магию, хотя был не слишком хорошим учеником. Потом мне открылся свет Митры, и я оставил занятие с демонами и другими оккультными силами. Иначе меня не приняли бы в жреческий орден. И потому, когда мы отправимся...

— Мы?! — нахмурившись, воскликнул Конан. — Колдун ты или не колдун, ты слишком стар, чтобы проскакать верхом больше ста лиг! Тебе не выдержать такого путешествия.

— Глупости. Я намного крепче, чем ты думаешь. Годы строгой жизни не прошли напрасно, а тебе я понадоблюсь, парочку заклинаний я еще помню. Но когда мы отправимся туда, все узнают, что я занимался магией, и придется мне оставить храм. Печальный конец.

— Разве использование магии во имя победы непростительный грех? — сказал Конан.

— Для тебя — нет. Для жреца — да. К тому же мой орден относится к числу самых нетерпимых во всем, что касается колдовства. Но и выбора у меня тоже нет. Все, что я знаю и умею, я отдам на благо Аквилонии. — Жрец вздохнул, и во вздохе его слышны были слезы.

— Когда все закончится, — сказал Конан, — я попробую уговорить сделать для тебя исключение из этих суровых правил. А теперь, друг мой, пора собираться. Выезжаем через час.

— Сегодня?

— А когда же? Если пережидать ночь, утром нас окружит Ульрик, и что тогда? Просперо, подбери мне людей из своей сотни. Да смотри, чтобы у каждого было по две лошади. Но все должно быть сделано тихо. О нашем отъезде никому не говорить. Так что, пока меня нет, занимайтесь укреплениями. Ну, прощайте!

* * *

Молодая луна осветила верхушки деревьев, когда отряд всадников потихоньку вышел из лагеря. Впереди в белой накидке и шлеме Дракона ехал Конан. Рядом с ним с одной стороны покачивался в седле капитан Сильванус, с другой — Декситус, жрец Митры, одетый теперь как они.

Следом ехали пятьдесят солдат, и каждый вел в поводу запасную лошадь.

Сильванус помог обойти лагерь Ульрика, и, выехав вновь на тарантийскую дорогу, отряд пошел ровной рысью. Вскоре зашла луна, и темнота поглотила отчаянных храбрецов.

Глава 12

ТЬМА В ЛУННУЮ НОЧЬ

Солнце давно село. На безоблачном небе ярко сияла луна. В королевском дворце в Тарантии монарх завершил вечернюю трапезу в Малой столовой, и золотые блюда уже убрали. Кроме дегустатора, стоявшего возле королевского кресла, двух гвардейцев, карауливших у отделанных серебром дверей, и прислуживавших за столом лакеев, никого больше в Малой столовой за ужином не было.

В королевских покоях горели тысячи ламп и свечей. И столь праздничным было это освещение, что всякий, кто заглянул бы в этот час во дворец, решил бы, что либо идет коронация, либо торжественный прием в честь дружественного соседа.

Но дворец был необычайно пуст. Не слышно ни милой болтовни дам, ни шарканья ног высших сановников. Залы немы и безлюдны, если не считать нескольких стражников с серебряными пластинами на груди, в которых отражались горящие огни. Карабульные — либо безусые юноши, либо седобородые старики: едва дворцовая гвардия отправилась воевать с мятежниками, министры немедленно заменили Драконов другой стражей.

Лампы и свечи горели ночь напролет, ибо король, вообразив себя богом солнца, решил, что и ночью у него должно быть светло, как днем. И потому слуги бегали от лампы к лампе, проверяя, не закончилось ли в них масло, и с полными пригоршнями свечей снимали огарки в больших канделябрах.

Теперь, когда король окончательно потерял рассудок, придворные старались больше здесь не появляться. Первым, кто испросил позволения не бывать при дворе ежедневно, был канцлер Вибиус Латро, чьи кабинеты и жилые апартаменты располагались прямо во дворце. В один прекрасный день он отправил королю прошение об отпуске. Он написал, что чрезмерное усердие изрядно подкосило его здоровье и, если король не желает навсегда лишиться советов досточтимого канцлера, он должен отпустить того немедленно в загородное имение.

Когда король получил это прошение, он, только что запоров до смерти одну из своих младших жен, пребывал в отличнейшем расположении духа и просьбу удовлетворил. Латро немедля погрузил все свое семейство в кареты и отбыл якобы к себе, в северную провинцию. Но на первом же перекрестке приказал свернуть к восточной границе, и кареты понеслись в

Немедию. Вскоре примеру канцлера последовали и другие сановники, а затем и простые дворцовые слуги.

* * *

В Малой тронной гостиной на полу лежал пестрый персидский ковер. Золотой узор оплетал рубиново-красный, сапфировый и аметистовый рисунок. На ковре стоял трон — поменьше того, что в Большом тронном зале, — довольно безвкусно изукрашенный львами, драконами, звездами и мечами. На спинке его гордо раскинул крылья аквилонский орел, отделанный драгоценными каменьями.

Рядом с троном лежал на специально установленной лиловой подушечке серебряный скипетр — символ царственной власти — и стоял прислоненный к ней огромный двуручный Меч Властителя, рукоять и ножны которого тоже сплошь были усеяны рубинами, алмазами и сапфирами.

В гостиной в этот час было двое: король Нумедидес, с тонким золотым обручем на голове, в длинном пурпурном одеянии, заляпанном вином и жиром, и Альцина, в развевающемся шелковом платье цвета морской волны.

Они стояли по обе стороны от трона, держась за подлокотники.

Альцина шипела:

— Ах ты, старый кобель! Да я лучше умру, чем позволю тебе коснуться себя. Где тебе за мной гоняться, старая, жирная, мерзкая дрянь! Поди, найди себе какую-нибудь свинью. Она тебе больше подходит.

— Я же сказал, я не сделаю тебе ничего дурного, маленькая ты злючка! — проскрипел в ответ Нумедидес. — Но поймать тебя я все-таки поймаю. Никто не в состоянии противиться желаниям короля, почти бога! Ну-ка, иди сюда!

Нумедидес неожиданно метнулся вбок, явив неожиданное проворство, и, застигнутая врасплох, Альцина оказалась вдруг с ним лицом к лицу. Король двинулся на нее, широко растопырил руки, и красотке нечего было надеяться проскользнуть в резные двери, которых в стене позади трона было две — и слева, и справа.

Рука Альцины метнулась к поясу и выхватила крошечный кинжалчик, острие которого было отравлено тем же самым ядом, что убил прославленного полководца.

— Предупреждаю тебя, назад! — вскричала она. — Один укол этого

клиника — и ты покойник!

От неожиданности Нумедидес на шаг отступил.

— Вот же дурочка, — пробормотал он. — Ты что, не знаешь, что теперь меня нельзя убить?

— А вот это мы сейчас и проверим!

Король отступил еще на шаг к трону и схватил скипетр. Со скипетром в руках он вновь двинулся на дрожащую девушку. И когда Альцина замахнулась кинжалом, ударил ее по руке серебряной рукоятью. Кинжал отлетел на ковер, и Альцина с воплем ярости схватилась за ушибленную руку.

— Вот теперь, маленькая ты ведьма, мы посмотрим... — начал было король.

Но тут правая дверь распахнулась, и на пороге появился Зуландра, опиравшийся на резной посох.

— Как ты попал сюда? — взревел от гнева Нумедидес. — Двери же заперты!

Голос темнолицего волшебника прозвучал в ответ как удар хлыста:

— Ваше Величество! Я же просил не трогать моих слуг!

Король разозлился окончательно:

— Я не трогал. Я играл. И кто ты такой, чтобы отчитывать бога! Кто правит здесь?

Чародей улыбнулся своей печальной, тонкой улыбкой:

— Ты король, но правишь не ты. А я.

Нумедидес зашелся в припадке ярости:

— Ах ты пакостный шарлатан! Прочь отсюда с моих глаз! Иначе я поражу тебя гневом молний...

— Успокойтесь, Ваше Величество! Я привез известие...

Королевский крик превратился в визг:

— Я сказал, прочь! Я тебе покажу...

Взгляд его упал на меч. Король ухватился за двойную рукоять, вытащил гигантский клинок из роскошных ножен и двинулся на колдуна. Зуландра спокойно ожидал, когда король подойдет поближе.

Оглушительно взвизгнув, король обрушил тяжелый клинок на голову колдуна. Но тот, даже не переменившись в лице, в последнюю секунду поднял свой резной посох. Меч зазвенел, словно ударившись о крепкую сталь, вырвался из рук Нумедидеса, вращаясь, взвился в воздух и упал прямо перед королевским носом, чиркнув монарха по щеке. Из пореза, длиной в палец, потекла кровь, запачкав его рыжеватую бороду.

Нумедидес схватился за щеку и тупо уставился на кровь:

— У меня идет кровь, как у простого смертного! Как это может быть?!

— Значит, вам еще рановато надевать мантию бессмертного божества, — сухо улыбнулся Зуландра.

Нумедидес едва не задохнулся от захлестнувшего его гнева:

— Слуги! Гвардейцы! Федо! Маниус! Где вы, черт вас всех побери! Государя вашего убивают!

— К нему никто не придет, — спокойно произнесла Альцина. — Он сам сказал мне, что отослал отсюда всех слуг. Пусть вопит сколько душе угодно. — Она откинула со лба черную, будто ночная тьма, прядь ушибленной рукой.

— Где мои подданные? — вопил король. — Валерус! Прокас! Теспиус! Громель! Вольмант! Где придворные? Где Вибиус Латро? Неужели все покинули меня? Все предали меня, несмотря на то, что я сделал для Аквилонии! — Тут покинутый монарх разрыдался.

— Как тебе, собственно, известно, — холодно проговорил колдун, — Прокас убит, Вибиус Латро уехал, Вольманта ты сам отправил помогать Ульрику, Громель переметнулся на сторону мятежников, остальные же — кто где. Так что прошу тебя, сядь и слушай. Я должен тебе кое-что сказать.

Нумедидес в своем заляпанном платье грузно опустился на трон. Из рукава он достал грязный, замызганный платок и вытер щеки, отчего ткань немедленно покраснела.

— До тех пор, пока ты не придешь в себя, — сказал Зуландра, — править страной буду я. Так будет лучше.

— Никогда ты не станешь королем, — буркнул в ответ монарх. — Ни один аквилонец тебя не признает. В тебе нет королевской крови, ты не аквилонец. Ты вообще не хайбориец. И я уже начинаю думать, что ты и вовсе не человек. — Он замолчал и поднял глаза. — Ты и я ненавидим друг друга, но все же я тебе нужен. Не меньше, чем ты мне. Говори, что у тебя за новость! Надеюсь, ничего худого. Давай, колдун, не заставляй меня ждать!

— Если бы ты не болтал... Сегодня я разложил для нас гороскоп, и звезды говорят о смертельной опасности для нас обоих.

— Опасности? Это еще откуда?

— Не знаю, но так сказали звезды. Она не может исходить от войска. Я только что принял донесение Ульрика, и он пишет то, что я видел по звездам: он окружил мятежников недалеко от Элимии, и скоро они либо разбегутся в страхе перед огромной силой, либо будут уничтожены. Так что этого бояться не приходится.

— А не мог этот бес Конан прорваться мимо Ульрика?

— Увы, издалека я не в состоянии видеть каждого в отдельности. Но

он изобретательный мерзавец. Когда он от тебя сбежал, я предупреждал, что ты его еще увидишь.

— Мне доложили, что недалеко от города появились банды изменников, — произнес король губами, дрожащими от страха.

— Это слухи, не более того. Хотя разве что в последние дни центральные провинции, в сущности, остались беззащитными.

— И что мы будем делать, если такой головорез вдруг переберется через стены? Что мы будем делать без Черных Драконов! Это ты сказал, что их надо отправить к Ульрику! — Голос монарха вновь задрожал от страха и ярости. — Я доверил эту войну тебе, потому что ты без конца твердил, какой ты умный. Но теперь-то я вижу, какой ты «полководец». Ты испортил все, что только можно. Ты говорил, что Прокаса надо послать в Аргос и тогда с мятежниками будет покончено раз и навсегда. Но этого не произошло. Мы только взбудоражили аргосийцев. Ты твердил, что варвар никогда не посмеет пересечь Алиману. И что же! Пограничного легиона уже нет! Не ты ли уверял, что Имировы Хребты станут последним их рубежом? Так где они теперь? Неужто одолели горы? В конце концов, чума, которую ты наслал...

— Ваше Величество, — под сводами дворца прозвенел молодой голос, — прошу, позвольте мне войти! Это очень срочно!

— А! Один из моих пажей! Я узнал голос. — Нумедидес поднялся с трона и отпер все еще закрытую левую дверь. Едва ключ повернулся в замке, паж так и ввалился внутрь, задыхаясь от волнения и спешки:

— Ваше Величество! Мятежник Конан-киммериец захватил дворец!

— Конан! — вскричал король. — Как это случилось? Говори!

— Сначала у дворцовых ворот появился отряд Драконов — вернее, людей, переодетых гвардейцами. Они сказали, что у них срочное донесение от графа Раманского. Стражники, ничего не подозревая, впустили их внутрь, а я, когда увидел внизу киммерийца, я сразу узнал его по шраму. Я видел его, когда он вернулся из Вестермарка, и сразу побежал предупредить моего короля.

— Ты хочешь сказать, что он явился сюда один с горсткой этих наглецов? — Король побелел от бешенства. Он повернулся в сторону колдуна: — Что ж, самое время показать мне, на что ты способен. Ты должен их заколдовать.

Но колдун и так уже чертил в воздухе своим резным деревянным посохом, произнося при этом слова заклинания на чужом, неведомом языке. И с каждым словом все вокруг чудесным образом менялось. Свечи потускнели, словно их заслонило едким дымом или же испарениями

ядовитых болот. Становилось темней и темней, пока Тронная гостиная не оказалась больше похожей на темницу, запертую в скале.

Король закричал в ужасе:

— Ты наслал на меня слепоту!

— Успокойтесь, Ваше Величество. Я просто наложил заклятие, эта тьма нас укроет. Если мы закроем двери и не будем говорить громко, мятежники нас не заметят.

Паж на ощупь добрался до дверей и повернул ключ в левой двери. Альцина, крадучись, как пантера, закрыла правую дверь. Король проскользнул к трону и сел, не говоря больше ни слова, слишком напуганный, чтобы еще что-то говорить. Альцина вернулась на середину зала и уселась прямо на ковре возле ног своего повелителя. А бедный паж, не понимая ни кто где, ни что делать, устроился возле стены рядом с дверью, мечтая в душе оказаться дома в скромном своем жилище далеко от дворца. В тишине, кроме тревожного биения четырех сердец, не раздавалось больше ни звука.

Неожиданно дверь, возле которой присел на корточки юный паж, распахнулась, и прозвучало заклинание на древнем языке. Тьма стала редеть и вскоре исчезла, вновь — даже в самом укромном уголке — засияли свечи.

В распахнувшихся дверях возвышался киммериец с окровавленным мечом в руке. Рядом с ним стоял одетый в мундир гвардейца жрец Митры, произносящий последние слова могучего заклинания.

— Убей их, Зуландра, — завизжал король при виде своего бывшего наемника. Потом прижал к щеке грязный, испачканный кровью платок и застонал. Альцина еще тесней придинулась к ногам своего господина, не сводя полных ненависти глаз с человека, которого едва не отправила на тот свет.

Чародей поднял свой резной посох, метнул его в Конана, вперемежку со словами заклятия изрыгая брань в адрес никому не известных богов. Яркая вспышка света, подобно голубой молнии, вырвалась из посоха, намереваясь ударить в закованную в броню грудь Конана. Но со страшным треском наткнулась на невидимую преграду и рассыпалась искрами.

Зуландра, сдвинув брови, повторил заклинание и метнул посох в Декситуса. И вновь голубое пламя, прочертив в воздухе огненную кривую, отскочило от незримой преграды, как вода от стекла.

Конан, сверкая глазами, двинулся на колдуна с единственной мыслью — во что бы то ни стало уничтожить ядовитую гадину, но тут из-за спины у него вырвался капитан Сильванус и бросился вперед:

— Ты отнял мою дочь! Я отомщу тебе!

Обезумев от гнева и от страданий, с налитыми кровью глазами, Сильванус одним прыжком оказался рядом с волшебником и занес меч над его головой. Но прежде, чем он успел его опустить, тот направил в грудь несчастного посох и в третий раз выкрикнул заклинание. И в третий раз ударила синяя молния, наполнив сиянием зал, и Сильванус, вскрикнув от ужаса, рухнул лицом вниз.

На спине в доспехах его появилась дыра шириной с большой палец взрослого мужчины. И закаленная сталь оплавилась по краям. На персидском ковре медленно расплылась лужа крови, смешиваясь с ярким причудливым узором.

Конан шагнул вслед за Сильванусом, не рассуждая. Паж, посерев от страха, забился за трон. Король и Альцина прижались к стенам.

Но Зуландра еще не истощил свои силы. Он схватил посох обеими руками и протянул его перед собой. Вновь раздалось заклинание на языке, который существовал еще до того, как волны поглотили Лемурию. И Конан, сделав еще один шаг, словно уперся в невидимую стену.

Стена была мягкой, податливой, но прорваться сквозь нее было невозможно. Мышцы напряглись, лицо Конана потемнело от сверхчеловеческого усилия, но преграда осталась на месте. Конан метнул меч. Порох в руке колдуна чуть наклонился, словно незримо исторгнув какой-то луч, и остановил грозное оружие. И Декситус оказался бессилен против посоха.

Наконец колдун заговорил, и голос его словно нес на себе тяжесть всех тысячелетий:

— Этот бывший жрец Митры помог тебе справиться с моей молнией, но жалкая его магия бессильна уничтожить меня. Аквилония не оценила моих усилий. Я ухожу, я возвращаюсь в далекие земли, где восходит солнце, где люди по достоинству восславят мои труды и дар бессмертия. Прощай!

— Хозяин! Хозяин! Возьми и меня! — кинулась к нему, униженно моля, Альцина.

— Нет! Не подходи, девочка. Ты мне больше не нужна.

С этими словами Зуландра подошел к двери, через которую он и вошел. Податливая, мягкая стена незримо передвигалась за ним следом. Конан не отставал ни на шаг. Глаза киммерийца сверкали, он злобно оскалился, как рассерженный волк. Могучее тело тряслось от еле сдерживаемой ярости. Наверное, так хищник смотрит на ускользающую добычу.

Добравшись до дверей, колдун принял раскачиваться, потом

кружиться. Он кружился быстрей и быстрей, пока не превратился в расплывчатое пятно. И вдруг исчез.

Вместе с ним исчезла и невидимая преграда. Конан мгновенно прыгнул вперед, занеся меч для сокрушительного удара, но врага уже и след простыл. Со страшной бранью киммериец ринулся в коридор, но и тот оказался пустым. Конан прислушался, но шагов нигде не было слышно.

Он постоял, встряхнул гривой, словно пытаясь отделаться от наваждения, и наконец, вернулся в гостиную. Декситус стоял на страже у двери, Альцина прижалась к стенке, а Нумедидес сидел на своем троне, все еще прижимая к царапине грязный платок. Конан направился прямиком к нему.

— Назад, смертный! — взревел Нумедидес, выставив вперед короткий кривой палец. — Знай же, я стал богом! И я король Аквилонии!

Конан протянул руку. Мускулы бугрились, как корни вековых сосен. Варвар сгреб короля за ворот и одним рывком поставил на ноги.

— Ты хочешь сказать, — прорычал северянин, — что ты здесь был королем? Что еще?! Говори перед смертью!

Монарх забился в лапе варвара, словно жалкий фитиль в гаснущей свечке. Слезы потекли по дряблому, жирному лицу, смешиваясь с сочившейся еще кровью. Он опустился на колени и забормотал:

— Не убивай меня, добрый Конан! Я, конечно, сделал немало ошибок, но я хотел Аквилонии только добра. Не надо, не отправляй меня туда, откуда нет возврата. Ты же не можешь убить старого безоружного человека.

В гневе Конан швырнул Нумедидеса на пол. Вытер меч о край платья поверженного властелина, вложил в ножны. Повернувшись на каблуках, он сказал:

— Я не воюю со свиньями. Посадите куда-нибудь это ничтожество, пока не найдется для него подходящего места рядом с безумными и бесноватыми.

Он двинул было к дверям, но вдруг уловил за спиной молниеносное движение, услышал вздох Декситуса, метнувшегося предупредить друга об опасности. Нумедидес заметил на ковре отравленный кинжал Альцины и бросился вперед в отчаянной попытке всадить клинок в спину ненавистного варвара.

Конан развернулся, поймал левой рукой державшее кинжал запястье. Правой сдавил королю горло и уложил у подножия трона. Напрасно силился Нумедидес оторвать от себя руку гиганта. Потом забил ногами и захрипел.

Железные пальцы Конана все сильнее сжимали жирную шею. Глаза короля закатились. Рот раскрылся, но теперь уже беззвучно. Все страшнее стискивалось неумолимое кольцо, и наконец, стоявшие в зале услышали слабый треск. В уголке рта у Нумедидеса появилась еще одна капелька крови. Лицо посинело, руки разжалась и упали. Отравленный кинжал звякнул об пол и отскочил в угол.

Конан не отпускал горло, пока жизнь не оставила короля. Наконец он разжал пальцы, и тело с глухим стуком плюхнулось на пол неряшливой грудой.

В коридоре послышался топот ног, бряцанье доспехов, и Конан мгновенно, переведя дыхание, выхватил меч из ножен. Но в дверях показались его же люди, которые после небольшой драки со стражниками рыскали по бесконечным рядам покоев в поисках предводителя. Солдаты, подтягиваясь к дверям один за другим, немедленно умолкали при виде киммерийца, который стоял, широко расставив ноги, с мечом в руке возле Аквилонского трона, и в глазах его сверкало торжество.

О чем он думал в этот момент, не знал никто. Но, в конце концов, он вложил меч в ножны, наклонился и снял испачканную в крови корону с растрепанной головы мертвого Нумедидеса. Он держал в руке этот тоненький обруч. Другой — развязал тесемки шлема. Потом, сбросив шлем, обеими руками поднял корону и, подержав перед глазами, надел.

— Ну? — спросил он. — Как?

Ответил ему Декситус:

— Будь здрав, Конан, король Аквилонии.

Солдаты закричали в восторге. Под конец даже прятавшийся за троном и смотревший на все круглыми, как у совы, глазами паж присоединился к общему веселью.

Альцина оторвалась от своего угла и, двигаясь с восхитительной грацией, которая и пленила Конана в Мессантии, порхнула к трону и изящно опустилась на колени.

— О Конан! — вскричала она. — Я всегда любила только тебя. Но, увы, мерзкий чародей околдовал меня. Он заставил меня служить себе. Прости — и я всю жизнь буду твоей преданной рабой!

Конан хмуро взглянул на танцовщицу, и голос его прокатился под сводами дворца подобно грому:

— Только дурак и позволил бы убийце ждать удобного момента где-нибудь неподалеку. Будь ты мужчиной, я бы тебя отправил в преисподнюю прямо сейчас же. Но с бабами я не воюю. Так что убирайся. И запомни: если, начиная с этой ночи, тебя увидят где-нибудь неподалеку, клянусь, ты

расстанешься со своей прелестной головкой. Элатус, отведи ее на конюшни, пусть ей оседлают лошадь, и отправь за городские ворота.

Альцина вышла. Лица ее при этом не было видно: его скрывало облако черных волос. У дверей она повернулась — по щекам у нее текли слезы. Наконец Альцина ушла.

Конан пнул ногой труп Нумедидеса:

— Насадить голову этого ублюдка на копье и пронести по всему городу, после чего отправить к Ульрику Раманскому. Пусть знает, что его армия теперь служит новому королю.

Какой-то солдат протолкался поближе к киммерийцу.

— Господин! — крикнул он.

— Ну.

Глаза у солдата от натуги и спешки округлились, как пуговицы на мундире. Он едва перевел дыхание.

— Ты поставил нас с Кадмусом охранять дворцовые ворота. Ну так вот! Мы услышали стук копыт и скрип экипажа, но никакой лошади и никакой кареты не было видно. Потом Кадмус показал рукой, и я увидел, как от конюшен в нашу сторону метнулась странная тень, вроде бы как экипаж проехал. Но только тень, а больше ничего!

— И что вы сделали?

— Сделали? А что мы могли сделать? Тень проскользнула в ворота и исчезла. А я побежал рассказывать тебе.

— Не сомневаюсь, это королевский колдун и его слуга, — сказал Конан замершим от изумления воинам. — Пусть убираются. Этот мошенник говорил, что хочет теперь отправиться в дальние страны. Значит, для нас он больше не опасен. — И, повернувшись к Декситусу, киммериец добавил: — Завтра утром нам нужно будет назначить новых сановников. Я хочу, чтобы ты стал канцлером.

Жрец в отчаянии вскричал:

— О нет, только не это, Конан... Ваше Величество! Я должен теперь стать отшельником, дабы заслужить прощение моего ордена!

— Когда вернется Публий, я тебя отпущу. Но завтра предстоит решать дела целого королевства. А башка у тебя варит неплохо! Так что к полудню собери придворных, которые еще не сбежали.

Декситус тяжко вздохнул:

— Будет исполнено, Ваше Величество. — Он посмотрел на бездыханное тело Сильвануса и горько сказал: — Мне так жаль этого молодого человека, но у меня не хватило сил создать защитное поле для вас обоих.

— Он умер как воин, и его похоронят со всеми почестями, — сказал Конан. — Где-нибудь в этом мраморном сарае есть ванная?

* * *

Свежевыбритый, умытый, в роскошном платье эбеново-черного бархата, Конан восседал на пурпурном троне в Малой тронной гостиной. В гостиной царил образцовый порядок: трупы убраны, отравленный кинжал выброшен, ковер очищен от крови. На суровом лице киммерийца нет-нет да и вспыхивала довольная улыбка.

Вскоре двери распахнулись и появился Публий в бархатном камзоле. Под мышкой он тащил кипу пергаментных свитков.

— Государь! — начал он. — У меня тут...

— Кром! — вскричал Конан. — Что, дела не могут подождать? Вот-вот появится Просперо с десятком красавиц. Они все хотят стать избранницей короля, и мне надо будет выбрать...

— Государь, — твердо повторил Публий. — Дела не терпят отлагательств. Ничего с красавицами не случится, если они немного потерпят. Вот, к примеру, прошение барона Кастрийского. Он просит, чтобы с его земель сняли налоги. А вот отчет казначея о состоянии казны. А вот жалоба некоего Финтеаса на Ариуса Прискаса. Подана шестнадцать лет назад и до сих пор не рассмотрена. А вот письмо бывшего шпиона Вибиуса Латро по имени Квесадо. По-моему, мы с ним как-то уже встречались.

— Чего хочет от меня этот пес? — прорычал Конан.

— Он хочет, чтобы его приняли в прежнем качестве на службу к Вашему Величеству.

— Что ж, он неплохо справлялся со своей работой. Пусть подышут ему местечко где-нибудь... но никогда не берут ни с каким посольством.

— Будет исполнено. Вот прошение о помиловании некоего Галенуса Зило. А вот это от владельца медных копей. Там нужно...

— Десять тысяч преисподен Зандру! — простонал киммериец, сжав кулаки. — Почему ни один болван не предупредил меня, что государственные дела — такое занудство! Лучше уж быть пиратом!

Публий улыбнулся:

— И самую легкую корону носить порой нелегко. Повелитель должен править, иначе это сделает кто-то другой. Вот Нумедидес забыл о своем долге и потому...

Конан вздохнул:

— Хорошо, хорошо. Ты, конечно же прав, будь я проклят! Паж! Принеси сюда стол и разложи пергаменты. Ну, Публий, давай начнем с отчета казначея...